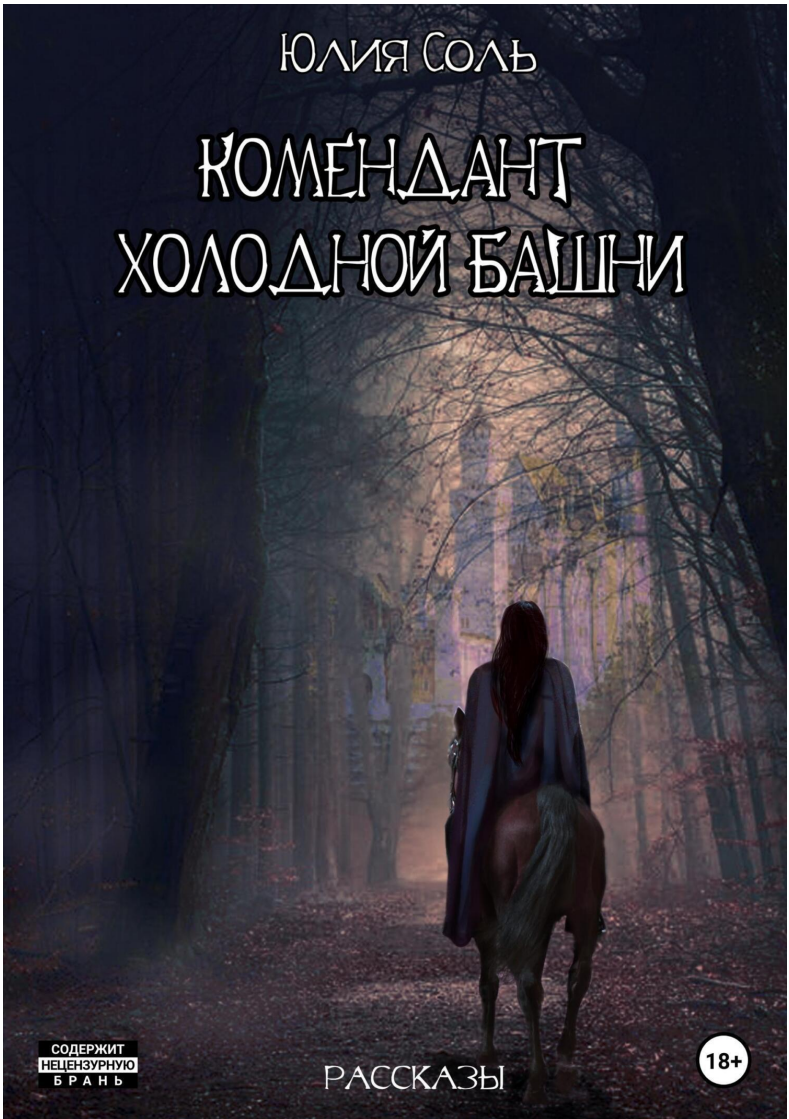
Юлия Соль

Комендант Холодной башни



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

РАССКАЗЫ

18+

Юлия Соль
Ксения Перова

Комендант Холодной Башни. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68729661
SelfPub; 2022

Аннотация

Цикл «Комендант Холодной Башни»Средние века – темное и неприятное место. Особенно когда ночью с дерева на тебя может прыгнуть белеск, а ужасные вараки – сожрать и превратить в ходячего мертвеца. Хорошо, что народ в этом мире живет крепкий, храбрый – что благородные, что их вассалы. Ловко владеют мечом и кинжалом, еще ловчее плетут интриги, не боятся ни ведьм, ни домовых, всегда выполняют свой долг, и, несмотря на суровость, любят детей и домашних животных :) Особенно лошадей ;)Цикл «Контора господина Шенки»Контора господина Шенки известна тем, что решает не только обычные вопросы, но и необычные. Например, сопровождать богатую наследницу, которая по условиям завещания должна провести ночь в доме с привидениями. Ну, а уж убить легендарного господина Шенки хочет просто-таки каждый второй. Уж очень это неудобный господин и слишком много знает. Но без его конторы не обойтись

– ведь даже в двадцать первом веке в крупном мегаполисе может случиться все, что угодно.

Содержание

Предисловие	5
Иллюзия мести (цикл «Контора господина Шенки»)	8
Март. Сказка	42
Кори. Сказка	61
Ник. Городская сказка	76
Желтый камень	88
Второй ключ (цикл "Комендант Холодной Башни)	189
Сон феи (цикл «Контора господина Шенки»)	209
Наследство (цикл «Контора господина Шенки»)	234
Хвост русалки (цикл «Контора господина Шенки»)	253
Селеста	283
Комендант Холодной Башни	293
Зеленое яблоко	381
Куда она вернется	388
Лягушачья кожа (цикл «Контора господина Шенки»)	393
Вассал	403

Юлия Соль
Комендант Холодной Башни. Рассказы

Предисловие

В этой книге собраны рассказы Юлии Тереховой (Юлия Соль, @salt_jt). Юлия писала в жанре городское фэнтези и так называемое «низкое» фэнтези, по законам которого магия и прочие чудеса хоть и присутствуют, но не являются естественной частью мира. Порой его еще называют «низким» из-за несвойственного фэнтези отсутствия пафоса (типа обязательной борьбы Добра со Злом), а также наличия «чернухи» и неоднозначной морали.

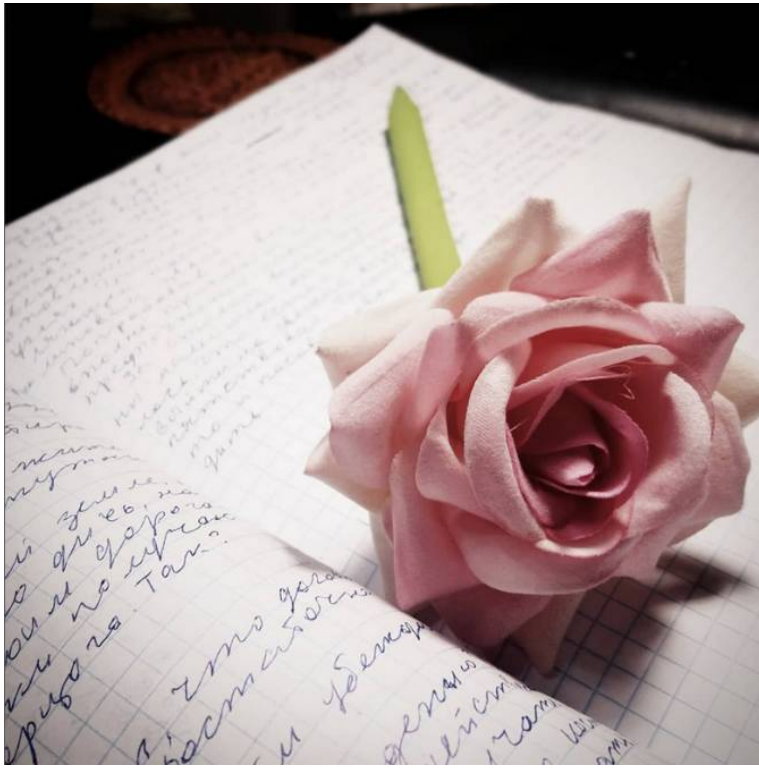
Все это вы здесь найдете! :)

Свои произведения Юлия публиковала только в Неназываемой Сети, и после ее смерти (и сети и Юли, печальное совпадение) весной 2022г., я приняла решение сохранить ее творчество для мира. Для вас.

Юлия слишком рано ушла туда, где нет бурь, но ее герои навсегда останутся с нами.

Рассказы идут в порядке публикации. Все фотографии и

рисунки взяты из блога автора.



Иллюзия мести
Москва 1995 год

Иллюзия мести (цикл «Контора господина Шенки»)

Москва, 1995г.

Последние дни августа, утопающие в золоте. Пьянящая радость жизни на краю могилы.

Дорога шла между скошенных полей. Простор. Сумасшедшая воля.

Я смотрел из окна рейсового автобуса, как громоздятся на горизонте грозовые облака, обрамленные лучами солнца. Красиво.

Гораздо удобнее и проще было бы ехать в машине, не связываясь с общественным транспортом. Общественный транспорт чреват неожиданностями. Не всегда приятными. Но рука еще слишком болела, не давала долго быть за рулем.

Я созерцал пейзаж, когда автоматная очередь прошила крышу автобуса.

В проходе, у кабины водителя, стоял человек, небрежно держа изделие Калашникова.

– Кто встанет с места или откроет пасть – будет трупом, – изрек он.

Ему вняли. Никто не шевельнулся. Никто не проронил ни звука.

– Отлично, – сказал стрелок, – вы, как я вижу, ребята понятливые. Тем лучше. Для всех. Автобус захвачен. Вы все – заложники. Если есть вопросы, лучше оставьте их при себе. Ни я, ни мои товарищи все равно не собираемся на них отвечать.

Товарищи… У каждой двери было по человеку. И никто из них не мог пожаловаться на отсутствие огнестрельного оружия. Ну и водитель. Четверо. Не так уж и много. Но что можно с ними сейчас сделать? Ничего. Плыть по течению. И не слишком барахтаться.

Автобус заложил крутой вираж, съехал с шоссе на грунтовку. Солнце уплыло вправо. Мы взяли курс на юго-запад. Или что-то вроде того. Я откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

…Пару раз автобус тряхнуло так, что дальше притворяться спящим было просто глупо.

Мы въезжали в ангар. Не слишком просторный, полутемный, душный. Мотор захлебнулся последней судорогой и заглох.

– О'кей, – сообщил стрелок, – прибыли.

Он прошел по проходу между кресел, оценивающе глядя на своих пленников.

– Ну а теперь, кто из вас Джей Тайсон?

Что же, ситуация была интересной, а стала еще интереснее.

– Ну?

Он ткнул дулом автомата парня, попавшегося ему под руку.

– Ты?

– Нет.

– Уверен?

– Конечно.

– А я не уверен.

– Я говорю правду.

– А я тебе не верю.

Стрелок развернулся и подошел к здоровяку, который сидел во втором ряду.

– Ты?

Тот только отрицательно покачал головой.

Стрелок прищурил глаза, еще раз осмотрел салон. Больше подходящих кандидатур не было. Кроме меня. И он шагнул ко мне.

– Ты?

Я кивнул.

Он улыбнулся. Прикладом автомата врезал по зубам. Очень профессионально. Достаточно, чтобы причинить боль. Недостаточно, чтобы нанести вред.

– Ну ладно, это так, для знакомства. Идем.

Когда мир перестал быть черно-белым , я поднялся и шагнул за ним. Кто-то в спину мне прошипел проклятия и наилучшие пожелания поскорее сдохнуть. Люди наконец-то нашли безопасный объект, на который можно выплеснуть

страх вперемешку с ненавистью.

Стрелок провел меня через весь ангар, в ярко освещенную комнату без окон.

Посередине пустого пространства стояло металлическое кресло. Конструкция с высокой спинкой, спаянная из трубок.

– Садись. Этот трон для тебя. Только сначала сними куртку.

Я расстегнул молнию и осторожно высвободил левую руку.

– Я буду разговаривать с тобой?

– Какое-то время да.

– О чем?

– Узнаешь.

– Когда прибудет хозяин?

– Сейчас для тебя хозяин я. И не просто хозяин, а прямо господь бог.

– Не нужно заговариваться.

– Ты прав.

Он взял мою куртку и отшвырнул в сторону.

– Теперь садись.

Кресло выглядело отвратительно.

– Есть возражения?

– Сколько угодно.

Тогда стрелок взял меня за левую руку, немного выше локтя, и несильно сжал пальцы. Возражений больше не было.

Наручники вдавили запястья в холодную сталь подлокотников.

– Чего мы ждем? – спросил я. – Когда звезды начнут падать с неба?

– Малыш, ты ждешь меня.

Он стоял за моей спиной. Я не видел его, но чувствовал запах. Запах дорогого табака и дорогой туалетной воды. И, совсем невесомо, запах виски.

– Мне кажется, – проговорил я, – я видел вас. Дважды.

– Да? Возможно. Где?

– Первый раз в «Метрополе», зимой.

– А второй раз?

– В приемной господина Шенки. Как раз после…

– Заткнись!

Он стремительно шагнул вперед, и его пальцы сжали мой подбородок.

– Тебе бы следовало свернуть шею, – заявил он. Вместо этого его рука скользнула вверх к виску, коснулась моих волос. – В следующий раз я именно так и поступлю.

Наконец он появился передо мной. Действительно, тот самый. С Шенки они терпеть друг друга не могли.

– Хорошо, малыш, тебя я немного знаю и, полагаю, тебе не составит труда выполнить одно небольшое поручение.

– А именно?

– Пойдешь и убьёшь своего шефа.

– Что я сделаю?

– Застрелишь господина Шенки. Разве я непонятно изъясняюсь?

– Нет. Просто… Просто хотел бы знать, с какого перепугу мне это делать.

– Тебе нужна мотивация? Тогда вспомни о тех людях в автобусе. Если начнешь привередничать – им будет плохо. Не веришь?

– Почему же, верю.

– Вот и отлично. Будем считать, что договорились.

– Нет.

– Понимаю. Хочешь поторговаться. Этого требует твоя совесть. Что же, облегчу тебе задачу. Сережа!

– Да? – Стрелок подался вперед.

– Сережа, будь умничкой, приведи кого-нибудь из пассажиров.

Идиотская ситуация. Меня они трогать не собираются, будут отыгрываться на других. Со своей болью я еще могу справиться. А вот с чужой?

– Не нужно,– я старался не смотреть на них, – я согласен.

– Вот видишь, как все просто.

После этого он ударил. Сначала, вскользь, левое плечо. Потом солнечное сплетение. И, после того как я согнулся пополам, ребром ладони по основанию черепа. Выждал минуту, а потом за волосы поднял мою голову.

– Ну что, теперь не так тошно?

Я промолчал. Было больно дышать, не то, что говорить.

– Твою руку следует показать хирургу. Сережа, освободи его.

Стрелок снял наручники.

– Я дом тебе револьвер, три пули, машину и восемь часов времени. Что скажешь?

– Щедро.

– Да. Так вот. Если ты вдруг исчезнешь или что-то пойдет не так, я начну убивать заложников. Медленно и со вкусом. Это будет на твоей совести, малыш.

– Угу.

– Время пошло. И не переживай, убьёшь одного – спасешь восемнадцать. Не так уж и плохо. На небесах зачтется.

***

Я хотел его убить. Видит Бог, сколько раз я хотел его убить. Не думал, что когда-нибудь до этого дойдет.

Я гнал машину на предельной скорости. Впереди был поворот. Там-то они меня и ждали.

Я начал плавно входить в вираж. Не справился с управлением и врезался в дерево. Удар был ощутимый, но особого вреда не принес. Во всяком случае, мне. Машине пришлось хуже. Дереву тоже. Оно осыпало меня желтой листвой, качаясь в вышине.

Когда перестал созерцать крону, я наконец-то заметил их. Автоинспекция. Как всегда, вовремя.

Один из них подошел и вежливо постучал в окно.

Я открыл дверь. Он стоял у моего левого плеча. Неприятное ощущение.

– Инспектор Килеев, – представился он, козырнув по старой памяти, – в чем дело?

– Вы же видите, не вписался в поворот.

– Вы пьяны?

– Вряд ли.

– Что означает «вряд ли»?

– Думаю, это последствия анестезии.

– В самом деле?

– Что в этом странного?

– Если вы собирались вести машину, вам следовало отказаться от нее.

– Когда мне ее делали, я не собирался садиться за руль.

– Когда это было?

– Несколько часов назад.

– Вам удаляли зуб?

– Зуб? Нет.

– А вид у вас именно такой.

Я невольно прикоснулся к губе. После встречи с прикладом она выглядела не лучшим образом.

– Так получилось, – криво усмехнулся я.

– Вылезайте. Руки на машину, шаг назад.

Я ему не понравился. Явно. А если ему рассказать о заложниках в автобусе? Вот бы он мне поверил.

– Я сказал, шаг назад!

Не везет мне сегодня на встречи.

Подошел второй инспектор.

– Что у нас здесь? – поинтересовался без особого энтузиазма.

– Сейчас посмотрим.

Килеев быстро и профессионально обыскал меня. Очень заинтересовался кобурой подмышкой.

– Повернись. Быстро.

Я повернулся.

Он распахнул мою куртку и извлек из-под нее тот самый револьвер с тремя патронами.

– Жизнь становится интересной,– все так же пассивно прокомментировал находку второй.

– Есть разрешение, – сообщил я.

– Проверим.

– Проверяйте.

– Заткнись.

– Пожалуйста.

– Что с ним делать? – спросил Килеев у собрата.

– Вези к капитану. Пусть с ним сам возится, если хочет.

– А ты?

– А я подожду здесь.

– В машине есть бар, – подсказал я.

– Тебе же сказали заткнуться.

– Просто поставил в известность.

– Садись в машину. Поехали.

– В эту?

– Нет, в эту! – он толкнул меня в сторону «москвича» с синей полосой и гербом Москвы на боку.

***

– Не повезло тебе, парень. Нет начальства. Придется подождать. Вон там, – Килеев кивнул на «обезьянник». Выглядел он не очень эстетично. Ладно, переживу. – И долго мне сидеть?

– Кто знает?

– Ну, хорошо. Могу я позвонить? Всего один телефонный звонок.

– Потом. Если капитан разрешит.

Вот дьявол!

– Я хотел позвонить домой.

– Домой?

– Да. Что в этом плохого?

– Ладно. Даю две минуты. Не успеешь – твои проблемы.

И он пододвинул мне аппарат цвета слоновой кости.

Две минуты, боже мой. Меня сегодня просто преследует дефицит времени.

Я набрал номер. Гудки. Неужели они отключили прямую линию?

Щелчок.

– В чем дело? – Голос сухой и резкий, как удар кнута.

– Это Джей.

Молчание. Потом голос Шенки смягчился. Так, чуть-чуть.

– Ты где?

– Сейчас я арестован за превышение скорости. Дело не в этом. У меня меньше минуты.

Килеев наконец догадался, что разговариваю я отнюдь не с бабушкой. Потянулся к рычагу телефона. Я перехватил его руку и отбросил.

– Мне сейчас не дадут говорить. Но речь идет о вашей жизни, моей, и еще восемнадцати человек.

В этот момент Килеев вырвал у меня трубку. Но кроме гудков ничего не услышал. Шенки уже отключился.

– Хорошо, – сказал я, – теперь можешь запирать.

Прошло двадцать пять минут. За это время Килеев успел позвонить кому-то дважды. Совсем не по служебным делам. Ему звонили три раза. В данный момент он сидел с трубкой у уха, откинувшись на спинку стула и водрузив ноги на заваленный бумагами стол. И к своему собрату, уничтожающему запасы спиртного в баре моей машины, не очень торопился.

А я думал о плитке шоколада, которую инспектор изъял у меня вместе с револьвером, платком и ключами.

Килеев нехотя поднялся, гремя ключами, отпер решётку. Провел меня в одну из комнат, втолкнул в нее и запер дверь за моей спиной.

Маленькая чистая комната, пропахшая табаком. На окне глоксинии, белые и серебристо-розовые.

На столе телефон. На этот раз зеленый. Трубка лежит рядом. Когда я поднял ее, услышал хорошо знакомый голос.

– Теперь потрудись объяснить, о чьих жизнях шла речь.

Я объяснил.

– Чего ты хочешь? – спросил Шенки.

– Есть и спать.

– Не валяй дурака.

– Я должен убить вас, сэр.

– Ну и что?

– Я вынужден это сделать.

– Восемнадцать жизней в обмен на одну?

– Что-то в этом роде он как раз и говорил.

– Подожди.

Шенки повесил трубку.

Я сделал тоже самое, и стал ждать.

Солнце, окутанное голубоватой дымкой, уже скрылось за крышами домов. Неумолимо наступал вечер.

Прошло еще четверть часа. Звонок.

– Да?

– Джей?

– Я, сэр.

– Сколько осталось времени?

– Пять часов, сорок две минуты.

– Через два часа будь в «Белой розе», это бар…

– Я знаю.

– Очень хорошо.

– И этот бар?..

– Я буду там. Можешь стрелять.

– Шеф, простите? Стрелять?

– Да, конечно. Восемнадцать жизней взамен одной.

– Сэр!

Кажется, Шенки просто наслаждался ситуацией.

– Не вздумай целиться в голову. Будешь стрелять в область сердца. Это понятно?

– Кажется, да. Но пули настоящие.

– Разумеется. Все будет учтено.

– Хорошо. Ровно через два часа. Только каким образом я отсюда выйду?

– Обычно. Через дверь.

– Угу.

– Кстати, позвони своим дружкам. Пусть поприсутствуют на шоу.

Отлично, значит, я должен выйти через дверь. Я попытался. Дверь была заперта. Пришлось постучать. Никакого результата.

Я выругался. Очень тихо. И после этого шарахнул дверь ногой.

На этот раз цель была достигнута. Килеев выглядел не очень дружелюбно, но вполне терпимо.

– Вы можете идти, – сообщил он.

Мне вернули револьвер с тремя пулями, платок и ключи. Шоколадка исчезла безвозвратно. Впрочем, ни я, ни инспектор не стали заострять на этом внимания.

Я нашел телефонную будку на углу улицы. Огромный клен укрывал ее своей листвой.

Напротив, через дорогу, был вход в метро. Мне пришлось спуститься под землю за жетонами для таксофона. Потом вернулся к стеклянной будке, проигнорировав те аппараты, что висели на стене, выложенной грязно-серой плиткой. Толпа людей. Ненавижу толпу.

Для начала я позвонил Ольге, секретарю господина Шенки. Если играть, то играть до конца. И потом, кто знает, может те стрелки каким-то образом следят за мной. Хотя, вряд ли. Зачем им лишние хлопоты? У них проблем сейчас хватает. Там, в ангаре.

– Нужен шеф? – удивилась Ольга. – Зачем?

– Поверь, это необходимо. Где я смогу найти его?

– Сейчас он здесь.

– Нет, только не контора! Я даже близко к ней не подойду.

– Ну, хорошо, у него назначена встреча в «Белой розе». Попробуй перехватить его там. Продиктовать адрес?

– Давай.

Просто так. На всякий случай.

После этого звонок заказчику.

Я достал из кармана визитку. Оскар Иващеев. Как досадно! А мне в его внешности почудилось что-то испанское.

Ошибся.

Начал накрапывать дождь. Со всех сторон над Москвой сползались серые тучи, пряча небо. Отблески вечерней зари скользили по ним, вспыхивая багровым, добавляя трагизма всей картине.

Я набрал номер.

Два гудка. Щелчок. Голос поинтересовался, что мне нужно.

– Господин Оскар?

– Это ты, малыш? Мне нравится, когда ты называешь меня господином.

– Это всего лишь форма вежливости. Общепринятая.

– И тем не менее.

– Если я вас назову ваша светлость, вам это доставит еще большее удовольствие?

– Давай остановимся на господине.

– Да ради бога!

– Где ты был столько времени?

– Сидел под арестом.

– Что-что?

– У вашей машины, мой господин, рулевое управление ни к черту не годится. Я тут ни при чем.

– И как же ты выбрался из-под стражи?

– Дал взятку.

– Надеюсь, ты не только об этом хотел мне сообщить?

– Нет, конечно. Я хотел пригласить вас на спектакль.

– В самом деле?

– Да. Бар «Белая роза». У меня где-то был адрес…

– Я знаю, где это.

– Тем лучше. Там состоится представление по вашему заказу. Приблизительно в 21:00.

– Почему бы и нет? Наверно, я приеду посмотреть. Скоро встретимся, малыш.

– Да, мой господин.

Я первый повесил трубку. Потом стоял и смотрел, как капли дождя бегут по стеклу, оставляя за собой прозрачный след.

***

Помещение было выдержано в теплых оттенках янтаря и шоколада, с вкраплениями белых цветов. Свет, казалось, лился из ниоткуда.

Я пришел сюда немного раньше назначенного времени, чтобы успеть кинуть в желудок хоть что-то. Большая чашка черного кофе и кусок вишневого пирога с марципаном. Для девяти вечера не самая подходящая еда. Ну и ладно, зато быстро.

Шенки опоздал на три минуты. С ним был Феликс. Вот это плохо. О Феликсе я забыл.

Револьвер со взведенным курком лежал у меня на коленях.

Две пули. Одну оставлю. На всякий случай.

Шенки увидел меня. Его губы дрогнули в едва заметной усмешке.

Револьвер обжог руку холодом. Обычно, ложась в ладонь, оружие срастается с кожей, превращается в часть тебя. Но не теперь.

Бесшумно отодвинув стул, я выпрямился. Феликс стоял ко мне спиной. Шенки повернулся, изображая собой мишень.

Я поднял руку и выстрелил. Дважды. Целясь немного правее сердца. Пули легли так близко, что их черные следы слились в одно пятно.

Шенки пошатнулся. Схватился за спинку стула, но все равно упал, пачкая кровью белоснежную скатерть. Феликс выхватил пистолет. И я целых четверть секунды созерцал черный ствол, направленный мне в лоб. Он узнал меня, и это отсрочило выстрел.

Я бросился на пол, и тут же пуля с глухим стуком ударила в стену.

– Джей, скотина!

Феликс опять нажал на курок. И под его выстрелами я рванулся к стойке бара. Пуля, рикошетом отскочив от стены, ударила в левое плечо. Я даже не почувствовал этого. Распластался за металлической стойкой и перевел дух. Следующий этап – дверь.

Идиотское положение. Всего один патрон, которым я не

могу воспользоваться. Я не могу стрелять в своего друга. Вернее в своего бывшего друга. Теперь, даже если все обойдется, вряд ли наши отношения останутся прежними.

На меня полилось что-то липкое и до противности сладкое. Шерри бренди! Теперь вылейте на меня бутылку виски, и получится отличный коктейль.

Проклятые битые бутылки! Приходится ползти по ним. Вот она, дверь.

В полутемном проходе наткнулся на бармена. Наотмашь ударил его по лицу револьвером и выскочил на улицу.

Дождь. Настоящий ливень. Я в каком-то переулке, где нет ни единого фонаря. Вой сирен. Близко. Нужно бежать.

Меня ослепил свет фар. Ничего не видно, кроме этого белого марева, пожирающего глаза.

Застонав от отчаяния, вскинул револьвер, собираясь выстрелить туда, где по моим предположениям должно быть лобовое стекло.

– Джей!

Я попытался заслонить глаза рукой, но это не помогло.

– Сюда, Джей!

Господин Оскар, как это мило.

Я ввалился на заднее сидение и едва успел захлопнуть дверь, как машина рванула с места.

Мы долго петляли по каким-то переулкам, путая следы. Наконец выбрались на широкий проспект, где свет фонарей мешается с неоновыми вспышками рекламы.

Еще минут пять ехали молча. Потом Оскар повернулся ко мне, обнажив улыбке белые ровные зубы. Какая жалость, что он не испанец!

– Прекрасный спектакль, – сказал он, – я очень, очень доволен.

А если что-то пошло не так? Если это была не иллюзия. Если я все-таки убил Шенки?

Медленно, как будто очнувшись от глубокого сна, опять появилась боль в руке.

– Право же, – продолжал Оскар, – я был в полном восторге. Мне так все понравилось, что я даже не накажу тебя.

Прошло не меньше минуты, прежде чем до меня дошел смысл сказанного.

– Наказать? Меня?

– Именно.

– Я…

– Я не люблю, когда пытаются меня обмануть.

Он включил магнитофон.

Голос Шенки: «Не вздумай целиться в голову. Будешь стрелять в область сердца. Это понятно?»

Следом моя реплика: «Кажется, да. Но пули настоящие».

И снова Шенки: «Разумеется. Все будет учтено».

– Ну как? – поинтересовался Оскар.

– Паршивая запись. Шумы и все такое.

– Конечно. Не с лазерного же диска переписывали.

– Откуда это?

– Заплатил кому надо.

Машина затормозила у тротуара, рядом с яркой витриной. Два манекена в огненно-рыжих париках демонстрировали плащи новой коллекции.

– И что теперь? – тихо спросил я.

– Ничего. У тебя остался час и пятнадцать минут. Плюс к этому один патрон. Все условия остаются в силе. Ты еще вполне можешь успеть.

– Все сначала. Опять.

– Ты сам виноват.

– Знаю.

Я вылез под дождь. Холодные капли текли по лицу. Придерживая правой рукой искалеченную левую, шагнул в сторону ярких огней. Потом вернулся к машине.

– Как я узнаю, что заложники освобождены?

– Читай завтрашние газеты, – посоветовал Оскар.

Включился левый поворотник, и машина плавно влилась в поток себе подобных.

Тут до меня дошло, что я продолжаю держать в руке револьвер. Поторопился спрятать его под куртку.

Семьдесят минут и последний патрон. Кажется, из подобной ситуации выход только один – застрелиться самому. На обдумывание ситуации ушло несколько драгоценных минут.

То, что я придумал, мне сильно не понравилось.

Время истекало. Осталось каких-то паршивых полчаса. Я едва-едва укладывался в срок, при условии… при условии,

что я вообще смогу это сделать.

По счастью, господин Шенки был уже дома. Открыл дверь, мельком взглянул мне за спину, сказал: «Проходи». Он не успел переодеться. Только снял пиджак, оставшись в той же белой рубашке, залитой чем-то красным.

– Это кровь? – спросил я.

– Да. Синтетическая.

Пол в комнате был устлан пушистым ковром чайного цвета. Не повезет сегодня этому ковру.

– Что-нибудь не так? – спросил Шенки.

– Все не так. Оскар знал, что в «Белой розе» не более чем комедия. У него запись того телефонного разговора.

– И что он сказал?

– Сказал, что у меня мало времени, чтобы исправить ситуацию.

– Есть какие-нибудь идеи?

Я покачал головой.

– Никаких.

Потом достал револьвер и взвел курок.

– Кроме этой.

Шенки равнодушно взглянул на меня.

– Кто-нибудь услышит выстрел, – сухо заметил он.

– Надеюсь, – ответил я и нажал курок.

***

Болела голова – тягучая, бессмысленная боль. Прежде чем что-либо делать дальше, я нашел в аптечке анальгин и проглотил две таблетки. Немного подумал, и добавил к ним еще одну. Все равно они начнут действовать только через полчаса.

После этого набрал на телефоне «02» и назвал адрес. И добавил только одно слово «убийство». С остальным, если захотят, ознакомятся на месте.

Старательно обходя багровые пятна на ковре, я подошел к бару. Извлек из нее почти полную бутылку виски и хрустальный стакан.

Наполнил его до краев.

Вместе со стаканом пошел на кухню. Срезал с лимона корку и опустил тонкую золотую спираль в напиток.

Радужные блики, преломляясь, искрились в стакане. Свет крошечных мерцающих звезд. Отблеск сновидений и забвения.

Нет, пить сейчас было бы неразумно. Хоть и очень хотелось.

Побег от реальности. Все-таки лучше было застрелиться. По крайней мере, голова бы не так болела. И рука. Может быть.

Закурил.

За пять минут успел выкурить три сигареты. И не почувствовал вкуса.

Наконец они явились. Вернее он, в единственном экзем-

пляре. Случайно оказавшийся поблизости представитель закона.

Я встретил его и провел в комнату, оставив дверь открытой.

Он только мельком взглянул, повернулся ко мне.

– Кто это сделал?

– Я.

– И вы же позвонили в милицию?

– Да.

– Зачем?

– Не все ли равно?

Дверь в прихожей хлопнула, кто-то выругался, и перед нашими светлыми очами возник жизнерадостный очкарик в насквозь промокшем плаще.

– Привет, Тай! – бодро начал он. – Ну и где твоя обещанная сенсация? Давай ее сюда!

– Заходи и бери.

Я слегка посторонился, пропуская его в комнату.

Он издал довольный вопль.

– О «Белой розе» я знаю. Это продолжение, да?

– Это финал.

– Ах, ну да.

– Это еще кто такой? – изумился старший лейтенант, ошарашенный подобной наглостью.

– Пресса.

– А, представитель первой древнейшей…

– Второй, мой дорогой, второй древнейшей.

– Есть ли разница?

Я оставил их препираться и вернулся на кухню. Стакан с виски, полный звезд, все еще ждал меня.

До чего де надоело бороться с самим собой. Я выпил его залпом, но легче не стало.

Потом в комнате собралось слишком много народа. Мне наконец надели наручники и, затолкав в машину, повезли куда-то. Показалось, или я действительно видел аккуратно припаркованную машину господина Оскара. Показалось, скорее всего.

Пока меня обыскивали и снимали отпечатки пальцев, кто-то все же обратил внимание на мою руку. Отвели в медсанчасть.

Горели лампы дневного света, отражаясь на хромированных поверхностях. Все было белым и резало глаза.

Врач поменял повязку. Обработал раны старые и новые. Сделал обезболивающий укол. Сам. Я не просил.

После этого меня отвели в камеру. За спиной захлопнулась дверь, отрезая от внешнего мира. Наконец-то я был один. Добрался до кровати. Она оказалась скрипучей. Жесткой. Самой лучшей на свете.

Мне снились белые падающие здания, и жестокое солнце, восходящее над пустыней.

Утром начался допрос.

Их было двое. Серьезны и сосредоточены.

Вначале все было неплохо. Я назвал свое имя. Вернее, два имени. Первое, полученное мной при рождении, и второе, данное мне господином Шенки, когда я поступил к нему на службу.

Я рассказал с подробностями все, что было, и что могло бы еще быть. Я признал все, в чем меня обвинили. Но интересовали их не факты. Им нужна была причина. Господин Оскар и автобус с заложниками. Как раз то, что я пока не мог им дать.

Мне предложили кофе – напиток такой концентрации, что был лишен не только вкуса, но и запаха. На мозг он действовал как хороший разряд тока. Я осторожно заметил, что данный напиток может легко сойти за жестокое обращение.

Они предложили нанять адвоката.

Я ответил, что пока обойдусь.

Дальше этого разговор не пошел. Они были раздражены. Я тоже.

Меня вернули в камеру.

Когда луч солнца из золотисто-белого стал янтарно-розовым, за мной опять пришли.

На этот раз следователь был один. Как раз тот, что мне меньше понравился. Тот, который угостил кофе. Тот, который желал, во что бы то ни стало докопаться до первопричины. И когда я отказался отвечать – обиделся.

На нем была свежая белая рубашка с короткими рукавами. Едва уловимо пахло туалетной водой, что-то морское и

свежее. Его внешний вид раздражал даже больше, чем вопросы.

Было неловко в своей невозможной куртке, с рукой на перевязи, со спутанными волосами, которые неровными прядями падали на глаза. Никогда не думал, что внешний вид до такой степени может подчеркивать неравенство положений.

– Ты так и будешь молчать? – спросил следователь.

– Да.

– И как долго?

– Понятия не имею.

– В твоем молчании есть смысл? Хоть капля смысла?

– Не уверен.

– Тогда какого черта?

– У меня болит голова.

– Что ты хочешь?

– Сегодняшнюю газету.

– Почему бы и нет.

Он перебросил через стол номер «Московского комсомольца».

На первой странице красовалась фотография разгрома в «Белой розе». Рядом фотография из квартиры господина Шенки. Неподвижное тело на светлом ковре. Вокруг головы ореолом расплывалось темное пятно.

Я по диагонали просмотрел статью. Что-то о том, что господин Шенки подозревал о готовившемся покушении. В «Белой розе» он принял меры предосторожности, но никак

не ожидал, что его хитрый ход с иллюзией собственной смерти так быстро раскроется, и киллер заявится к нему домой. Тем более что киллер оказался человеком, которому он доверял.

«Зря доверял»,– подумал я, переворачивая страницу.

– Сколько тебе заплатили? – поинтересовался следователь.

– За что мне должны были платить?

– За убийство твоего шефа.

– Мне не платили. Это была личная инициатива.

– Месть?

– Что-то вроде того.

– За что?

– Он подставил меня.

– В самом деле?

Так и было. Как раз тогда мне искалечили руку.

– Я думал, это было вчера.

– Вчера просто добавили.

– И ты решил отомстить?

– Да.

– Понятно. Хочешь кофе?

– Упаси Боже!

– Как хочешь.

Он вышел за дверь. Наверное, за своим кофейником.

Я перевернул страницу газеты в поисках другой информации.

И я нашел ее. Восемнадцать человек среди ночи оставлены на проселочной дороге в лесу, в трех километрах от шоссе. Никто из них не пострадал. Следствие по этому делу находится в тупике, так как совершенно непонятна причина их похищения.

Причина! Причина – это я.

Почему-то мне не стало легче после этой информации. Но, по крайней мере, теперь на моей совести не было жизни других людей. Людей, мне неизвестных, тихо меня ненавидящих. Или громко.

Дверь открылась.

– Добрый день, мой мальчик,– произнес хорошо знакомый голос, – я пришел за тобой.

Я поднял голову. Передо мной стоял господин Шенки. В его светлых глазах светилась ирония.

– Все закончилось,– проговорил шеф,– ты выиграл.

– Какой ценой?

– Ни одна из душ не отправилась на небеса. Тебе этого мало?

Я указал на газету.

– Это правда? Отпустили всех?

– Всех до одного.

Шенки подошел к столу.

– Тебя отпустят,– сказал он, – но взамен ты должен назвать имя. Таков уговор.

– Зачем это нужно?

– Удовлетвори любопытство человека. Он этого более чем заслуживает. Никаких магнитофонных записей. Никаких свидетельских показаний. Мы просто беседуем. Ведь так?

– Да, – следователь с сожалением вынул из магнитофона кассету и бросил ее в ящик стола.

– Оскар Иващеев, – я пожал плечами, потом добавил, – он любит, чтобы его называли господином.

– Он страдает манией величия, – кивнул Шенки, – вы не сможете никаким образом притянуть его к этой истории с автобусом. Никто не видел его. Свидетелей нет.

– За исключением этого, – следователь указал на меня.

– Я же сказал, никаких свидетельских показаний. Вы возьмете только непосредственных исполнителей. Если они заговорят – дело другое. Но Джей будет молчать.

Следователь достал пачку сигарет, вытащил из нее одну. Остальные бросил на стол. Я попытался одной рукой вытащить сигарету для себя, но не вышло. Ни слова не говоря этот, в белой рубашке, распотрошил пачку, и, прикурив еще одну, протянул мне. Я благодарно кивнул и глубоко затянулся.

– Почему вы не хотите отдать Иващеева мне? – спросил следователь.

– Я сам с ним поговорю, – отозвался Шенки, – и ему это не понравится.

– Но…

– Ничего противозаконного.

– Дело ваше.

– Джей?

– Да?

– Не хочешь сделать заявление о нанесении тебе телесных повреждений?

– Не хочу.

– Разве тебя не били? – Шенки указал на мои разбитые губы.

– Били. Для очистки совести.

– Чьей?

– Моей. Всегда легче подчиниться, когда на тебя оказывают физическое давление. Хотя бы чисто символическое.

– Это в довесок к заложникам?

– Что-то вроде этого.

– И какие были условия?

– Мне дали револьвер с тремя пулями и восемь часов времени. Я едва успел.

– Первая попытка провалилась.

– Оскар знал, что в «Белой розе» был разыгран спектакль. У него запись телефонного разговора, где мы обсуждали это.

– Откуда у него запись?

– Понятия не имею.

– Что потом?

– У меня оставался один патрон и час времени.

Я смял окурок в пепельнице. Вздохнул.

– Тогда я очень устал. Болела голова. Даже больше, чем сейчас. Я ничего не смог придумать. Поэтому просто решил повторить спектакль по тому же сценарию. И поднять вокруг этого как можно больше шума. Позвонил знакомому журналисту.

Шенки взглянул на газету, усмехнулся.

– Придется парню теперь писать, что я был убит не до конца.

– Вот и вся история. Мне она не очень понравилась. Особенно финал.

– С тобой хорошо обращались, – с упреком заметил следователь.

– Просто не люблю, когда меня запирают. Разве я не говорил, что временами со мной случаются приступы клаустрофобии?

– Ты забыл поставить нас в известность. Но на будущее учтем.

– Теперь я могу его забрать? – спросил шеф.

– Сделайте одолжение.

Там, за стенами, светило солнце. Розовое вечернее солнце. Мягкие дымчатые тени скользили по тротуарам.

Я вдохнул прохладный воздух, но не почувствовал никакого трепета. Видимо, я еще не успел должным образом возненавидеть тюрьму, чтобы в полной мере насладиться свободой.

– Джей…

– Да, сэр?

– Ты сказал там, что считаешь меня виновным в том, что тебе искалечили руку. Это правда?

– Да, сэр. Это правда. Я так считаю.

– Это хорошо. Значит, еще можешь огрызаться.

Господин Шенки направился от серых стен к неподвижно застывшей черной машине. Я двинулся следом за ним.

– Можешь отдохнуть месяц, – проговорил шеф,– потом я найду для тебя работу.

– Какую? – осторожно спросил я. – Где-нибудь в архиве с бумажками?

– Что ты имеешь против архивов?

– Слишком пыльно и душно.

– Проветришь.

– Там подвал!

– Там есть вентиляция.

– Сэр!

– В чем дело?

– Я хочу работать как прежде.

– Как же твоя рука?

– Через месяц я и не вспомню об этой чертовой повязке.

– Ты с ней неплохо смотришься. Не торопись.

Желтый кленовый лист, медленно кружась, упал к нашим ногам. Шенки поддел его носком ботинка.

– Хорошо, – наконец сказал он,– если за время отпуска не передумаешь, все будет как прежде.

– Вряд ли я передумаю.

– В таком случае жду через месяц. Сегодня тридцать первое августа. Значит первого октября, в девять утра в моем кабинете.

– Да, шеф!

Шенки мягко улыбнулся, сел в машину и захлопнул дверь. Заурчал мотор, и машина плавно тронулась с места, оставив после себя маленький вихрь из опавших листьев.

Тридцать первое августа. Последний день лета. Впереди нас ждет осень.

Светлая осень.

Золотая осень.

Я поправил перевязь, на которой висела рука, и не спеша отправился искать ближайшую станцию метро.

Март. Сказка

Март. Сказка

Март знал, что дождь будет. С обеда ветер был насыщен влагой. Ближе к вечеру на горизонте начали громоздиться тучи, утопив солнце в багровом и темно-синем.

Уже тогда нужно было искать приют на ночь. И он подумал, что успеет до дождя добраться до придорожного трактира с забавным названием «Мерлин смотрит на тебя». Да и пусть смотрит, лишь бы крыша над головой была.

Первые крупные капли начали падать с небес, когда он был близко. В сполохах молний можно было различить крышу и забор. Март пришпорил Ветерка, но все равно не успел. Когда до спасительного крова оставалось буквально несколько шагов, дождь хлынул стеной, мгновенно до костей промочив и всадника и коня. Ветерок возмущенно заржал и сделал мощный рывок вперед, едва не скинув всадника.

У порога их уже поджидал конюх. Отдав ему коня, Март поспешил в укрытие.

Вытирая лицо рукой, он оглядел полутемный зал. Народа собралось совсем немного. Кучка местных крестьян, которые из-за грозы застряли здесь. Почтенная старуха в углу с мальчиком. Пара случайных путников, которым повезло оказаться здесь до дождя. И все.

Ну и хорошо.

Камин, разумеется, не горел, какой камин в конце мая.

Тепла от кухни было более чем достаточно. Но как теперь сушить одежду? Хотя не сахарный, не растает.

Март взял на ужин бараньи ребра с луком, чесноком и зеленью, лепешку с сыром и подогретое вино. Не то чтобы он замерз, но и блюдо из пряной баранины не располагало к холодным напиткам.

Он не стал задерживаться в зале. Быстро съел свой ужин и поднялся в комнату. Она оказалась совсем маленькой, вмещала только узкую кровать, стол и табурет. Зато было еще окно, закрытое щелястыми ставнями, сквозь которые пробивались капли дождя и всполохи молний.

Он с удовольствием заснул под дробный перестук капель и громовые раскаты. И честно, от всего сердца пожалел тех, кому в эту ночь не удалось найти приют.

***

Утро было серым и влажным.

Март без вдохновения доедал хлеб и вареную говядину, когда появилась старуха. Она оглянулась и направилась прямо к его столу. Одежда ее и накидка были из дорогой ткани, сухие запястья украшали серебряные браслеты.

– Здравствуй, – сказала она.

Март поставил на стол кубок с вином и взглянул на незваную гостью.

– Мы встречались раньше, госпожа?

– Встречались, – бледные губы слегка улыбнулись, – одиннадцать лет назад.

Одиннадцать лет назад Марту было семнадцать. И он совершенно не помнил, где он мог видеть эту, тогда еще не настолько старую женщину.

– Я Этель Форис.

– Этель Форис, – усмехнулся Март, – сейчас всего…

– Двадцать семь лет.

– Именно.

– Мне двадцать семь.

Март долго смотрел на женщину. Допустим, она не сумасшедшая. Допустим, она не потешается над ним.

У Этель были волосы цвета спелой пшеницы. У этой совершенно седые.

У Этель были ярко-голубые глаза. У этой блеклые, будто подернутые дымкой.

У Этель была кожа, как белый шелк. У этой как мятый пергамент.

Но эта шея и поворот головы, движение кисти и разворот плеч. И еще родинка на левой скуле. Он не видел ее одиннадцать лет, но некоторые вещи невозможно забыть.

– Этель?

– Ты все-таки узнал.

– Что с тобой случилось?

– На мне проклятье. Я скоро умру от старости и немощи. Хорошо, что мы встретились сейчас, и мне не пришлось ехать к твоему замку.

– Ты направлялась ко мне?

– Да. С последней просьбой. Прошу, позаботься о сыне.

– Твоем сыне?

– Твоем сыне.

– Моем?

– Так уж случилось.

– Почему я узнаю об этом только сейчас?

– А зачем тебе было знать об этом раньше?

– Разве меня это не касается?

– Я не хотела портить тебе жизнь.

– А твоя жизнь, Этель?

– А моя жизнь была неплоха. Даже лучше, чем можно было надеяться. Когда мой грех стал заметен, братья отослали меня к тетке, с глаз долой. Она вдова, жила одна, сама себе госпожа. Приняла меня. Учила стрелять из лука и охотиться с собаками. Родился Арман…

– Так его зовут Арман?

– Да. И все было хорошо, если бы не та лисица.

Март допил вино, со стуком поставил кружку на стол. На знакомый звук тут же отреагировал хозяин «Мерлина».

– Желаете еще вина?

– Да, желаю. И кружку для леди.

– Один момент!

– Какая лиса? – вернулся Март к разговору.

– Обычная, рыжая. Белая грудка и кончик хвоста. Кто ж знал, что это сестра Агидели.

– Это еще кто?

– Агидель очень сильная ведьма. Ее сестра имела обыкновение прогуливаться в окрестных лесах в образе рыжего зверя. А я имела обыкновение ходить на охоту. И вот однажды мы с ней встретились. К несчастью.

Трактирщик принес две кружки горячего вина, осторожно поставил на стол и поспешно удалился.

Этель обхватила кружку ладонями, грея пальцы.

– Очень скоро Агидель нашла меня. Она забрала с моей руки браслет и сказала, что теперь я буду стареть за себя и за лисицу, у которой отняла жизнь.

Она сделала осторожный глоток. Вино было невкусным, но горячим, и это было приятно.

– Мне осталось недолго. Тетка не так давно оставила этот мир. Арману всего десять, он не может жить один. Пожалуйста, позаботься о нем.

Подло было спрашивать, но Март все же спросил:

– Это действительно мой сын?

– Когда увидишь его, ты убедишься, – улыбнулась она.

– Допустим, я заберу мальчика. А как же ты?

– Вернусь в теткин дом. Все будет хорошо. Слуги обо мне позаботятся.

– Тебя проводить?

– Не нужно. У меня еще достаточно сил.

– Где Арман?

– Думаю, он уже собрался. Сейчас пришлю его к тебе.

Этель сделала еще глоток вина. Потом решилась и косну-

лась пальцев собеседника. Он не отдернул руку.

– Прощай, Март, – сказала она.

– Прощай, Этель.

Она поднялась и ушла, стройная, как веточка. Седая, как луна. Он на мгновение вспомнил ее прежнюю, залитую жаркими лучами солнца. Беззаботную юную девушку.

Господи, ну какой еще, к черту, сын?

***

Март наблюдал, как седлают его коня. Ветерок, серый в яблоках жеребец, высокий и сильный, норовил прихватить зубами конюха за одежду. Тот лениво отмахивался. – Папа?

Март даже не понял, что обращаются к нему.

– Мы поедем на этом коне?

Он обернулся.

За спиной стоял мальчик, держа в руках дорожную сумку. И да, судя по всему, это действительно был его сын – не так много попадается людей с темно-пепельным цветом волос. На самом деле Март таких вообще ни у кого не видел. Кроме как у своего отражения в зеркале.

Мальчика пришлось посадить в седло перед собой. Разумеется, ни о каком галопе не могло быть и речи, Март уже смирился с тем, что придется ночевать под открытым небом. Ничего страшного. Ночи сейчас теплые. И волки ребенка не утащат. Хотя, возможно, хорошо, если бы утащили.

Март представил лицо своей жены, когда он заявится домой с неизвестно откуда взявшимся сыном.

И, кстати, что дальше?

Признать Армана своим законным наследником? Тогда он становится первым в очереди, оттеснив остальных детей, рожденных в законном браке. Это не устроит никого, и особенно самого Марта.

Возможен вариант официального бастарда. То есть сын, но без права наследования.

Или лучше отдать его монахам на обучение. Даже если Арман не особо продвинется на церковном поприще, хотя бы до аббата дослужится. А свой аббат в семье никогда не помешает.

– Почему тебя не отправили в дом Форисов? – поинтересовался новоиспеченный отец.

– Мы там были. Мама разговаривала с дядьями.

– И что они?

– Сказали, что ублюдок им не нужен. Особенно от… ну…

Что могли сказать братья Этель, Март приблизительно представлял. Ничего, придет время, он им это еще припомнит.

– Нужно купить тебе лошадь, – вздохнул Март, присматривая место для ночлега, – иначе мы так далеко не уедем.

– Да! – возликовал Арман. – Такую же, как эта.

– До этой ты еще не дорос.

– Я не ребенок!

– Раз не ребенок, давай, расседлай Ветерка.

Арман расстегнул подпруги, потянул седло за крыло. Март едва успел подхватить, прежде чем оно свалилось на голову мальчику.

С уздой вышло еще хуже. Он просто не смог до нее дотянуться. Ветерок вскинул голову и явно не понимал, что этот маленький человек от него хочет.

– Лучше иди, собери хворост для костра, – сказал Март.

Он расседлал коня и пустил его пастись в одуванчики.

Теперь встал вопрос, чем кормить ребенка – Март как-то совершенно не рассчитывал на попутчика. С собой у него был кусок говядины, две лепешки, немного сыра и пара яблок, причем одно из них предназначалось Ветерку.

И полная фляга вина.

– Я уже пил пиво, – с гордостью сообщил Арман.

– Чудесно. Но у меня нет для тебя пива.

– Тут ручей недалеко. Могу воды принести.

– Насколько недалеко? Скоро стемнеет.

– Рядом совсем.

Мальчик схватил котелок и побежал к лесу.

Март развел костер. Достал одеяла и расстелил на земле. Скормил яблоко Ветерку. Когда доставал мясо и хлеб с удивлением заметил, что начинает нервничать. Слишком долго Арман где-то ходит.

С другой стороны, ну пошел ребенок за водой, ну не вернулся. Бывает.

Он уже собирался идти на поиски, когда Арман появился. В одной руке котелок, в другой какой-то букетик.

– Можно заварить листья земляники, тогда пить воду будет вкуснее, – робко предложил мальчик, – мама всегда так делает.

– Хорошо, заваривай.

Хотелось дать ему подзатыльник, но Март сдержался. Только глубоко вздохнул и сделал большой глоток из фляги.

На самом деле даже со своими законными детьми он никогда не был так долго наедине. Всегда рядом были слуги, какие-то няньки или наставники. И это в родном замке, не среди поля у костра поздним вечером. Когда над головой небо с ущербной луной, а за спиной черной глухой стеной высится лес.

Обычная майская ночь. Соловьи поют. Еще какие-то птицы подают голос. Рядом Ветерок пасется. Костер тепло горит. Если бы Март был один, его бы вообще все устраивало.

– Сказки перед сном я не рассказываю, – предупредил он.

– Я же не маленький, – насупился Арман.

– И никаких героических историй тоже.

– Ну и ладно. Что я маленький что ли.

– Тогда доедай и ложись спать. Встаем на заре.

– Да я вообще могу не спать! Могу всю ночь стоять на страже!

– Чудесно. Тогда я разбужу, когда придет твоя очередь.

Он помог сыну завернуться в одеяло, сверху укрыл своим

плащом. Потом еще сидел у костра, допивая вино.

Было ощущение, что он так и не заснул. Но когда занялась зоря, все-таки понял, что спал. Недолго, урывками, но спал.

***

Март подкинул дров в затухающий костер. Ветерок мирно пасся неподалеку. Арман сопел во сне, завернувшись с головой в его плащ. Восток разгорался ярко-розовым и золотым. Пора будить мальчика и собираться в дорогу.

Март достал сыр, пододвинул остатки хлеба ближе к огню. Он бы и за водой сходил, если бы знал, где находится ручей.

По счастью Арман сам проснулся. Несколько мгновений хлопал глазами, пытаясь осознать действительность. Потом улыбка на его лице стерлась. Ну да. Март – не самое приятное явление в жизни кого бы то ни было.

– Пойди, умойся, – сказал заботливый отец, – заодно воды принеси.

К городу под названием Грейхилл они подъехали во второй половине дня. Как только его стены появились на горизонте, Арман начал проявлять нетерпение, ерзая и подпрыгивая в седле. В конце концов, даже Ветерок занервничал.

Март был голоден, поскольку утром ему достался только горячий отвар земляничных листьев. Но первым делом все же решил отправиться в конюшни Брина.

Хозяин их встретил, провел к загону, где находилось с десяток лошадей.

– Кого бы вы хотели? – осведомился мэтр Брин. – Конь,

жеребец, кобыла?

– Пусть мальчик сам выберет.

Март подтолкнул Армана. Тот зажал в кулаке кусок лепешки, сбереженный за завтраком, и шагнул вперед.

– А если он захочет кого-то не того? – резонно заметил мэтр.

– Тогда я выберу нужного. Но, вначале я хочу посмотреть, насколько мой сын благоразумен.

– Выбор лошади многое определяет в характере.

– Именно поэтому.

Сначала Арман направился высокому вороному коню с длинной гривой, заплетенной косичками. Но на полпути передумал и пошел к рыжей тонконогой кобыле.

– Зорянка, – прокомментировал хозяин конюшни, – быстрая, но на рыси тряская. Молодая, хорошая лошадь. Но вряд ли она подойдет для мальчика.

Март молча кивнул.

Арман уже собирался протянуть руку к рыжей красавице, но тут его кто-то толкнул в плечо. Мальчик повернулся и увидел перед собой невысокого коня темно-песочного цвета со светлой гривой. Пышная челка падала почти до носа. А на носу было розовое пятнышко.

Мальчик и конь целую вечность смотрели друг на друга. Потом Арман протянул ладонь и предложил хлеб. Конь с благодарностью принял угощение.

– Это Гном, – сказал мэтр Брин, – выглядит неказисто, но

очень выносливый и у него мягкий ход.

– Хороший выбор, – согласился Март, – я посмотрю ближе, но, кажется, мальчик не ошибся. Нужно будет седло и уздечка. Коня заберем завтра утром.

– Почему утром? – возмутился Арман. – Могли бы и прямо сейчас.

– Завтра утром, – повторил Март.

Он хотел есть и спать. Только коня ему сейчас и не хватает.

***

Кровать была почти даже мягкой. Белье пахло ветром и солнечным светом. На соседней кровати тихо сопел Арман, видя, наверное, уже третий сон.

Марту не спалось. Едва он закрывал глаза, как видел перед собой тонкую юную девушку в солнечном луче.

Первый раз он встретил Этель на Пасху возле храма. Она шла под конвоем двух старших братьев. Но это не помешало им обменяться взглядами. На ней было платье из синего бархата, на волосах жемчужная сетка, и легкая вуаль окутывала ее туманом. Они виделись каждое воскресенье, все там же, возле храма. А потом, уже летом, в одну из безлунных ночей, Март рискнул преодолеть стену замка Форисов.

Так себе была стена. Не слишком высокая, и слишком выщербленная временем и непогодой. Он даже не счел это по-

двигом во имя прекрасной дамы.

Светлая дева выглянула в окно. Он, ломая ногти, пристроился на каком-то каменном выступе, увитом плющом. В тот раз они говорили, хотя больше молчали, трогательно краснея, пока на востоке не загорелась бледная полоска зари.

Все ночи июля он провел на этом каменном выступе у заветного окна. А потом рискнул получить большее. Этель пустила его – и, разумеется, их застали. Правда, уже под утро.

Пока братья Этель ломились в дверь, пока седлали лошадей и открывали ворота, Март успел ускользнуть.

На следующую ночь его поджидали. И на следующую тоже. Хорошо, что братья Форис особо не таились, и их засаду было легко обнаружить.

А ближе к осени Март женился. Не на Этель. Родители нашли ему другую супругу. И он особо не возражал.

Свеча на столе зашипела, вспыхнула напоследок и погасла. Комната погрузилась в темноту.

***

Арман хорошо держался в седле, это радовало. Март на пробу пустил Ветерка галопом, и Гном не слишком отстал. Кажется, мальчик и конь подошли друг другу.

Погода была не жаркой, дорога сама стелилась под копыта коней.

После полудня Март присмотрел большой дуб на окраине

леса и решил сделать под ним привал. Пока кони паслись, Март и Арман достали пару зажаренных цыплят.

– Вот след от стрелы, – Арман погладил ствол дерева.

– Какой стрелы? – без интереса спросил Март.

– Когда мама увидела лису, первым выстрелом она промахнулась.

– Какую лису?

– Сестру страшной ведьмы.

– Это было здесь?

– Да, вот под этим дубом.

Март был удивлен. Оказывается, ведьма не за семью морями, не в темном лесу, не на высокой горе, а совсем рядом. По соседству.

– И зачем была нужна эта лиса?

– Бабушка последнее время все время мерзла. Ей было нужно много мехов, чтобы согреться. Из этой сделали воротник для теплого плаща. Очень пушистый!

Интересно, они сделали воротник до того, как узнали что эта лисица ведьмина сестра или после? Хотя какая разница, что добру пропадать.

– Папа, ты можешь убить ведьму?

– Зачем?

– Чтобы вернуть браслет, и мама опять стала молодой и красивой.

– Полагаешь, ведьму так просто убить?

– Конечно! У тебя же есть меч.

Разумеется, это было глупостью, но очень не хотелось возражать сыну, который так безгранично и трогательно верил в его силу. Если дом Агидели и правда рядом, если все равно по дороге, отчего бы и не заехать? Размахивать мечом ему вряд ли позволят, да он и не собирался.

Ветерок шел так медленно, что даже Гном его обогнал.

– Папа, смотри!

Перед ними был замок с легкими изящными башенками и серебряными шпилями. Никаких черных камней, никаких черепов на кольях, никаких руин, заросших чертополохом и ежевикой.

– И что это? – недовольно спросил Март.

– Дом ведьмы.

– Ты уверен?

– Конечно! Это все знают.

Все, кроме него. Он так и не принял решения. Хотя, что мешает дойти до ворот и постучать? Никто же не откроет. А штурмовать стены Март не собирался. Хотя стены не такие уж и высокие. Те, в доме Форисов, были даже повыше.

Этель сейчас двадцать семь лет. Как бы она выглядела сейчас, если бы не проклятье?

– Останься здесь, – велел он сыну.

– Нет, я пойду с тобой!

– Останься здесь. Присмотри за лошадьми и вещами. Я скоро вернусь.

А если случится так, что не скоро? Мало ли.

– Арман, ты найдешь дорогу к дому твоей бабки?

– Конечно, тут недалеко совсем. Особенно если через лес.

– Чудесно. Если я не вернусь через день, возвращайся туда.

– Почему не вернешься?

– Возможно, придется задержаться.

– Я подожду!

– Нет. Если через день меня не будет, берешь лошадей и возвращаешься.

– А как же ты?

– Я позже сам доберусь.

– Но я…

– Обещай.

– Но я!..

– Поклянись.

– Хорошо, я клянусь самой твердой и страшной клятвой, но ты успей вернуться, ладно?

– Ладно, – Март чуть улыбнулся и пошел к воротам.

Он шел и думал о том, как это все глупо. И ради кого? Ради старухи, которая когда-то была красива? Ради мальчика, который так похож на него?

На его стук в воротах открылось маленькое окошко. Кто-то внимательно осмотрел незваного гостя. И, не задав ни единого вопроса, открыл перед ним проход.

Март с сожалением вздохнул и вошел.

***

За воротами его встретила женщина в черном чепце, также молча провела в большой зал.

Горело множество свечей и пахло драгоценными благовониями. Было душно. Хотелось распахнуть окна ради глотка свежего воздуха.

По счастью, ждать пришлось недолго, скоро появилась сама страшная ведьма Агидель. Молодая женщина с темными волосами, забранными гребнем в высокую прическу, и с карминовыми губами. Красивая. Яркая. Пожалуй, слишком яркая.

– У меня редко бывают гости, – сказала она.

– И поэтому пускают любого, не спрашивая, – усмехнулся Март.

– Не любого.

– Но меня же пустили.

– Тебя я ждала.

***

Этель не услышала, скорее почувствовала легкие детские шаги. Торопливые. Такие знакомые.

Что здесь делает Арман?

– Мама!

За ним более тяжелые и уверенные шаги мужчины. Кто? Неужели Март?

– Мама, смотри, что мы принесли!

Дрожащие детские пальцы схватили ее руку и что-то надели. Холодное. Тяжелое. Она открыла глаза и посмотрела. Браслет с зелеными камнями. Ее браслет.

– Откуда? – прошептала она.

– Папа отнял у злой ведьмы!

Вошел Март, кутаясь в плащ, хотя в комнате жарко горел камин.

– Этель, – он слабо улыбнулся, опускаясь у кровати на колени.

– Мама, ты такая красивая! – воскликнул Арман.

– Что?

– Ты вернула свой возраст, – Март коснулся ее щеки.

Кожа разгладилась и вместо пергамента опять стала как драгоценный шелк. Глаза вернули лазурный цвет. Только волосы остались серебряными.

– Ты правда очень красивая, – сказал Март.

– Как тогда?

– Как тогда.

Она улыбнулась почти счастливо.

На рассвете Этель умерла.

Кори. Сказка

Кори. Сказка

Был конец жаркого июньского дня. Все время где-то рядом ходила гроза, иногда закрывая небо темно-серыми тучами. Но ни капли на жаждущую землю так и не пролилось, и запад окрасился прощальным нежным румянцем.

Климентин дел Корисеверил слегка пришпорил лошадь. Нужно было искать ночлег.

Он слишком много времени провел в дороге под летним солнцем, так что его светлая кожа стала смуглой. Отними лошадь и оружие, и он ничем не будет отличаться от обычного крестьянина.

Конечно, можно было переночевать и в поле, но, во-первых, хотелось отдохнуть от вездесущих комаров и мух. А во-вторых, он надеялся, что его накормят хоть каким-то ужином. Даже если это будет кусок хлеба для него и охапка сена для Харибды.

Замок, который он увидел на закате, был прекрасен своей запущенностью. Ров пересох давно. Возможно, еще в прошлой жизни. Стены увиты диким виноградом, и особого препятствия не представляли. Для человека, но не для лошади. Поэтому Кори честно постучал в ворота.

– Чего надо? – спросили его.

– Ночлега, – скромно ответил Кори.

На самом деле он надеялся на скромный ужин. Его бы вол-

не устроила и краюшка хлеба. Главное, чтобы об этом никто не узнал. Особенно старшие братья и их друзья. Еще бы! Дел Корисеверил побирается по чужим домам. Но что делать, если все деньги проиграл в кости, а жрать хочется? Сам бы он пережил как-нибудь, а вот лошадь накормить надо.

Калитка в воротах открылась.

– Кобылу свою отведи в конюшню, там ею Ганс займется, – сказал хмурый стражник, – сам иди на кухню. Если Бетти в хорошем настроении, может и даст еды. А если уже успела поцапаться со своим муженьком, то не взыщи. Но кобыла сыта будет.

– Это главное! – лучезарно улыбнулся Кори.

– Спать иди на сеновал. И на рассвете отваливай.

– Спасибо, добрый человек.

– Всем воздастся.

Бетти оказалась шикарной женщиной выдающихся размеров. Особенно впечатлял бюст. Перед таким хотелось замереть в немом восторге.

– Что нужно, оборванец? – грозно спросила она.

Кори слегка удивился, поскольку оборванцем его еще ни разу не называли.

– Может, найдется для бедного путника крошка пирога и глоток вина? – робко спросил он.

– Какой пирог? Какой глоток? Все давно съедено, ночь на дворе. Поль опять пустил невесть кого. Ух, и достанется ему однажды от господина! Что стоишь, как дерево посреди

улицы? Иди, сядь вон туда, под ногами не путайся. Вина ему еще. Надо же!

Кори сел на лавку за большой плохо струганый стол. Аккуратно сложил руки на столешнице и понадеялся, что раз сразу не выгнали, может, дадут сухарей каких-нибудь. И кусочек сыра. Хоть самый маленький, хоть с мизинец. Хотя, лучше чтоб с мизинец и безымянный палец.

Пока он мечтал о сыре, перед его носом оказалась деревянная миска с бобовой похлебкой, ломоть хлеба и кружка пива.

– Как мне благодарить добрейшую из добрых женщин?

– Ешь быстрее и проваливай, – ответила добрейшая из добрых, – Поль сказал, где спать?

– На сеновале.

– Вот и иди туда, не задерживайся. И без всяких бродяг у меня дел хватает. Эй, Питер!

Пробегавший мимо мальчишка с охапкой дров замер на месте.

– Да, мадам Бетти?

– Ты моего Герарда видел?

– Конечно, видел, мадам Бетти. Совсем недавно. Он к мыльне шел.

– Вот значит как. Ну-ка, скройся с глаз, отродье босоногое!

Мальчишка поспешил убраться.

– К мыльне он шел. Ну надо же! Ладно, мало ему не по-

кажется!

Кори уткнулся в свою миску и быстро ел. Похлебка оказалась наваристой, такой, что даже губы склеивались. На самом деле он не любил ни пиво, ни бобы, но сейчас нужно быть благодарным за то, что дали.

– Бетти! Что за сброд у тебя на кухне?

– Какой сброд? Усталый путник, грех не накормить.

– Что значит накормить? У меня собаки не ели, а ты всякое отребье привечаешь!

– Да что вы такое говорите-то, господин милостивый? Ваших собак вперед людей завсегда кормят!

Кори аккуратно положил ложку и поднял глаза. Перед ним стоял высокий плотный мужчина. Если судить по одежде, явно из господ. Скорее всего, хозяин этих живописных руин.

– Ты откуда взялся, парень? – спросил он.

– Мимо проезжал.

– Так это твоя гнедая жрет мой овес в конюшне?

– Моя.

– Ну-ка, встань!

Кори поднялся. Барон схватил его за плечо и вытащил из-за стола.

– Бетти! – крикнул он. – Нормальной еды нам принеси. Мяса. И пошли Питера в погреб, пусть нацедит кувшин вина из той бочки, что в самом углу. А ты, парень, иди за мной.

Кори пошел, не сопротивляясь. Может, в этой глуши хо-

зяин соскучился по общению. А впереди вроде как маячили мясо и вино.

В зале слуги очень быстро водрузили на козлы доску, накрыли скатертью. В неверном свете свечей она вполне могла сойти за белую. Принесли пшеничных лепешек, четверть головы сыра и бараний бок. Прибежал Питер, бережно прижимая к груди полный кувшин.

– Я барон д'Эрнен, хозяин этого замка и окрестных земель. А вот ты кто, парень?

– Кори, – скромно ответил гость.

– Кто? Кори? Да моих собак зовут лучше! Самсон, Геракл, Нерон, Далила.

– Мою лошадь зовут Харибда.

– Отличное имя! Гораздо лучше, чем твое. Пей!

Барон наполнил до краев медные кубки и пододвинул один из них гостю.

Кори с первого глотка понял, что там совсем не вино, а какая-то брага непомерной крепости. Он выпил почти все, и с грохотом поставил кубок на стол. Барон выжидательно смотрел на него. Чтобы не огорчать хозяина, Кори крепко зажмурился, наморщил нос и, резко выдохнув, потянулся за мясом.

– Ну и как? – насмешливо поинтересовался барон.

– Хорошая штука, чтобы согреться зимним вечером.

– Ха-ха-ха, отлично сказал! Передам Бетти, она порадуется. А как ты, парень, относишься к серебру?

Кори чуть не поперхнулся бараниной.

– Смотря к какому, – осторожно ответил он.

– Вот к такому, – барон бросил на стол серебряную монету и тут же накрыл ее ладонью.

– От такого мало кто откажется.

– Ты откажешься?

– Смотря сколько этих монет будет. И за что.

– Десять таких.

Барон убрал руку. Кори взял кругляш и повертел в пальцах.

– И за что?

– Убей оборотня.

Хозяин замка быстро наполнил кубки, и Кори осушил свой, забыв, что нужно морщиться.

– Это же работа Охотников, разве не так? – осторожно спросил он, примериваясь к сыру.

– Не хочу с Охотниками связываться. От них сплошная морока.

– А как я?..

– А такие как ты и существуют для таких дел. Разве не так, парень? У тебя хорошая лошадь и хорошее оружие. Но сам ты выглядишь, как не знаю что. Тебе же нужны деньги, правда?

– Нужны, – сознался Кори.

– Ну, так я тебе их и предлагаю.

– Что хоть за оборотень?

– Да ерунда! Здоровенная кошка. Рысь. Тут такие водятся. Жрет кур, иногда на людей нападает. Вот жену старосты недавно покалечила. Не то чтобы ущерба много, но крестьяне волнуются. А к чему мне эти крестьянские волнения?

– И как я его найду?

– Вот завтра с утра пойдешь в лес и найдешь.

– Да как так? Светлым днем?

– Не сомневайся.

– Это не может быть оборотень. Обычная рысь.

– Все, кто видел, говорят, что не просто дикий зверь.

– Не похоже.

– Сам увидишь.

– Ладно. Десять монет помимо этой.

– Не слишком ли?

– Все-таки оборотень, не пес шелудивый.

– Хорошо. Принесешь доказательства, получишь еще десять монет. И прекрати жрать сыр!

– Да, я уже сыт. Благодарю.

***

Лес был весь пронизан солнечным светом. Земля, трава и деревья дышали летним зноем. Пели птицы, звенели мошки. Пахло смолой.

Кори понятия не имел, куда идти, поэтому полностью доверился Харибде. Еще утром, у конюшни сказал ей: «Мы

едем ловить оборотня». И она, вроде бы как, понятливо кивнула. Довериться лошади была не самая плохая стратегия. Все равно другой не было.

Они выбрались на поляну с высокой сочной травой. Время было к полудню. Кори повздыхал, но отпустил лошадь пастись, сам уселся у дерева. Это оказалась старая ветвистая яблоня, которая почти не плодоносила, но давала желанную тень.

Кори смотрел сквозь листья на высокое солнце и собирался поспать. И тут заметил большую пятнистую кошку, припавшую к ветке. Она прижала уши, готовясь к прыжку. Мускулы были напряжены и подрагивали под гладкой шкурой.

Кори шарахнулся в сторону. Почему-то у него не возникло ни капли сомнения, что это и есть тот самый оборотень. Хоть и полдень на дворе.

Он пытался лихорадочно вспомнить, что делать в таких случаях. Оборотни боятся серебра, но из этого метала у него была одна-единственная монета, и швырять ее в рысь он не собирался. Во-первых, толку никакого, только обозлит зверя, во-вторых, монету жалко.

Потом он вспомнил, что ему рассказывала бабушка, мать его матери. Если бросить в оборотня одеждой, он обернется человеком. Куртка, наверное, совсем не подействует. А вот рубашка – может быть. И когда эта тварь станет человеком, ее можно будет убить обычным оружием.

Кори стал судорожно стаскивать с себя куртку, путаясь в

ремнях и застежках.

Зверь ошалело смотрел на него. Даже поднял уши, кисточки на которых взвились султанчиками.

Кори дернул шнурки у горла, стянул рубашку, скомкал ее и швырнул в морду кошке. Он даже зажмурился, потому что совершенно не представлял, что из этого получится. Хотя разумнее было бы обнажить меч и готовиться к нападению.

Он судорожно вздохнул и решил посмотреть, что все-таки происходит. И сколько ему при этом осталось жить.

У яблони стояла рыжая зеленоглазая девица, совершенно обнаженная. Хотя, судя по всему, уже несколько месяцев как не девица. Выпуклый живот явно указывал на будущего ребенка.

Пару мгновений Кори смотрел на рыжий мягкий треугольник внизу живота, потом быстро отвернулся и опустил голову.

– Где твоя одежда? – спросил он.

– Довольно далеко отсюда.

– Тогда надень хотя бы рубашку.

– Хорошо. Можешь смотреть.

Кори посмотрел. В его рубашке рыжая выглядела непристойно, но все же лучше, чем голая.

– Ну и кто ты такой? Откуда взялся на мою голову?

– Вообще-то домой ехал. Тут случайно на ночлег остановился.

– Где же твой дом?

– На севере.

– Не слишком-то ты похож на северянина.

– Почему?

– Слишком смуглый.

Кори осмотрел свое тело.

– Загорел. Давно в дороге.

– И часто ты в дороге без одежды?

– Случается, – смутился он.

– А это правда, что почти все северяне оборотни?

– Это с чего вдруг?

– Говорят так. Менестрели поют, да бабки рассказывают. Вот откуда бы тебе про рубашку знать?

– Так бабушка и рассказывала. Она много историй знала. Про русалок, про эльфов, и про всякую нечисть. Нам с братьями повезло, зимними вечерами не было скучно. За рубашку прости, ничего другого придумать не успел.

– В лес-то что тебя понесло? – продолжала свой допрос рыжая. – Он же в стороне от дороги. Совсем в стороне.

– Мне сейчас деньги нужны, – пожаловался Кори, – я в кости проигрался.

– А я-то тут при чем?

– Барон д'Эрнон обещал десять серебряных монет, если я убью оборотня.

– Да за что убивать? Что я плохого сделала?

– Кур таскала. На людей нападала. Вроде какую-то бабу покалечила.

– Да сама она виновата! Жадюга неповоротливая. Курицу пожалела, надо же! У нее их штук двадцать с цыплятами. Нажаловалась муженьку, свинюшка!

– Какому еще муженьку?

– Моему. Барон этот и есть мой законный супруг.

– А он в курсе, что его жена бегает по лесам и крестьян пугает?

– Нет, конечно. Он кроме своих собак вообще больше ничего не замечает.

Рыжая усмехнулась, а потом жалобно спросила:

– Ты правда будешь меня убивать?

– Да куда уж теперь тебя убивать! – с досадой воскликнул Кори. – Ты же это… ну, не одна.

– Правда не убьешь?

– Правда.

Оборотень глубоко вздохнула, посмотрела на него рысьими глазами.

– В нашем роду все женщины, когда носят дитя, могут превращаться в зверя. Не знаю, откуда эта особенность. Может древнее проклятие, может, наоборот, благословение. Мужьям об этом не рассказывают. Если у меня будут рождаться только мальчики, то эта особенность и закончится на мне.

Она нежно погладила округлый живот.

– Муж, разумеется, молится о сыне, наследнике. Но я уверена, что там девочка.

– Тоже рыжей кошкой будет?

– Будет. Обязательно. У тебя еда есть?

– Ну, кусок пирога есть.

– Накорми! Ты же помешал моей охоте.

Кори горестно вздохнул и отдал баронессе все, что ему собрала Бетти. А было там не мало. По утрам повариха была гораздо добрее, видимо ночью успевала мириться со своим Герардом.

– Мне нужна моя рубашка. Скажи, где ты оставила одежду, я принесу.

– Как зовут тебя, северянин?

– Кори. А мою лошадь Харибда.

– У лошади имя лучше, чем у тебя.

***

Кори едва дышал от усталости. Никогда десять серебряных монет не давались ему так тяжело. Он остановил лошадь, которая от пота и пыли превратилась почти в вороную, и постучал в ворота замка.

Поль, не говоря ни слова, пропустил. Видимо запомнил. Если уж не его самого, то лошадь точно.

Пока мальчишка бегал за бароном, Бетти принесла ему вина. Не то чтобы хорошего, но прохладного. Как раз чтобы смыть пыль в горле.

Через некоторое, довольно длительное время, появился

барон. Вошел шумно, принес с собой солнечный жар и запах псарни.

– Да это ты, парень! – удивился он, разглядывая царапины с запекшийся кровью на щеке гостя. – Я уж и не надеялся увидеть тебя.

Кори вместо ответа бросил к его ногам рыжую пятнистую шкуру.

– Неужели оборотня убил? – изумился хозяин замка. – То-то я смотрю, собаки последнее время себя спокойно ведут.

В зал вошла баронесса. Ее лучезарные волосы были убраны под золотую сетку, а темно-синее платье только подчеркивало круглый живот.

– О! – она подхватила шкуру, нежно провела рукой. – Это будет чудесное одеяльце в колыбельку для нашего малыша!

– Да, – темные глаза барона сделались мечтательно-глупыми. Все мужчины глупеют в ожидании потомства.

– Я хочу получить свои десять монет, – напомнил о себе Кори.

– Какие монеты? – взгляд темных глаз тут же заледенел. – Ты уже получил свою плату.

– Одну монету?

– Разве тебе мало, бродяга?

– Мы договаривались еще на десять. Разве не так?

– А разве так? Мы вообще о чем-то договаривались?

– Мне нужны деньги.

– Ну, а я-то тут при чем?

– Значит, я убил оборотня по собственной инициативе?

– Выходит, что так. Шел бы ты, парень, своей дорогой. Иначе велю спустить на тебя собак.

Кори тронул порванную щеку, потом потер переносицу. Посмотрел на оконные витражи за спиной барона. Перевел взгляд на баронессу. Она чуть улыбнулась ему.

– Хорошо, – вздохнул Кори, – зови своих собак.

Хозяин замка был удивлен. Даже, скорее, озадачен.

– Ну, парень, как хочешь. Потом не жалуйся. Сам напросился.

Барон крикнул слугам, стоящим у двери:

– Эй, там! Приведите сюда Нерона и Суллу. Поторопитесь!

А когда повернулся назад, перед ним стоял большой черный волк.

Ник. Городская сказка

Ник. Городская сказка

Замок на двери заедал, поэтому Нику пришлось повозиться, чтобы попасть в свой офис.

На самом деле это была небольшая комнатка в цокольном этаже старого здания на Северо-Западе Москвы. Большое окно всего в метре от земли. Множество деревьев отгораживало его от шумной улицы и даже в самый отвратительный зной дарило тень и прохладу. Что было особенно ценно, поскольку кондиционера не имелось.

Здесь было штук десять таких однокомнатных офисов. Почти все сейчас были закрыты. Только девочки в цветочном активно работали. Ник заглянул к ним, поулыбался, попытался понюхать розы, но они абсолютно ничем не пахли.

С утра было много важных дел. Он сходил в конец коридора вымыть чашку и пепельницу. Пепельница была хороша. Тяжелая, хрустальная. Единственное, что он забрал из родительского дома.

Потом открыл окно, впустил запах горячего асфальта и свежескошенной травы. Включил кофеварку. За стеллажом, заставленным папками, больше половины из которых пустовали и являлись частью интерьера, у него был крошечный закуток. Там размещался холодильник и столик с микроволновкой, чайником и этой самой кофеваркой.

Пока мололись зерна, полил крассулу, то есть денежное

дерево. Чувствовало оно себя неплохо, но вот в денежных вопросах не торопилось помогать. Хотя, после карантина всем было не сладко. Но у Ника имелся шанс выйти в ноль в этом месяце, и это уже можно было считать успехом. На жизнь, правда, оставались гроши. Но к осени, если не случится второй волны, уже пойдет прибыль. Должна пойти.

Ник отхлебнул кофе, поморщился от черной горечи, и включил компьютер. С таким же успехом можно было бы сидеть и дома. Все равно никто не приходил, и никому ничего не нужно. Но ему нравилась эта комната, а особенно нравился свет, который, проходя сквозь густые кроны, становился зеленоватым. При некоторой фантазии можно было представить себя на дне морском. Или речном. Это уж кому как повезет.

Послышались тяжелые шаги. Кто-то ткнулся в запертые двери, а потом нашел наконец Ника.

Посетитель вошел шумно, не спрашивая. Уселся на стул, который под ним жалобно скрипнул. Ник поморщился. Видимо, скоро придется менять мебель. А это совсем не входило в его планы.

Посетитель был коротко стрижен, улыбчив и зеленоглаз. Причем эта зелень была довольно тусклой, скрываясь в тени черных ресниц. И что-то не похоже, что это клиент. Такие люди не приносят деньги. Они приносят неприятности.

Зеленоглазый достал продолговатый деревянный футляр и положил на стол.

– Я ничего не покупаю, – предупредил Ник.

– Естественно. Ты такое и не купишь.

Он открыл футляр. Там оказались часы. На месте цифры двенадцать красовался бриллиант – почему-то Ник даже не усомнился, что бриллиант, а не дешевая стекляшка. На месте шестерки рубин, а на тройке и девятке сапфир и изумруд. Все вместе это смотрелось дорого и строго, хотя должно было быть аляповато. Но нет. Абсолютно.

В это время в открытое окно запрыгнула кошка. Самая обычная черная кошка с белой грудкой. Она прошлась по подоконнику и уселась, выжидательно глядя.

Ник тут же поднялся и пошел к холодильнику. Достал две пиалы с восточным орнаментом, в одну налил молоко, в другую положил корм. Принес их к окну. Кошка подозрительно принюхалась, тронула лапкой. Убедившись, что ее не обманывают и не подсовывают всякую дрянь, приступила к трапезе.

– Твоя? – спросил часовщик.

– Чья-то.

– Она чья-то, но кормишь ты?

Ник пожал плечами. Он не собирался объяснять, что давным-давно, в глубоком детстве у него была точно такая же кошка, черная, с белой грудкой. И сейчас он тихо верил, что это она и есть, вернувшаяся к нему в одной из девяти своих жизней.

– Вы что-то хотели? – спросил он.

– Я хочу сделать подарок одной женщине на день рождения.

– Разве часы дарят?

– Еще как дарят! – усмехнулся посетитель.

– Я-то тут при чем?

– Отнеси ей подарок. Сам не могу там появиться по ряду причин.

– Обратитесь в курьерскую службу. Они сейчас все работают, причем в авральном режиме.

– Вот именно! Их хрен дождешься. А потом они еще все перепутают. Нет. Мне нужно доставить это непосредственно сейчас и с гарантией.

– Я этим не занимаюсь.

– Но деньги тебе нужны. Я заплачу.

Ник опять пожал плечами. Часовщик выложил на стол мятую купюру достоинством в две тысячи рублей. На эти деньги можно было запастись едой на неделю. Или шикануть, купить хороший кофе себе и еду для кошки.

– Я пока еще не нуждаюсь в подачках, – усмехнулся Ник, – две тысячи – это ни о чем. А больше подобная работа не стоит.

– Замечательно! – воскликнул посетитель, убирая деньги в карман. – В таком случае сделай это бесплатно.

Он крутанул пепельницу на столе, и по стенам поскакали радужные солнечные зайчики.

– Ну что, пойдешь? Женщина ждет. Тут не далеко.

***

Здание из стекол, переполненное солнечным светом, в самом деле оказалось недалеко.

Ник решил немного прогуляться, а потом домой ехать на метро. Кошка, правда, была недовольна, что ей пришлось уйти раньше обычного.

В офисе, уже у входа, был накрыт столик с бокалами шампанского и открытой коробкой шоколадных конфет, укутанных в золотые фантики. Такое чувство, что тут Новый год. Только серпантина не хватает. Ник оглянулся, позавидовал панорамным окнам и пальмам в кадушках, но зависть была без вдохновения. Слабая какая-то зависть. Его крассула явно лучше.

– Как мне найти Светлану Борисовну? – спросил он у девушки на ресепшен.

– Ой, а вы кто? Как вас представить?

Ник проглотил старую пошлую шутку из серии «представьте меня голым» и слегка поморщился.

– Я просто должен передать подарок.

– Ой, я сейчас позову. Вы подождите чуть-чуть. Возьмите шампанское. Угощайтесь!

Он с некоторым опасением взял одноразовый бокал. Опасения были не напрасные, напиток оказался полусладким, зато сильно газированным. Пожалел, что вместо конфет не

нарезали сыра. С другой стороны, сыр в золотую обертку не завернешь. А то, что газировка нагревается и выветривается – так это мелочи.

Послышался дробный перестук тонких каблучков, и к нему вышла женщина. Видимо, та самая Светлана Борисовна. Она была старше Ника лет на десять. Минимум. Но выглядела так, что дышать стало невозможно. Брючный костюм строг, и в то же время неимоверно сексуален. При этом Ник четко осознал, что такую женщину он не потянет финансово даже на одно свидание. Ни раньше, ни тем более сейчас.

– Вы меня искали? – спросила она.

– Просили передать.

Ник протянул деревянный футляр. Чуть замешкался, слегка покраснел, но все же добавил:

– С днем рождения.

И тут же почувствовал себя глупо.

– Спасибо, – она приняла подарок, – и от кого?

– Там визитка.

Женщина открыла футляр, мельком взглянула на карточку, слегка нахмурила идеальные брови. То ли это имя ничего ей не сказало, то ли наоборот, сказало слишком много.

Зато подарок ей понравился. Сразу и безоговорочно. Она тут же достала часы и застегнула их на своем запястье.

– Светлана Борисовна! – воскликнула девушка с ресепшен. – Какое чудо! Красиво как!

Женщина улыбнулась скупо и гордо.

Дальнейшее присутствие Ника явно не требовалось. Он просто повернулся и покинул общество восторженных дам. Никто этого и не заметил.

– Ой, подождите!

Девушка догнала его уже у лифта.

– Светлана Борисовна очень вам благодарна. Вот, возьмите!

Она протянула Нику сторублевую купюру. Ах, ну да. Чаевые.

– Спасибо, – вежливо ответил Ник и шагнул в открывшуюся пасть лифта.

***

Прошло больше месяца. Лето катилось к августу своим чередом. Дни стали заметно короче, но жара и не думала покидать город.

Дела Ника шли в гору. Вернее, они улучшились на волосок. Ну, может, на три волоска. Во всяком случае, динамику можно было считать положительной, и это вселяло робкий оптимизм.

Утром он, как обычно, зашел к девочкам из цветочного. Потом вымыл чашку и пепельницу. Открыл окно. Вскоре пришла кошка и получила свою порцию молока и корма.

Включил компьютер, чтобы полюбоваться на график роста, каким бы он там ни был.

Внезапно открылась дверь. Резко, со скрипом, хотя она ни разу в жизни не скрипела. Кошка оторвалась от пиалы с молоком и выжидательно взглянула на посетителя. Женщина очень средних лет, с короткой стрижкой некогда темных волос, шагнула вперед.

– Ты, – произнесла она с ненавистью.

– Я, – сознался Ник.

– Я перетрясла всех курьеров в Москве. Я наняла детективов. А ты сидишь спокойно тут, фактически у меня под боком!

– Простите? – изумился Ник. Насколько он помнил, ничего плохого он никому не делал. Во всяком случае, последние две недели.

– Из-за тебя я потеряла пять лет моей драгоценной жизни. А может и все пятнадцать.

– Из-за меня? Это точно?

Женщина швырнула ему на стол продолговатый деревянный футляр, едва не снеся чашку с кофе.

– Тебе твое возвращаю! – крикнула она.

– Но это не мое! – попытался возразить Ник, но за странной посетительницей уже закрылась дверь.

Минуту он удивленно смотрел на футляр, потом решился открыть его. Там были часы. Бриллиант, рубин, сапфир и изумруд сияли волшебным блеском.

Его посетительница была той великолепной Светланой? Той Светланой, о которой он даже мечтать не смел? Невоз-

можно. Немыслимо. Прошло совсем немного времени, а выглядела она как после долгой тяжелой болезни.

Секундная стрелка на часах замерла, а потом пустилась вперед. Нику показалось, гораздо быстрее, чем следовало.

Кошка выгнула спину и зашипела.

У Ника в груди стало пусто и холодно. Он попытался убрать часы обратно в футляр, но руки тряслись и не слушались. С третьей попытки ему все же удалось. Он защелкнул маленький замочек и засунул футляр в холодильник, в самый дальний угол. Закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул.

Потом среди своих бутафорских папок нашел бутылку коньяка и хрустальный бокал. Наполнил его до краев, выпил. Вроде руки стали меньше дрожать.

Эти часы отнимают жизнь? Здоровье? Время? Что за чушь несусветная. Такого не бывает. Такого просто не бывает. XXI век на дворе, вообще-то – или кто-то об этом не в курсе?

Ник посмотрел в пустой бокал. Последняя янтарная капля на дне выглядела безнадежно. Ник налил еще и опять до краев.

Часы нужно вернуть владельцу. Он же видел визитку. Какое там было имя? Какое-то необычное, на «В».

Владлен?

Вольдемар?

Вольфрам?

Он вернулся к компьютеру, набрал в поисковой строке имя. Вывалилось неимоверное количество ссылок. Ник даже взвыл от досады. Но совсем тихо, чтобы девочки-цветочницы не услышали. В пустом коридоре звуки разносятся слишком хорошо.

Это бесполезно. Нужна фамилия. Какая она там? Хотя бы, на какую букву?

Ник потрогал пепельницу на столе. Она была тяжелой и холодной. Даже в московскую жару она оставалась холодной.

Он опять пошел к стеллажу за коньяком.

В это время кошка спрыгнула с подоконника, прошлась по клавиатуре и свернулась клубочком на столе, подвинув компьютерную мышку.

Картинка на мониторе сменилась. С какого-то вполне официального сайта на Ника смотрел часовщик. Только звали его не Вольфрам. Михаил Антонович Скворешин. Всего лишь.

Ник аккуратно убрал бутылку и включил кофеварку.

***

У Михаила Антоновича было прекрасное настроение. Надо признать, весь месяц его просто переполняла энергия. И даже летняя жара не угнетала, а придавала сил.

Придя на работу, он выпил чашку зеленого чая. Расстегнул пару пуговиц на рубашке. Посмотрел курс валют и цену

на нефть, потом перешел на ленту новостей.

Дела у него, конечно, были. У успешного человека всегда много дел. Но он с ними быстро разберется. Об этом даже беспокоиться не стоит.

– Михаил Антонович, – на пороге кабинета стояла секретарь Леночка. Очень симпатичная Леночка, нужно признать.

– Там вам принесли букет. То ли от Евгении, то ли от Есении. Я не разобрала, простите.

– Тащи его сюда, – благодушно приказал Скворешин, – сейчас разберемся.

Леночка убежала и через минуту вернулась с ярко-белым букетом лилий. Строгие классические лилии, лишенные запаха и эмоций. Такие приятно возлагать на заколоченный гроб своего врага.

Михаил достал карточку. Никакой Есении там не было. Только одна фраза: «ТЕБЕ ТВОЕ ВОЗВРАЩАЮ».

Он тут же бросил букет на стол, разворошил цветы. И обнаружил продолговатый деревянный футляр. Внезапно ослабевшими руками открыл, – и ему улыбнулись и хищно засияли драгоценные камни с циферблата.

Секундная стрелка замерла, а потом понеслась вперед.

Жёлтый камень

Желтый камень

Олли ждал в большом холодном зале. Камин не топили. Какой камин в мае? Яркий свет лился сквозь стрельчатые окна. Весна в этот раз была щедра на скверную погоду, но сегодня сквозь тучи прорвалось солнце. Правда, лучи его особого тепла не добавляли.

Барон д'Экраф заставлял себя ждать. Может быть, хотел подчеркнуть свою значимость. На кого-то это могло произвести должное впечатление. Но не на Олли. Он не выспался, мерз, и вообще предпочел бы горячий завтрак вот этому вот бессмысленному ожиданию. И сожалел лишь о том, что теплый плащ, как и оружие, пришлось оставить за дверями зала.

Наконец появился барон, потирая руки, как будто это он тут дожидался три четверти часа. Его плечи согревала накидка с лисьим мехом.

– Прекрасное утро, – нарочно бодро начал он, – наконец-то светит солнце. Хороший знак. Конец холодам.

– Несомненно, – Олли изобразил поклон, впрочем, не особо стараясь.

– Крестьянам в полях много работы.

Вполне возможно, что к крестьянам барон причислял и его. Поэтому лучше было промолчать.

– Тебе придется съездить в Лавиньель.

– Это далеко.

– Не близко.

– Не могу. Слишком много дел.

– Можно подумать, без тебя дом рухнет.

– Рухнет, – легко согласился Олли, – крыша течет, да и балки прогнили. Нужно менять.

Д'Экраф сделал вид, что не понял намека. Конечно, деньги ему сейчас и самому нужны. Молодая жена хоть и родила ему наследника, но не принесла приданного, на которое был расчет.

– Я бы посоветовал думать не о балках и крыше, а о сестре и матери.

Вот так сразу переходить к угрозам? Странно и недостойно.

– О моей сестре давно заботится ее муж. А матушка за высокими стенами монастыря, под защитой Господа нашего Бога.

Олли ждал продолжения. Сейчас наверняка барон вспомнит Милу. Через пару месяцев она должна родить ребенка. Его ребенка.

Не то чтобы Олли сильно любил девушку, не то чтобы радовался появлению бастарда. Но уж что случилось, то случилось.

Барон промолчал. Видимо, не в его правилах было пристально следить за жизнью подданных.

Кто-то еще появился в зале. В начале Олли принял это за расплывчатую черную тень. Но в луче солнечного света

она оказалась слишком материальной. Человек, закутанный в широкий плащ, в маске и перчатках. И от этой мрачной бесформенной фигуры веяло силой и властью. Настолько, что даже милостивый барон д'Экроф отступил с его пути.

Тень прошла через зал, остановилась рядом и протянула руку . Олли стиснул зубы и позволил себя коснуться. Неизвестный взял его голову за подбородок и повернул к окну. Минуту рассматривал.

– Да, – сказал он, – это то, что нужно. Светлые волосы, светлая кожа, серо-голубые глаза.

И в этот короткий момент Олли увидел, как между рукавом и перчаткой шелковисто блеснул желтый камень в обрамлении серебра. Луч света коснулся его, и свет камня напомнил мерцание зрачка хищника. Короткое видение, не дольше одного удара сердца.

– Так в чем же дело, сэр рыцарь? Отчего не хотите исполнить волю своего сюзерена?

– Весна. Работы много, – сквозь зубы ответил Олли.

– Я полагал, это у крестьян, – удивился неизвестный.

Барон произнес что-то вроде: «Этот недалеко ушел».

– Разумеется, ваша дорога в Лавиньель будет оплачена, – добавил тот, что в маске.

– А обратно? – попробовал съязвить сэр рыцарь.

Его удивили эти уговоры. Вассал обязан служить своему сюзерену два месяца в году, а во время войны до окончания оной. Войны, к счастью, пока не предвидится. До Лавиньеля

неделя пути, или около того. Обратная дорога будет зачислена или нет?

– И даже сверх того.

Человек в маске достал кошель. Выглядел он не особо тяжелым.

«Там серебро или серебро с медью?» – вяло подумал Олли. Если честно, то он и от меди не отказался бы.

– Полагаю вопрос решенным?

– Завтра, с первыми лучами зари, я отправлюсь в дорогу, мессир.

Подумал, поклониться или не стоит. Решил, что не стоит. Выпрашивать деньги, а потом еще кланяться – это уж слишком.

***

После промозглого дня полутемный и дымный зал придорожного трактира «Заколдованный принц» с синей лягушкой на вывеске мог показаться почти раем. Похоже, так казалось не только Олли. Все столы были заняты. И, как бы ни хотелось путнику поесть в одиночестве, пришлось мириться с обществом.

Соседом по столу оказался какой-то длинноволосый дворянин, который тоже не выказал восторга при появлении Олли. Тем не менее он кивнул и сделал жест рукой, будто дозволяя находиться рядом с его персоной. На пальцах блеснu-

ли серебряные кольца.

«Как будто меня интересует твое мнение», – покривился Олли. Впрочем, в неверном свете факелов и сальных свечей его гримаса могла остаться незамеченной.

Еду принесли им одновременно.

Сегодня Олли понял, что кашами и тушеной капустой он сыт по горло и решил взять рагу из бычьих хвостов с репой и луком. Его сосед, как оказалось, взял тоже самое. Он слегка приподнял уголки губ, что, должно быть, символизировало улыбку. Но комментировать не стал.

Олли налил вино из кувшина в глиняную чашку. Девица, которая разносит еду, уверяла, что пить его можно.

Можно. Но не нужно. Хотя большинство посетителей оно вполне устраивало.

Олли размышлял, что делать – пить это, стиснув зубы, или взять другое. Платить еще за один кувшин совсем не хотелось.

– Можете пить мое, – равнодушно предложил сосед по столу.

– Не хочу вводить вас в убыток, мессир, – тон ответа был далек от любезности.

– Не беспокойтесь. Я в состоянии оплатить два кувшина вместо одного.

Тебе же хуже. Олли пожал плечами и не стал ломаться.

Вино было терпким и прохладным, с тенью клевера и меда.

– Белое вино к мясному рагу? – не смог он удержаться.

– Не люблю красное, – ответил длинноволосый.

На этом их общение закончилось.

Ночь Олли провел в маленьком закутке, который трактирщик отчего-то именовал комнатой. Несмотря на отсутствие окон, из щелей нещадно сквозило. Но зато на двери имелся засов, так что Олли все устраивало. Особенно плата за ночлег. Получалось почти столько же, как в общей комнате, только рядом никто не храпит и не воняет давно не мытым телом.

Проснувшись не слишком рано он для начала решил посмотреть, как там Дымка, а потом уже взять что-то из еды в дорогу и рассчитаться с трактирщиком.

Однако этот самый трактирщик перехватил его во дворе.

– Вы что же, господин хороший, уже уезжаете?

– Нет еще, – отмахнулся Олли.

– Вот и хорошо! А то я уж подумал грешным делом, что хотите вы уехать, не заплатив.

– Что ты себе позволяешь?

– А что такое? Вон ваш друг поутру уехал, а про денежки, видимо, позабыл.

– Какой еще друг?

– Да тот самый, с которым вы вчера за столом сидели.

– Я его первый раз видел!

– И тем не менее! И вам, господин хороший, придется платить и за себя, и за него.

– С какого перепуга?

– А кто же тогда?

– Это твоя печаль, раз проворонил.

– Э не, господин хороший. У меня есть вы, и вы заплатите. А коли вдруг столько денег нет, то я, так и быть, вашего коня заберу.

– Да ты сдурел, что ли?

За спиной трактирщика появился детина, шире Олли раза в два. В его руках шипастая дубина смотрелась почти зубочисткой.

Конечно, Олли легко бы мог покрошить на рагу и вымогателя, и его вышибалу. Возможно, успел бы вывести из конюшни Дымку. А вот оседлать времени уже не было. Бросать же седло и уздечку не хотелось. На какие гроши потом покупать новые?

– Ты, видимо, перегрелся среди своих горшков, – зло прошипел Олли, кладя ладонь на рукоятку меча, – я не стану платить за эту длинноволосую тварь!

– Что? – удивленно спросила длинноволосая тварь, выходя из конюшни и ведя в поводу огненно-рыжую тонконогую лошадь.

– Э-э-э… Прошу прощения, сиятельный господин, – замямлил трактирщик, – я думал, вы давно в дороге.

– Этот, – Олли недобро усмехнулся и ткнул пальцем в сторону вымогателя, – хочет, чтобы я заплатил за вас.

– За меня? – продолжал удивляться вчерашний сотрапез-

ник.

– В противном случае угрожает забрать Дымку.

– Это тот серый конь?

– Да.

– Он стоит гораздо дороже, чем весь этот сарай. Любезный, – голос длинноволосого стал предельно ласков, – тебе было мало моего серебра?

– Нет, что вы, сиятельный господин! Вы были щедры. Не могу забыть вашей доброты!

– О, значит, твоя память пробудилась ото сна.

– Простите великодушно! Стар я становлюсь, годы свое берут. Вот память и шалит иной раз.

– Забирай коня, – приказал сиятельный господин Олли, – и да, можешь ничего не платить этой связке сарделек.

– Но…

– Что-то не так?

– Все так, господин, все так!

– Вот и хорошо.

***

Они ехали вместе уже час. Молчание не тяготило, но все же Олли решил заговорить.

– Мое имя Оливер де Форе. Я направляюсь в Лавиньель.

– Жак де Рин, – вздохнул его спутник, – и, какая досада, я тоже направляюсь в Лавиньель.

– Не любите попутчиков?

– В особенности, когда эти попутчики случайные.

– Тогда можете унестись вперед на вашей огненной птице. Обещаю, пару часов буду продвигаться рысью.

– Ее зовут Ласточка, – Рин улыбнулся и ласково потрепал лошадиную гриву, – щедрое предложение. Но если вы потеряете время в дороге, то не успеете до темноты добраться до очередного трактира. А к вечеру, возможно, будет дождь.

– Или не будет.

– Хотите ночевать в поле – ради бога.

Тем не менее, они продолжали ехать рядом. Дорога шла через лес. Дымка и Ласточка шли резвой рысью. И когда липа, вздрогнув молодыми клейкими листочками, повалилась поперек дороги, Олли успел от души порадоваться, что они не перешли на галоп.

Лошади взвились на дыбы. Прежде чем удалось их успокоить, второе дерево с треском повалилось позади, отрезая путь к отступлению. В тот же миг из подлеска высыпала толпа, вооруженная мечами и копьями.

– Семеро, – прошептал Олли, – еще один на дереве. Стрелок.

Рин мрачно кивнул.

Один из незваных гостей потянулся ухватить Дымку под уздцы, конь негодующе вскинул голову, едва не задев всадника. Олли с досадой хлестнул плетью по протянутой руке.

– Уй! – взвыл обладатель руки.

Если бы не стрелок, можно было попробовать порубить засаду. Если бы его спутник помог.

Не поможет. Сидит совершенно спокойно и взирает на грабителей и убийц как на обычную челядь. Только губы побелели.

– Ваша светлость господин граф, – обратился атаман к длинноволосому, мы не причиним вреда ни вам, ни вашему спутнику. Мы просто хотим поговорить.

– Говорите, – обронил сиятельный граф или кто он там.

– Не здесь. Если отдадите оружие, мы проводим вас к месту переговоров.

– Переговоров с кем?

– С теми, кто хочет говорить с вами.

– Нет.

Теперь самое время заявить, что он сам по себе и не имеет никакого отношения к длинноволосому. Случайность, что они вместе, их просто свела дорога. Олли промолчал.

– Если вы не согласитесь, нам придется быть грубыми. Пожалуйста, не доводите до этого. Отдайте оружие.

Рин медленно обнажил клинок.

Олли буквально почувствовал, как напрягся стрелок на дереве. Несколько копий тотчас же направились на всадников.

Рин отвел руку в сторону. На клинке ярко блеснул солнечный свет. Длинноволосый медлил. Прошло пять ударов сердца, прежде чем он разжал пальцы. Меч упал на дорогу.

– Благодарю! – атаман слегка поклонился и повернулся к Олли, – Теперь вы, сэр.

Расставаться с оружием не хотелось. Но какие были варианты? Какие?

Граф слегка повернул голову. Этого полувзгляда хватило, чтобы прекратить душевные терзания.

«Нужно было бросить тебя на дороге, – зло подумал Олли, – ну к черту, больше никогда никаких попутчиков».

Он расстегнул пояс и отдал, не глядя, меч вместе с ножнами.

– Теперь положите руки на седло. Приношу тысячу извинений, но эта необходимая предосторожность.

Подошли разбойники и принялись вязать руки всадникам.

Олли поморщился, но стерпел процедуру – в конце концов, они же сдались, так что ребята в своем праве. Могут и мешок на голову нацепить. По счастью мешков не наблюдалось.

Разбойники цепью направились обратно в лес. Два человека впереди, три позади, а в середине еще два, которые ведут лошадей в поводу. Приходилось постоянно уворачиваться от веток, которые норовили хлестнуть всадников по лицу.

Олли пошевелил связанными руками. Допустим, ему удастся избавиться от веревки. Это не трудно. Повинуясь приказу, Дымка бы вырвался из рук сопровождающего. В чистом поле этот трюк мог бы сработать. Но в лесу, прежде чем

Олли успеет подобрать повод, запутается в кустах и ветках. Не получится.

Неудачный день сегодня выдался.

***

Солнце перевалило за полдень, а они все шли по лесу. Олли казалось, что их водят кругами. Во всяком случае, дерево с дуплом уже попадалось на глаза. И не один раз. Непохоже, что разбойники заблудились, просто запутывают следы. И весьма удачно. Без посторонней помощи Олли теперь вряд ли бы выбрался.

– Будьте осторожны, – предупредил атаман, – тут везде болото. Безопасна только та земля, на которой стоят дома.

Теперь, когда ветки не норовили выколоть глаза, Олли огляделся. Самая обычная деревня. Дома, сарайчики, хозяйственные постройки. Во дворах бродят куры, где-то мычит корова. Население в основном состоит из мужчин. Но есть женщины и дети, и даже несколько стариков. Удивительно, насколько лихие люди здесь обжились.

Кстати, о женщинах – одна стоит отдельно от толпы. Невысокая. Олли прикинул, что она еле-еле достанет ему до подбородка. Каштановые кудри лежат на плечах, ни коса, ни платок не сдерживают их свободу. Цвет глаз на расстоянии не разглядеть, зато ясно видны чуть пухлые губы. Зеленое платье и синий передник.

Может, не красавица, но Олли бы не отказался бы подойти поближе. Как только развяжут руки, запустить пальцы в ее волосы, коснуться губами губ.

Руки развязали. Но идти пришлось не к лесной незнакомке, а в дом, стоявший в центре поселения.

В помещении, довольно светлом, стоял длинный стол и с двух сторон от него лавки. Видимо, место для общественных собраний.

Гостей усадили на лавку у стены, по бокам и напротив разместились местные жители.

– Пожалуйста, – обратился к пленникам атаман, – держите руки на столе.

Рин усмехнулся, положил ладони на чисто выскобленную столешницу. Олли посмотрел на серебряные кольца его на тонких пальцах. Но одном из колец был изображен странный бегущий зверь. Именно такой была печать на письме, которое он вез в Лавиньель.

Две немолодые женщины поставили перед каждым кружку с подозрительной жидкостью. Посреди стола водрузили кувшин с обычной водой и отошли.

Олли крутанул свою кружку. Жидкость заплескалась. Запахло крепким спиртным духом, настоянным на зверобое.

– Мое имя Годвин, господин граф. Это мои люди и наше поселение. Как вы заметили, оно находится на вашей земле.

– Заметил, – холодно ответил граф.

– Я позволил себе пригласить вас столь странным обра-

зом, чтобы сделать некое предложение.

– Как вы узнали, что именно сегодня я буду на той дороге?

– Мой человек видел вас вчера в «Синей лягушке».

– Что за предложение?

– Вы позволяете нам и дальше спокойно жить здесь. А мы отпускаем вас и вашего спутника живыми и здоровыми.

– Иными словами, вы живете на моей земле, не платите налоги, стреляете мою дичь, нападаете на людей, которые едут по моим дорогам, а я все это терплю и периодически получаю нагоняй от его сиятельства герцога. Так?

– Ну, почти.

– Это несерьезно.

Годвин нахмурился. Он считал, что договориться будет не так сложно. Достаточно слегка припугнуть длинноволосого.

– Вас, граф, мы не тронем. Пока. Начнем убеждать с вашего друга.

У них есть специалисты по убеждению? Хотя самые простые методы тоже неплохо работают. Олли прикинул, как долго он сможет молчать, если они начнут забивать гвозди в его кости. Впрочем, зачем молчать? Можно хоть обораться, от него тут ничего не зависит.

– Да на здоровье, – кивнул Рин, – я этого человека первый раз вижу.

– Второй, – поправил Олли.

– Я этого человека второй раз вижу.

– Неубедительно? – огорчился атаман.

– Нет.

– Но, в принципе, у нас есть хоть какой-то шанс по-доброму договориться?

Рин улыбнулся. Одним длинным глотком выпил содержимое своей кружки. Кто-то суетливо протянул ему воду запить. От воды граф отказался. Расслабленно прислонился к стене.

– Что вы можете мне предложить? – с интересом спросил он.

Все остальные тут же тоже выпили содержимое своих кружек, в том числе и Олли. Напиток горячей волной скатился по горлу в пустой желудок, напомнив, что он со вчерашнего вечера ничего не ел. На миг перехватило дыхание. Ладно, он в своей деревне привык к такому пойлу. И то при этом морщится. А сиятельный граф даже глазом не моргнул.

Годвин вздохнул с облегчением. Послышался даже чей-то неуверенный смешок.

Женщины убрали ненужную воду и начали выставлять на стол еду. Свежие лепешки, тушеную зайчатину, кур, приготовленных на вертеле, и рыбу, жаренную на углях. Принесли еще несколько видов настойки – на рябине, душице и даже на липовом цвете.

Попробовав их все, Олли решил, что на рябине вполне пристойно получилось, и дальше пил только ее.

За столом велся торг, к которому Олли не имел ни малейшего отношения. Ему только и оставалось, что есть и пить. И

когда он захотел выйти из-за стола, никто этому не препятствовал. Только Годвин напомнил про болото, и посоветовал никуда из поселения не уходить.

Олли добрым советам никогда не доверял. Поэтому решил пойти и проверить – тем более, пока в нем бродила рябиновка.

Действительно, шагах в двадцати от крайнего дома он заметил широкую полосу воды, а за ней ровную зеленую полянку, тянущуюся к горизонту. Кое-где на ней торчали вешки. И наверное, при особой необходимости, по ней можно было пройти. Только Олли никак не мог представить себе эту необходимость.

Он опустил ладонь в воду. От торфа она была темно-бурой и удивительно чистой.

– Ищешь кого-то?

Олли отчего-то сразу понял, кому принадлежит этот голос.

– Да, – ухмыльнулся он, – тебя.

Он выпрямился. Та самая, с каштановыми кудрями стояла перед ним. Губы чуть приоткрылись в улыбке, глаза прячутся за ресницами.

– Я думала, ты еще там, – она кивнула в сторону поселения.

– Там без меня обойдутся.

– Может, тебе чем-то помочь? Может, ты хочешь есть или пить?

– Я достаточно сыт и пьян. Но вот о ночлеге уже пора подумать.

– Не рано ли? – она усмехнулась.

Олли посмотрел на небо. Солнце скатывалось за верхушки деревьев и дарило миру теплый янтарный свет.

– В самый раз, – усмехнулся он в ответ.

– Ну, может быть, я и смогу предложить тебе какой-нибудь закуток.

Пока все шло очень хорошо. Так, как и должно было бы идти. По крайней мере до тех пор, пока Олли не отвлекся от прекрасных особенностей женской фигуры и не посмотрел вокруг.

Шагах в ста, у стены какого-то сарая, стояла женщина с каштановыми кудрями. Точная копия той, что была сейчас перед ним.

Та, что у сарая, закрыла ладонью рот. И на лице ее было удивление? Испуг? Что? С такого расстояния не очень разглядишь. К тому же вечерние тени могли быть обманчивыми.

Две абсолютно похожие женщины. Сестры? Близнецы? Но почему тогда в одинаковой одежде – зеленое платье и синий передник? Хотя, наверное, так бывает, когда похожие люди стараются довести свою похожесть до абсурда. Но тут, на болоте, в разбойничьем поселении – зачем?

Олли прикоснулся к ней. Кожа показалась ледяной.

– Ты замерзла?

– Согрей меня, – женщина прильнула к нему.

Олли обнял ее, а сам пытался вспомнить, как отличить обычного человека от ведьмы. Кажется, в этом помогали огонь и вода. Огня под рукой не было, зато воды в избытке. Если бросить ее в воду, ведьма останется на поверхности. А невинная жертва начнет тонуть.

Ничего, если начнет тонуть – он успеет ее вытащить.

Олли подхватил прелестницу на руки. Она потянулась к его губам, но не успела. Олли бросил ее в черную воду. Тело тут же превратилось в желтый дым.

Но до этого на миг возник образ старухи с редкими седыми прядями, темными глазницами и запавшим беззубым ртом. Олли содрогнулся. И тут чья-то ладонь легла на его руку.

Он успел пожалеть, что меч ему так и не вернули, а среди этой нечисти защищаться было нечем.

– Тише! – зашептал голос. – Я настоящая!

Опять перед ним была женщина с вольными каштановыми кудрями, в зеленом платье с синим передником. Она ничем не отличалась от той, что рассеялась дымом. Только, кажется, ладонь ее была теплой.

– Я докажу!

Женщина достала из-за пояса нож, маленький, с узким лезвием. Он мог бы показаться игрушкой, если не знать, как подобная игрушка может проткнуть вену и в ней повернуться ребром.

Женщина уколола палец, закапала кровь, яркая и алая. Олли перехватил ее руку, зажал ранку губами. На вкус кровь тоже была обычной, чуть пряной и солоноватой. Для иллюзии слишком правдоподобно. Но кто их тут знает. Может, имеет смысл и эту бросить в воду?

– Подальше от воды? – криво усмехнулся Олли.

– Поближе к огню.

Она привела гостя в дом – совсем маленький. Он состоял из одной комнаты, если не считать чердак и кладовку. В комнате стол со скамьей, кровать, очаг и сундук. Сундук со слегка выгнутой резной крышкой, на которой спать почти невозможно. Уж лучше на полу.

– Хочешь есть или пить? – спросила женщина.

– Ты кто? – Олли не мог не задать этот вопрос. Она была на пару лет старше него, но все равно дьявольски влекущая.

– Мое имя Регина. Я берегиня этого места.

– Берегиня от кого?

– Хотя бы от той, что притворялась мною.

– А она кто?

– Обычный суккуб.

– Да, – согласился Олли, – обычный.

Он положил ей руки на плечи и зарылся лицом в волосы. Они пахли земляничным листом и теплым солнечным светом.

– Ты так и будешь стоять?

– Я предпочел бы лечь, но твоя кровать слишком узкая.

– Придется потерпеть. Сможешь?

– Постараюсь.

Олли поцеловал ее плечо. Кожа была бархатной и нежной, как пепел.

***

– Тебе пора уходить, – сонно сказала Регина.

За закрытыми ставнями давно была ночь. Комната освещалась только слабыми всполохами огня из очага.

Олли вдохнул. Покидать уютное ложе совсем не хотелось. Но если женщина говорит, что ее нужно оставить, лучше это сделать. По возможности быстро и без вопросов. Мало ли какие у нее причины, некоторые в самом деле лучше не знать.

– Куда мне идти? – спросил он, разыскивая в полутьме свою одежду.

– Ты сможешь сейчас найти тот дом, в котором вас встречали?

– Смогу.

– Рядом с ним сеновал, там сможешь переночевать. Луна сейчас яркая, не заблудишься.

– Ну, если на меня опять кто-то не нападет.

Воспоминания о встрече с суккубом не вдохновляли.

Женщина протянула ему кожаный мешочек на плетеном шнуре, расшитый красной и зеленой нитью.

– И что это?

– Это позволит видеть истинный облик сущностей. Всегда сможешь отличить человека от нежити. Все наши носят такие.

Олли послушно взял мешочек. Он мог сколько угодно сомневаться в свойствах подарка, но спорить с женщиной, с которой только что провел несколько весьма насыщенных часов, он точно не собирался.

Хотелось еще раз поцеловать ее губы. Да что губы! Хотелось покрыть поцелуями все тело. Особенно ту часть бедра, где кожа всего нежнее.

Олли мотнул головой. Нужно уходить и как можно быстрее. Иначе неизвестно, чем все это закончится.

Он выбрался в ночь. Теплый ветер сдул со лба пряди волос, за спиной в двери задвинулся засов. Нужно идти искать сеновал. Луна действительно яркая, скоро полнолуние.

Сено, разумеется, было прошлогоднее. Но все равно пахло сладко и душно.

– Что тебе в кровати-то не лежалось. Или где ты там был, – послышался из темноты ленивый голос длинноволосого графа.

По всем прикидкам, он сейчас должен был быть мертвецки пьян. Но нет, ничего подобного. Только глаза в темноте блестели.

– Там муж пришел, – не стал вдаваться в подробности Олли. Он постелил плащ и попытался улечься. Было довольно тепло и мягко.

– Рано утром нас проводят к дороге, – произнес Рин, – время мы, конечно, потеряли, но не слишком много. Можно будет наверстать.

– Ты о чем-то договорился с этими местными? – спросил Олли просто для того, чтобы спросить.

– Пожалуй. Мы пришли к некоторому соглашению.

– А тебя предупредили, что тут водится такое… всякое?

– Да, они говорили. Но, вроде, есть ведьма, которая оберегает эту деревню.

– Ведьма?

– Колдунья. Или что-то еще. Какая разница?

– Тебе дали мешочек, который позволяет отличить людей от нелюдей?

– Какой еще мешочек?

Олли показал. Вряд ли во сне можно было различить узоры, но общий принцип был понятен.

– И что там внутри?

– Понятия не имею.

– Вдруг там сушеные пауки?

От этой мысли Олли передернуло. Он решил пока не убирать подарок под одежду.

Рин рассмеялся.

– Давай спать,– сказал он, – до рассвета не так много осталось.

– Угу.

Где-то в сене скреблись мыши, в щелястых стенах заду-

вал ветерок, будто играл на флейте. Олли закрыл глаза и изо всех сил понадеялся, что снов сегодня не будет. Они же не каждую ночь его мучают.

Не помогло.

***

Утром он долго плескался у бочки с дождевой водой, надеясь смыть липкую патоку ночи.

– Хватит, – усмехнулся Рин, – ты распугаешь всех местных лягушек.

На завтрак им подали вчерашние лепешки, поскольку свежие еще не успели напечь, ягоды, вареные в меду, и взбитые сливки.

Олли, прибывавший в дурном настроении после ночных кошмаров, желчно заметил, что так изысканно кормят не во всяких высоких замках. Рин легко с этим согласился. И Годвин, кажется, слегка возгордился, что окончательно испортило настроение.

Хотелось увидеть Регину. Попрощаться они вряд ли смогли бы, но хоть просто увидеть.

Но его желания не имели ровно никакого значения. Берегиня не пришла смотреть на их отъезд. Собственно, смотреть тут было особо не на что.

Дымка попробовал показать себя и выплясывал на месте, гордо вскидывая голову. Ласточке это быстро надоело, она

куснула его за холку. На этом все и успокоилось.

Проводник вывел гостей на дорогу, на этот раз не петляя по лесу.

Небо опять стало затягиваться тучами.

– Если будем, по возможности, передвигаться галопом, и если сделаем только две остановки по полчаса, есть шанс, что к вечеру прибудем в Лавиньель, – сказал Рин.

– Мы не успеем до закрытия ворот.

– Это не важно. Меня пустят.

– Ты так торопишься?

– Немного тороплюсь. Надеюсь, дальше обойдется без задержек.

И именно после этих слов лошади заартачились, отказываясь идти дальше.

Впереди была дорога широкая и ровная. Слева поле. За полем лес. Справа пара крестьянских домов за забором, несколько яблонь в цвету. Почти идиллия, если бы так не дрожали и не храпели лошади.

Олли нервно оглянулся.

– Ты видишь что-нибудь?

– Собаки, – тихо ответил Рин, – выглядывают из-за забора.

Две крупные собаки с острыми мордами действительно смотрели на путников. Но не с опаской. Скорее с ленивой досадой, будто люди появились здесь совсем не вовремя и помешали какому-то их собачьему делу.

– Морды в крови, – заметил Рин.

И тут подарок Регины дал о себе знать.

– Это не собаки, – прошептал Олли.

Твари на четырех лапах, каждая из которых заканчивается острыми птичьими когтями. Огромные пасти на три четверти узкого черепа и бока, местами прогнившие до костей.

– Вараки. Посмотри сам.

Олли хотел протянуть графу кожаный мешочек, но тот жестом отказался.

– Почему не нападают?

– Сыты, видимо.

Вараки, не обращая внимания на людей, перебежали через дорогу и неторопливо затрусили в сторону леса.

День был тихий. Настолько тихий, что путники вздрогнули, когда послышался скрип обычной крестьянской телеги. Румяный парень и его не менее румяная полнотелая спутница неспешно катили по дороге. Чалая кобыла степенно ступала, изредка переходя на вялую рысь. Рядом с ней бежал длинноногий жеребенок.

– Эй, парень, – спросил Рин, дождавшись, когда телега поравняется с ним, – ты знаешь, кто живет в этом доме?

– Знаю, господин, – крестьянин сорвал с головы шапку и прижал ее к груди, – старый Ян здесь живет. Со старухой, дочерью и внуками.

– Возьми какое-нибудь оружие или что-то похожее и иди за нами.

– Ты полезешь в этот дом? – с недоверием спросил Олли.

– А есть варианты?

Ну, у Олли был один вариант – проехать мимо своей дорогой. Но ничего не получится, к сожалению. Придется идти и смотреть, что там осталось после посещения вараков. Но хорошо, что у них теперь есть этот румяный простак. Можно затолкать в дом, пусть его первого сожрут.

Крестьянин вытащил из телеги лопату и попытался держать ее, как копье.

– Иди за нами, – приказал Рин.

И Олли понял, что первым в дом идти ему. Господи, ну не длинноволосого же туда запускать?

Дверь была приоткрыта. Нет, она не скрипела. И не было в ней ничего зловещего. Она просто была приоткрыта на пару пальцев.

Они обнажили мечи. Рин резко распахнул дверь, Олли шагнул вперед и в сторону. И все остановилось. Даже пылинки в солнечном луче перестали кружить.

Ничего не происходило.

Просто нечему было происходить. Не было никого – по крайней мере, живых.

Дом был наполнен теплым янтарным светом и тяжелым запахом свежей крови.

– Здесь пусто, – Олли судорожно сглотнул.

Вошел Рин. За его спиной маячил крестьянин – на его физиономии страх соперничал с любопытством. Любопытство

победило.

Рин досадливо поморщился, когда парень, зажимая рот руками, бросился на улицу.

– И что тут? – спросил длинноволосый.

– Возможно, два тела. Возможно, женщины, – пожал плечами Олли, – трудно сказать.

Вокруг были кровь и куски плоти. Даже на потолке висели какие-то ошметки. Одна голова с обкусанными щеками была под столом, другая, без челюсти, закатилась в угол.

– Что-то еще, или можно уходить?

– Можно уходить, – согласился Рин.

И тут они услышали, как кто-то скребется из-под пола.

– Вараки?

– Слишком тихо для вараков.

– Мыши?

– Какие, к черту, мыши?!

Рин подошел к здоровенному сундуку, который нелепо смотрелся посреди комнаты, и попытался его сдвинуть. Олли присоединился к нему.

– Может, того парня позвать? – неуверенно предложил он. Но, услышав характерные звуки с улицы, отказался от этой мысли.

– Две женщины, одна из которых старуха, смогли затащить сюда эту дрянь, – начал говорить Рин, предварительно выругавшись, как портовый грузчик, – так что мы в состоянии хотя бы сдвинуть его. Интересно, там внутри – камни?

Железо?

– Хочешь посмотреть?

– Нет.

– А то могу замок сбить.

Рин фыркнул.

Сундук попал углом в лужу крови и дальше пошел легко, как по сходням, смазанным свиным жиром. Под ним, как и ожидалось, оказался люк в подвал. Крышка осторожно приподнялась, показалась головка со светлой аккуратной косичкой.

– Мама?

Рин стремительно подхватил девочку на руки, закрыл ей глаза ладонью.

– Где мама?

– Не здесь, – ответил длинноволосый, – все хорошо. Пойдем отсюда.

– А собаки уже ушли?

– Ушли.

– А как же Дини?

– Какой Дини?

– Братик. Он там, внизу. Он маленький, собак боится.

– Я пойду за ним, – сказал Олли.

Он спустился по шатким ступенькам. Не очень глубоко, даже не встать во весь рост. Низкий потолок нервировал. По стенам полки с остатками прошлогоднего урожая. Лук, морковь, репа или что там еще. Слабо мерцал огарок сальной

свечи. В этом почти умиротворяющем свете удалось разглядеть темный комок.

– Дини?

Комок слабо шевельнулся, но не отозвался. Ну и что делать с перепуганным ребенком? Олли напомнил себе, что он вот-вот должен стать отцом. И нужно быть терпеливым и ласковым. Или какими бывают отцы?

Он не стал тратить время на уговоры, просто сгреб ребенка в охапку. Мальчик слабо пискнул и доверчиво уткнулся ему в плечо. Олли только слегка придержал его затылок ладонью, чтобы тот не вздумал смотреть по сторонам. Мимолетно удивился, какие нежные у ребенка волосы, почти цыплячий пух, и какая маленькая голова. Ладонь накрывала ее почти полностью.

– Оливер? – позвал сверху длинноволосый, и в его голосе не было уверенности. – Олли?

– Иду.

Детей отдали женщине, над которыми она тут же заворковала, как голубица.

Дверь в дом подперли поленом.

– Сжечь? – предложил Олли.

– Нет, пусть этим Охотники занимаются.

Рин досадливо вздохнул.

– Охотников вызывать придется. Вараков была пара, значит где-то рядом гнездо. По весне там, скорее всего, щенки.

– Парень, – обратился он к крестьянину, – нам нужна ка-

кая-нибудь церковь или монастырь. Что есть поблизости?

– Вам к отцу Адриану, видать. Он ближе всего.

– Хорошо, давай к нему. Показывай дорогу.

Дорога была ровной и пыльной. Одно колесо у телеги скрипело.

– Нужно было запустить Охотников в спорный лес, – неожиданно сказал Рин, – но теперь уже поздно.

– Что поздно? – без особого интереса спросил Олли.

– Уже не важно.

***

Вечер разливался холодной белизной тусклых звезд.

Лавиньель встретил их шумом и суетой. Причем в герцогском замке шума и суеты было еще больше.

– Его светлость герцог Лавиньельский искал вас, – подскочил к длинноволосому паж в короткой изумрудной курточке. – Его светлость герцог Айджелин прибыл два часа назад.

– Все-таки опоздал! – досадливо произнес Рин.

– Мне нужен граф Этлин, – сказал Олли.

– Раз герцог уже здесь, значит и Этлин при нем. Зачем он тебе?

– Передать письмо.

– Завтра утром передашь. Сейчас всем не до этого.

Олли хотел обозлиться, но потом вспомнил, как Рин вытаскивал девочку из подвала и прикрывал ей глаза от крова-

вого кошмара.

– У меня письмо к графу Этлин от графа де Шенто.

Рин тут же перестал выглядеть уставшим.

– Идем со мной, – приказал он.

– Но, ваше сиятельство, его светлость… – начал паж.

– Александр, проваливай. Я приду, как только смогу.

Рин посмотрел вслед мальчику.

– Терпеть не могу этот цвет.

– Красивый цвет. Глубокий, – пожал плечами Олли, – как павлинье перо.

Он ожидал, что длинноволосый фыркнет и скажет что-то вроде: «Откуда тебе, голытьбе, знать, какие перья у павлина?». Но Рин только передернул плечами.

– Я эту куртку семь лет носил. Пошли.

И повел Олли в одну из башен.

Комната, в которую они пришли, была самой обычной. Никакой роскоши, если ее вообще можно было ожидать. Но здешний хозяин питал явное пристрастие к мехам. В принципе то, что валялось на полу у кровати, Олли мог себе позволить. Если наловить в лесу пару десятков зайцев. Какое, наверное, наслаждение – наступать босыми ступнями на нежный мех.

А вон то, серебристое, что лежало на постели, непонятно даже кому принадлежало при жизни.

– Давай, – приказал Рин. Вся его добросердечность, если когда и была, исчезла без остатка.

Олли достал письмо. Слегка помятое, ну да без разницы.

Пальцы графа скользнули по печати.

– Похоже, – усмехнулся он.

И тут же сломал ее.

– Эй! – возмутился Олли. – Какого хрена?

– Успокойся. Раз это послание от меня, вполне смогу запечатать его второй раз.

Рин просмотрел его два раза, потом хмыкнул.

– Читал это?

– Нет, мне дали его запечатанным.

– Кто дал?

– Барон д'Экраф.

– С ним придется еще поговорить.

– Что там в письме?

– Читай.

Олли взял листок. Помимо всего прочего, глаза уцепились за одну фразу: «Примите мой скромный подарок. Он немного строптив, но вы сумеете усмирить его».

– Подарок? – переспросил он.

– Именно.

– Мне, кроме письма, больше ничего не давали.

Олли несколько мгновений молчал, осознавая происходящее.

– Это я подарок? – уточнил он.

– Прошка! – крикнул граф. – Принеси нам вина или что-нибудь.

Слуга, видимо, ждал за дверью и сразу же вошел – настолько широкоплечий, что сильно сутулился, пытаясь хоть как-то приблизиться к нормальным размерам. Он принес несколько темных бутылок и два кубка из толстого стекла.

Рин налил вино в свой кубок и с удовольствием сделал несколько глотков.

– Про Этлина ходят слухи, что он неравнодушен к мужчинам, – мирно заговорил он, – насколько это правда – неизвестно, но на любые намеки граф очень нервно реагирует.

– И? Что было бы?

– Мне бы пришлось сразиться с ним на мечах. В итоге либо я убил его, либо он меня. В удачном случае просто покалечили бы друг друга.

– А что со мной?

– С тобой в любом случае все было бы плохо.

Олли взял кубок. Он оказался тяжелым и в нем преломлялся свет свечи. Вначале хотелось швырнуть его об угол камина, но он вовремя передумал и просто налил вино. На самом деле он бы предпочел пожрать, но раз было только вино – сойдет и так.

– И ради чего все это? – спросил Олли, при этом решив, что при первом же удобном случае убьет барона д'Экрафа.

– Какой еще договор собрался подписывать д'Экраф?

– При чем тут он? Герцог Лавиньельский и герцог Айджелин собираются разобраться со спорными территориями.

– И твоя смерть или смерть этого Этлина на это как-то

повлияют?

– Еще как. Я считаюсь воспитанником герцога Лавиньельского. А этот Этлин числится фаворитом Айджелина.

– А что за спорная территория?

– Сосновый лес.

– Всего лишь! – фыркнул Олли.

– Довольно обширный лес, богатый дичью. И, поскольку постоянно происходят конфликты, страдают деревни по обе стороны. Плюс к этому народ опасается пользоваться дорогой через этот самый лес. Недобираются налоги.

– И причем во всем этом я?

– Ты видел когда-нибудь Этлина?

– Нет, слава богу.

– Когда увидишь, все сам поймешь.

– Что теперь делать с письмом?

– Ничего. Прошка устроит тебя на ночь. Я пойду к герцогу. Утром напишу новое.

***

Ему опять снился тот сон. Будто из темноты тянется рука и становится трудно дышать. Правда, за много лет Олли привык, это уже не пугало, он не просыпался с бешено колотящимся сердцем. Но все равно многое бы отдал, чтобы больше никогда этого не видеть.

Несмотря на дурные сны, утром он выглядел гораздо луч-

ше Рина. Тот сидел за столом и вяло пил какой-то травяной отвар.

– Ты совсем не спал? – поинтересовался Олли.

– Спал. Часа два точно. Не беспокойся, к нужному моменту я буду бодр и свеж.

– Из-за этой травы? – Олли покосился на глиняную кружку, источающую сладкий пар.

– Это обычная ромашка с медом. Хочешь?

– Лучше не надо.

– Мне сказали, граф Этлин уже проснулся. Самое время отнести письмо.

– Какое письмо? – Олли передернул плечами от отвращения. – То самое?

– Нет, конечно.

Рин перебросил ему через стол лист бумаги.

«Примите в подарок любую лошадь из конюшни Густава. Вы справитесь с любой, даже самой строптивой».

– И что, ты купишь ему лошадь? – спросил Олли.

– Куплю.

– Ты знаешь, сколько стоит хорошая лошадь?

– Знаю.

– И это ради куска леса?

– Дело не столько в этом лесе. Тут дело в принципе. Да и вообще.

Рин изобразил рукой что-то неопределенное.

– Политика?

– Да, политика.

Рин забрал письмо и запечатал.

– Тебе пора идти.

Олли забрал конверт, бросил его на пол и чувством наступил сапогом, стараясь, впрочем, не испортить печать.

Рин ничего не сказал, только сильнее сжал пальцы на чашке – так, что побелели ногти.

– Я это письмо вез неделю, – поспешил объяснить Олли, – даже больше недели. Оно не должно выглядеть, как непорочная дева на причастии.

***

Возок во дворе был запряжен четверкой гнедых холеных коней. Едва разглядев герб на дверце, Олли начал искать возможность исчезнуть. Он уже был готов спрятаться за спину Рина, но не тут-то было.

– Олли? Что ты тут делаешь?

– Я здесь присутствую.

– Странно. Я не думала, что герцог Лавиньельский принимает в своем замке всякую нищету.

Прекрасная дама в лазурных одеждах вышла из возка, опираясь на руку стражника. У нее были темно-русые волосы, голубые глаза и статное тело.

– Ты, вероятно, забыла, что все мои деньги забрал твой муженек в качестве приданного. Кстати, а ты здесь зачем?

– Я следую за своим мужем, как и полагается жене, – фыркнула дама.

– Ну и где же твой муж?

– Должен быть где-то здесь. Причем еще вчера. Он так торопился, чтобы не отстать от герцога, даже бросил нас с Абигайль посреди какой-то глуши. Эти недокормленные четвероногие скотины еле-еле переставляли ноги, и мы никак не успевали вслед за всеми. Он, конечно, оставил охрану, каких-то жалких пять человек. На какие лишения я согласилась, когда шла под венец с этим человеком!

– Я и смотрю, моя дорогая, вы перебиваетесь последними медяками.

И тут Олли увидел спутницу прекрасной дамы. Нежное, непорочное, круглолицее создание. Он тут же прикинул, какие у него шансы заполучить эту лилию себе на ночь. Шансы были неплохие, но потом выяснять отношения с сестрой, стоит ли оно того? Конечно, этот нежный бутон сожрут и, возможно, уже сегодня. Но без его участия. А жаль.

– Что ты смотришь? – возмутилась дама. – Немедленно проводи меня к моему мужу!

Рин, который стоял все это время в стороне, наконец, отмер. Шагнул вперед.

– Оливер, ты представишь меня леди?

– Ну конечно. Элейн, позволь представить тебе графа де Шенто. Ваше сиятельство, позвольте представить вам леди Элейн баронессу де Пейн. Мою сестру. Старшую, – мсти-

тельно добавил он.

Вряд ли леди Элейн что-то сказало имя, да и внешний вид длинноволосого сейчас не слишком впечатлял. Но на титул она отреагировала, улыбнулась, протянула руку.

Граф, конечно, колено приклонять не стал, но склонился к руке, едва коснувшись губами перчатки.

– Я провожу леди к ее мужу, – сказал он, – а тебе все же лучше отнести письмо.

– Я даже не знаю, куда идти, – огрызнулся Олли.

– В Южную башню. Там уже спросишь. Не затягивай.

***

Граф Этлин оказался коренастым, темноволосым и темноглазым, с кожей оливкового цвета. Олли еще раз поклялся убить барона д'Экрафа при первой же возможности. Он, светловолосый и светлокожий, представлял собой слишком соблазнительный контраст, если бы длинноволосый не переписал письмо.

Вообще не хотелось думать, что сейчас было бы, если бы длинноволосый не переписал проклятое письмо.

Зато второе послание привело Этлина в полный вострг.

– Можно, конечно, послать слугу, – просиял он, дочитав, – но вы не могли бы подождать несколько минут? Я напишу Шенто пару слов благодарности и все такое.

– Разумеется, – ответил Олли, – я подожду. Мне торопить-

ся некуда.

– Собственно, – развеселился граф, – до вечера нам всем торопиться некуда. Зато уж вечером нас ожидает пир. И даже вроде пригласили каких-то циркачей для увеселения. С медведем. Вы любите фландорское вино? Разумеется, его сегодня подадут. И еще я надеюсь на запечённую баранину с чесноком и розмарином.

Олли никто ни на какие пиры не звал и никаким фландорским вином поить не собирался. Это было слегка обидно. Хотя, нет, не слегка.

Зато родная сестричка там точно будет.

Граф Этлин сел за стол и занес перо над бумагой. Неожиданно дверь распахнулась. Без стука. Тот, кто вошел, не считал нужным оповещать о своем прибытии.

Этлин тут же вскочил и склонился в поклоне.

– Ваша светлость,– начал он, – я не ожидал, простите…

– Ты занят? – резко спросил вошедший.

Олли на всякий случай тоже решил поклониться. И почти перед носом увидел серебряный браслет на руке вошедшего. Длинным темным зрачком на него смотрел желтый камень.

– Э-э-э… нет. Простите, – граф повернулся к Олли, – я позже пришлю человека с ответом.

– Разумеется, – Олли еще раз отвесил общий поклон и поспешил убраться из Южной башни.

***

– Твоя сестра благополучно воссоединилась со своим мужем, – сообщил Рин вернувшемуся Олли, – с Пейном мне раньше встречаться не доводилось. Но мы выпили бутылку вина и вроде как познакомились.

– Я счастлив, – буркнул Олли.

– Как тебе удалось раздобыть такого зятя?

– Когда я сватал Элейн, он из себя вообще ничего не представлял. Шестой и последний сын, без всяких надежд на наследство. Кто ж знал, что вся семья поляжет от какой-то неведомой болезни, и он унаследует титул.

– Как там Этлин?

– Он почти прыгает от радости. Собрался писать благодарственный ответ, но ему помешали. Пришлет позже.

– И кто помешал?

– Полагаю, герцог Айджелин. К кому еще можно обращаться «ваша светлость»?

– Какая разница, впрочем.

– У герцога на руке браслет с желтым камнем.

– Тигровый глаз. Предупреждает об опасности, выявляет ложь и лицемерие. Вроде бы оберегает от нечистой силы. Очень популярный камень. Есть у многих.

– Но у тебя нет.

– Есть. Лежит где-то. Почему мы говорим о камне?

– Когда д'Экраф вручал мне письмо, при этом присутствовал еще один человек.

– Кто?

– Понятия не имею. Он был хорошо замаскирован. Широкий плащ, перчатки, маска. Но у него на руке был этот самый браслет.

– Этот самый или похожий?

– Этот самый. На ободке зарубка, явно сделали кинжалом. И сам камень. Тот.

– Как интересно. Герцог, значит, на моей земле у барона.

– Но почему тогда не снял браслет?

– Забыл. Когда что-то постоянно носишь – забываешь об этом.

Рин с досадой взглянул на свои кольца. Видимо, тоже както раз забыл про них.

«Самое время угостить меня фландорским вином, – подумал Олли, – ну же!»

Но длинноволосый не внял мысленному приказу.

– Не уезжай пока из города, – сказал он, – ты можешь снять комнату в «Единороге», это почти у стен замка и там вполне прилично.

Значит, не только на пир не зовут, но и за стены гонят?

– Ты не можешь приказывать мне, – холодно ответил Олли, – к тому же барон д'Экраф хотел, чтобы я возвращался как можно скорее.

На самом деле ничего подобного барон не хотел. Да и вряд ли его вассал мог вернуться после вручения письма.

– И потом, – добавил Олли свой любимый аргумент, – де-

нег осталось только на обратную дорогу. Впритык.

– Да, – неожиданно согласился Рин, – приказывать не могу. Я прошу. Что касается денег – возьми, сколько необходимо.

Он махнул рукой куда-то за спину. Там, на маленьком столике, среди свитков и отточенных перьев, стояла шкатулка из резного дуба. Олли подошел и поднял крышку. Шкатулка до краев была полна серебра.

«На половину этого можно было бы полностью перестроить дом, – подумал он, – прикупить еще земли и коров, штук пять».

На коровах он сломался. Взял одну монету, посмотрел на нее, вздохнул и взял еще одну.

– Я задержусь на пару дней, не больше, – сказал он.

Рин кивнул.

Отлично поговорили! Хотя как может разговаривать герцогский выкормыш с неизвестно кем? Ну и ладно, нужно забирать Дымку.

… У «Единорога» Олли даже не остановился. Достаточно было увидеть на вывеске посеребренного тучного коня с рогом, чтобы иметь представление о здешних ценах.

Отправился в город, искать приют подешевле.

***

Олли вообще ничего не делал, валялся на кровати в за-

худалой гостинице, дважды в день спускался в общий зал, чтобы поесть. И с вожделением ждал следующее утро, когда уже можно было бы покинуть город. Дома неизвестно, что его ждет, но деваться все равно больше некуда.

Кто-то прошел по лестнице, а потом саданул дверью так, что задрожали стены и потолок.

Олли приподнялся на локте. И почему он не запер дверь на засов? Впрочем, теперь уже поздно.

На пороге комнаты возник Габриэль де Пейн, муж его сестры.

– Где она? – прошипел он.

– Кто?

– Твоя сестра!

– Ну, уж явно не здесь.

– А где? Где, если не у тебя?

Впрочем, в комнатке шесть на шесть шагов прятаться было негде. Разве что под кроватью. Под кровать де Пейн заглянул.

Олли нахмурился.

– Ты в своем уме? – поинтересовался он.

– Куда делась эта шлюха? – резко спросил барон.

Олли, не раздумывая, ударил его кулаком в лицо. Габриэль отшатнулся, прижимая ладонь к разбитым губам.

– О ком идет речь? – почти мирно уточнил Олли. – Кого ты тут потерял?

– Элейн, – прошептал барон, – я ищу Элейн.

– У меня?

– А где еще? Больше нигде ее нет.

– Плохо смотришь за своей женой.

– Да за ней как ни смотри, найдет способ удрать к очередным порткам.

Олли посмотрел, как сочится кровь у зятя сквозь пальцы, и подумал, не врезать ли ему еще раз.

– Она шлюха. Гулящая девка, – грустно констатировал де Пейн.

Олли это не понравилось.

– А… мои племянники? – уточнил он. На самом деле он хотел сказать «твои дети», но не стал.

– В мальчиках я уверен, особенно в старшем. А вот дочь не моя.

– Зачем ты это терпишь?

– А куда я ее дену?

– Куда обычно надоевших жен девают? Запри в монастырь.

Был, конечно, более простой и надежный способ, но Олли не стал его озвучивать, все-таки речь шла о его сестре.

Габриэль подошел к столу, стал жадно пить местное дрянное вино прямо из кувшина.

– Я люблю ее, – усмехнулся он разбитыми губами. И направился к двери. Потом на пороге оглянулся.

– Шенто желает видеть тебя, – сообщил он и ушел.

В замок его пустили без проблем, а вот длинноволосого

Рина пришлось ждать долго. Солнечный луч медленно полз по полу от одной стены к другой. Хорошо, что в маленькой комнатке была скамейка, обитая бархатом. Олли бы не отказался и от кубка вина, чтобы скрасить ожидание, но никто и не подумал об этом позаботиться.

У дверей стояла охрана и им было глубоко наплевать на ожидающего.

Олли долго думал, идти ли ему к Шенто. Вряд ли там ждало что-то хорошее, но проигнорировать приглашение было еще хуже. И еще, ему сейчас нужно искать сестру. Можно, конечно, все спихнуть на ее мужа, раз он позволял Элейн слишком много – сам во всем виноват. Но Олли был братом, хоть и младшим, и поэтому в ответе за сестру.

Он спустился из своей комнаты в общий зал трактира и спросил у хозяина что-нибудь более крепкое, чем его паршивое вино. Тот принес кружку непонятного напитка и почти робко поставил на стол деревянную тарелку со вчерашней черствой лепешкой, поджаренной на свином сале.

– У господина что-то случилось? – участливо спросил он. После визита де Пейна это был вполне законный вопрос.

Нет. Ничего.

Олли отпил сразу полкружки мутного напитка. И когда вновь обрел способность дышать, откусил лепешку. Она показалась невероятно вкусной.

Нужно искать сестру.

Нужно узнать хотя бы в городе она или нет.

Олли в городе никого не знал. И его никто не знал. Можно попробовать расспросить стражников на воротах, но те не станут отвечать – просто потому что их ежедневно достают бесчисленными вопросами. Вот если подкрепить вопрос парой монет, тогда был бы шанс. Но монет у Олли не было. И он в который раз пожалел, что не взял из графской шкатулки пару горстей серебра.

По всему выходило, что к Шенто идти придется.

Вот он и ждет теперь. День постепенно угасает, уступая место сумеркам.

Где-то совсем рядом прозвенел колокольчик, и следом за ним прозвучал женский смех. Или детский? Потом, спустя тысячелетие, грохот, будто уронили медный поднос. Стража у дверей напряглась, но тут же успокоилась. Потом кто-то протащил собачку, которая пару раз недовольно тявкнула.

Синие тени заполнили углы.

Олли уже надоело и сидеть, и стоять. Он прикидывал, не прилечь ли на эту чертову скамейку. Кто ему хоть слово скажет? Не эти же истуканы у двери.

Наконец появился Рин. Едва заметным кивком приказал следовать за собой.

Рин поджег лучину и стал зажигать свечи. Шесть великолепных белых восковых свечей.

– Вчера ко мне ворвался твой зять, – негромко заговорил длинноволосый, и в его голосе был хорошо сдерживаемый гнев, – он искал здесь свою жену. Потом он искал тебя. Я

отправил его в «Единорог». Оказалось, там о тебе даже не слышали. Почему?

– Там слишком дорого, – осторожно ответил Олли.

– Тебе же давали деньги.

На самом деле Олли бы не сунулся в «Единорога» даже в том случае, ели бы забрал все серебро из шкатулки. Что они там такого особенного могли предложить? А чистую постель и приемлемую еду он получил и в той халупе, где-то на задворках города. Хотя лепешка в сале в самом деле была хороша. Особенно хороша, потому что пока это была единственная еда за весь день.

– Каким образом Пейн нашел меня? – Олли постарался увести разговор от финансового вопроса.

– Я обратился к городской страже. Частным порядком.

– А можно к ним еще раз обратиться… частным порядком?

– Зачем?

– Чтобы узнать, в городе ли Элейн де Пейн.

– Меня не интересуют ваши семейные разборки.

Олли вздохнул, посмотрел на огонь ближайшей свечи. Он был удивительно ровным.

– Исчезновение моей сестры, – начал он, – вполне может быть связано с тем письмом.

– Пейн считает иначе.

– Пейн не в курсе происходящего.

– И какая может быть взаимосвязь?

– Д'Экраф угрожал моей сестре и матери, если я откажусь доставить послание.

– Ты же его доставил.

– Не его. Совсем другое.

– А леди де Форе? Твоя мать?

– Я думаю, она в безопасности. Барон не посмеет ее тронуть.

– Потому что она монахиня?

– Потому что он ее всегда любил. Он надеялся, что она станет баронессой. Но она предпочла его рыцаря, моего отца.

– Ты полагаешь, он не возненавидел ее после этого?

– Нет. Ее – нет. Только меня.

– Отчего же? А леди Элейн?

– Сестра похожа на отца. И ее вид не оскорблял господина барона. А я слишком похож на мать.

Рин кивнул без особого интереса.

– Д'Экраф тут не при чем. Он просто не успел бы узнать. Тем более что-то предпринять.

– Но герцог здесь.

– Герцог здесь, – согласился Рин.

Появился Прошка, будто специально дожидавшийся паузы в разговоре. Принес вино, сушеные фрукты и лимонные цукаты. Не еда, конечно, но лучше, чем ничего. Наполнил кубки.

Кубки были те же, из толстого тяжелого стекла. И Олли опять достался тот, который с застывшими пузырьками воз-

духа.

Вино и вкусом и цветом напоминало скошенную летнюю траву, когда она полежала на жарком сухом солнце и начала утрачивать свою изумрудную девственность.

А ведь до первого покоса еще предстояло дожить.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Рин.

– Узнать, в городе ли моя сестра. А если нет, через какие ворота ее вывезли.

– И куда повезли?

– Хорошо бы.

Это не слишком реально и слишком утомительно для длинноволосого. Олли уже ждал отказ. Пока ждал, попробовал цукаты. Они были сладко-горькие, идеально подходили к вину. Пока длинноволосый там что-то обдумывал, он поспешил еще раз наполнить свой кубок.

– Ты будешь в этом сарае со странным названием, или опять куда-то скроешься? – уточнил Рин.

– Сарай называется «Первое дело». И да, я буду там. Пока что.

– Будут новости, я пришлю за тобой. И возьми денег, черт тебя дери. Если вздумаешь кочевряжиться, прикажу затолкать монеты тебе в глотку.

Первый раз кто-то заставлял его взять деньги.

– Мне нечем отдавать. У меня нет ничего.

– Отслужишь.

***

Олли честно пытался заснуть в своей комнатушке. Временами это даже удавалось, но ненадолго.

Может, действительно все оставить Пейну, пусть сам разбирается со своей женой. Возможно, Элейн и правда отсутствует по своему желанию. Он же не знает. И не узнает, если будет и дальше отсиживаться в этой норе. Герцогу Айджелину нужно дать шанс донести до него информацию. Иначе какой смысл в похищении? Поутру нужно отправиться в замок. Рин будет в бешенстве.

А если герцог уже покинул Лавиньель и увез с собой Элейн? А если она уже мертва? Хотя, кому она нужна мертвая?

Олли закрыл глаза и изо всех сил пожелал уснуть.

А утром что-то изменилось. Зацвела черемуха и на землю опустился легкий звенящий холод. Грязь на улицах слегка примерзла. Но под тонкой коркой льда таились все те же городские нечистоты. Олли успел в этом убедиться, пробираясь по узким улочкам к герцогскому замку.

Но вначале он хотел выйти на главную площадь и купить медовую булочку с корицей. После жареных яиц с луком, которые он съел на завтрак, отчего-то хотелось сладкого.

И еще он думал, может не нужно искать неприятности и просто вернуться в свою комнату, и там подождать известий от Рина. Комната, хоть и в самой захудалой забегаловке, рас-

полагалась над кухней, и там было тепло вопреки всем черемухам.

И тут его окликнули. Кто-то бежал, совершенно не таясь, громко топая и пыхтя. Олли удивленно оглянулся. И тут же получил кулаком в лицо. Получилось безумно больно. Перед глазами тут же замелькали черные снежинки, а в ушах зазвенели колокольчики. Все же он успел перехватить чью-то руку, вывернуть ее, и даже, кажется, попал кому-то ребром ладони по горлу.

Его быстро сбили с ног и принялись пинать, но не со злобой, а так, по обязанности. Метили, в основном, в ребра. Но один удар пришелся по виску. Вскользь, по счастью. Но этого вполне хватило, чтобы отправить Олли в полную и вязкую темноту.

***

– Он хоть живой?

– Да конечно живой, господин. Смотрите, дышит!

– Тогда водой его окати.

– Может, не надо водой? Холодно же, окочурится еще.

– Да какая разница!

Олли не стал дожидаться, когда напавшие на него что-то предпримут, и открыл глаза. Ничего особенного он не увидел. Полутемное помещение и пара черных силуэтов. Единственный факел коптил и плевался искрами. Олли несколь-

ко раз моргнул, но зрение от этого не прояснилось.

– Эй, ты! – один из силуэтов толкнул его носком сапога. Несильно, просто чтобы обозначить свой интерес к пленнику. – Ты слышишь меня?

Поскольку пленник лежал на полу, кивать было бы просто глупо. Ответить тоже не получилось. Казалось, все лицо стянуло засохшей коркой крови. Но спрашивающего не очень интересовал ответ.

– Тебе что было приказано?

На самом деле приказаний не было, но понятно, о чем идет речь.

– Передать письмо, – едва шевеля губами, ответил Олли.

– А ты что сделал?

– Передал.

– Что? Что ты передал, тварь распоследняя?! – злобно зашипел силуэт, наклонившись над ним. Хищно блеснул зрачок желтого камня.

Олли молча рассмеялся.

– Письмо, – ответил он.

– Гадина белобрысая!

Спрашивающий пнул его, на этот раз изо всех сил. Попал по бедру, хотя метил в другое место. Все равно больно. Очень. Олли на всякий случай подтянул колени к животу, опасаясь следующего удара. Который последовал незамедлительно.

– Ваша св… господин! Вас ждут, наверное, пора уже ид-

ти, – кто-то отвлек герцога и очень вовремя.

– Да, – неожиданно согласился обладатель желтого камня, – действительно, пора идти. И так полдня потеряли.

– А с этим что делать?

– Да ничего, брось его здесь.

– А может его того… этого?

– Пусть пока поживет. Посмотрит, как за его глупость платят другие. Ты слышишь меня, белесый?

– Слышу.

Герцог что-то бросил ему, легкое, почти невесомое. Потом еще пару раз пнул, от души и со знанием дела. И они ушли.

Оставшись один, Олли с удовольствием провалился в темноту.

***

На него смотрели зеленые глаза с вертикальными зрачками. Олли крепко зажмурился, потом опять посмотрел. Глаза никуда не делись.

Судя по всему, он находился в подвале, валялся на земляном полу. Крошечное окошко пропускало тусклый свет, день стремительно катился к закату.

Зеленые глаза принадлежали кошке. Самой обычной серой кошке. Она сидела перед ним, аккуратно укрыв лапки хвостом, рядом валялась свежепойманная крыса.

Олли осторожно протянул руку и погладил полосатую спинку. Кошка довольно мурлыкнула. На самом деле он хорошо относился к кошкам, считая, что они пользы приносят больше, чем некоторые люди.

Сейчас бы выбраться из этого подвала, вернуться в «Первое дело», выпить горячего вина и съесть жаркого с перцем. Перца побольше, чтобы обжигать губы и горло. А потом спать. Долго, день или два. И чтобы ни одна сволочь не тревожила.

Так, нужно найти дверь. Она нашлась сразу, но оказалась безнадежно заперта. Олли хотел выбить ее плечом, но плечи тут же запротестовали, отозвавшись гудящей болью. Он сполз на пол, в сумерках оглядывая помещение. Может, что-то найдется, что можно использовать в качестве тарана? Но не было ничего. Пол, стены, окно для кошки. Все.

А если попробовать кричать?

Вряд ли это что-то даст, кроме сорванного голоса.

И еще, что там швырнул герцог на прощание?

Олли долго шарил по полу, наконец нашел женский платок с завернутой в него прядью волос. Невольно усмехнулся, представив, в каком бешенстве была Элейн, когда у нее попытались отрезать локон.

Кошка посмотрела на него с презрением, подхватила свою добычу, подпрыгнула и исчезла в сумерках. Растворилась. Растаяла.

– Господи Боже, – прошептал Олли и потер глаза. Потом

решил, что так не бывает. Заставил себя подняться с пола и пошел посмотреть.

Стена. Самая обычная.

А сверху, из пролома, на него смотрели зеленые глаза.

Потолок низкий. Вполне можно ухватиться за край пролома и подтянуться.

Все тело вознегодовало. Плечи сопротивлялись из последних сил.

Все же ему удалось затащить тело. Хорошо, что это никто не видел, кроме Зеленоглазки. А ее что стесняться?

Олли повалился на пол, на котором ничего не было, кроме пыли и мышиного дерьма. Он оказался на первом этаже дома. И дом этот, судя по всему, был давно заброшен.

Дверь заперта, забита досками снаружи. Ну разумеется. Зато ставни на окнах запирались изнутри. Открыть их не составило труда, если сравнить с заколоченной дверью.

Олли и кошка выбрались на улицу. Город утопал в холодных сумерках. Солнце уже закатилось, и на крыши домов вот-вот рухнет ночь.

Кошка начала умываться серой лапкой, внимательно поглядывая на человека.

– Ах, да! – Олли нашел бочку с дождевой водой и стал оттирать кровь из разбитого носа. Вода приятно холодила ладони.

Зеленоглазка фыркнула, подхватила мертвую крысу и исчезла в узком проходе между домами.

***

Хозяин «Первого дела» смотрел, как высокий светловолосый постоялец идет через зал деревянной походкой.

Ну что же, обычное дело. Он такое видел, и не раз. Ну шастал господин где не нужно, ну напали на него ребятки, ну кошелек отобрали. В данном случае это не страшно, поскольку этот дылда заплатил за несколько дней вперед. И потом, наверняка у него не последнее забрали. Наверняка еще есть. Один конь его стоит столько, что страшно представить.

– Эх, господин! – почти искренне воскликнул трактирщик. – На улице холод какой, не дай святые угодники, еще и снег пойдет! Вы, должно быть, продрогли. Весна-то в этом году какая! Можно сказать, и не весна вовсе.

Светловолосый остановился, медленно повернулся.

– Кажется, уже теплеет, – нехотя ответил он.

– Да и все равно! Садитесь к огню, согрейтесь. А я сейчас.

Возле камина уже сидели завсегдатаи, пили пиво и шумно играли в кости. Хозяин трактира их быстро прогнал, переселив куда-то в угол, и на их место усадил Олли. И почти сразу же поставил перед ним то огненное пойло, которым его потчевали вчера, и гуляш с таким количеством перца, что жарко стало и без камина.

Олли хотел отказаться. Его единственным желанием было добраться до кровати, лечь, и больше не шевелиться.

Еще он хотел горячую ванну, но за этим нужно было идти в «Единорога». В «Первом деле» это не светило.

С другой стороны, чем плоха еда, густая и пряная? Быстро все съесть и подняться в комнату. Но быстро не удалось. Все было так горячо и остро, что даже слезы на глазах выступали, и щипало губы.

Пока ел, думать ни о чем не хотелось. Он получил то, что хотел – информацию о сестре. Олли не ожидал, что все случится так быстро. Хотя чему удивляться? Если Габриэль де Пейн знал, где он живет, то и герцог знал. Оставалось только дождаться, когда жертва сама выберется из укрытия им навстречу. Что жертва и сделала.

Добровольно.

Утром его разбудил стук в дверь. Вернее, было похоже, что кто-то бьет в нее тараном, стараясь снести с петель.

Олли лежал и смотрел, как подпрыгивает засов от каждого удара.

– Оливер, какого черта! Открывай дверь!

Надо же, зятек явился. Только зачем? По всему выходило, что Олли до сих пор должен был сидеть в том холодном подвале. И велик шанс, что он бы там остался насовсем. Если бы не Зеленоглазка.

– Прекрати ломать дверь! Сейчас открою.

Тело отказалось подчиняться, отзываясь болью на каждое движение. Олли сполз с кровати, изо всех сил надеясь, что Габриэль не наблюдает за ним через какую-нибудь щелку.

– Чего тебе? – мрачно спросил он.

Но Пейну было глубоко наплевать на его гостеприимство. Он стремительно вошел, швырнул на кровать измятое вскрытое письмо.

– Тебе, от Шенто.

– Ты что, нанялся курьером?

– Читай, не тяни время.

Олли начал читать. Длинноволосый нашел, куда увезли сестру. Неизвестно, каким образом, но нашел. Интересно, кого он пытал? И еще интересно, как Олли сможет потом с ним расплатиться. Если вообще сможет.

– Ты знаешь, кто такой брат Адриан? – нетерпеливо спросил Пейн.

– Знаю.

– Ну так собирайся, поехали!

– Что значит, поехали? Что скажет твой герцог?

– Ничего не скажет. Он отбыл еще вчера.

Ага. Значит, немного попинал Олли, запер в подвале и отбыл.

– С тобой есть люди?

– Трое.

– И ты, разумеется, запасся провизией на два-три дня и все такое?

– Не морочь мне голову, собирайся немедленно!

– Хорошо. Пока я собираюсь, иди к трактирщику, возьми достаточно еды. Заодно скажи, чтобы седлали Дымку.

– Только не задерживайся!

Шаги Пейна загрохотали вниз по лестнице.

Олли попробовал сделать несколько махов руками и поворотов корпуса. Тут же скривился от боли. А ведь предстояло еще сесть в седло и провести в нем весь день. Хотя это потом. Для начала нужно спуститься по лестнице.

… Хозяин «Первого дела» был сильно собой доволен. Этот человек, что пришел за светловолосым постояльцем, взял кучу снеди и пару бурдюков вина. Расплатился щедро и не глядя. Вот что значит немного сочувствия вовремя и горячая похлебка!

***

Барон Габриэль де Пейн был рыцарем до мозга костей. Он прекрасно владел оружием, не раз побеждал на турнирах. Но Олли представить не мог, что тот будет тихо красться в ночи, чтобы перерезать горло дозорному.

Если придется брать штурмом какое-то укрепление, тут он незаменим. А разведка не для него.

По счастью, люди и лошади устали. И Олли, хоть и с трудом, удалось уговорить Пейна остаться у церкви отца Адриана, пообещав, что утром тот первым пойдет с оружием в руках освобождать свою любимую женушку.

Ночь выдалась холодной, ясной. Путь от отца Адриана до лесного домика, который указал в письме граф де Шенто,

занял пару часов. Лес был хвойный, ноги мягко пружинили на опавших иголках. И когда появилась обещанная поляна и дом, залитый лунным светом, Олли понадеялся, что подобраться ему удалось незаметно и бесшумно. Почти.

Здесь должны быть дозорные. И первый из них скоро попался под ноги.

Только ствол сосны спас Олли от падения, – зашипев сквозь зубы от досады, он посмотрел, обо что споткнулся.

Просто человек, мертвый. С перерезанным горлом. Вернее, нет – с перегрызенным горлом. И еще кусок плоти вырван из плеча. Видимо, кто-то решил слегка перекусить, и этот кто-то был не волк, не собака. Ну и не человек, конечно.

Очень хотелось верить, что не человек.

Следующий труп лежал на поляне перед домом. Только на этот раз был выеден живот, и гроздь кишок, как связка сырых колбасок, валялась на земле.

Разумнее всего было убраться назад к отцу Адриану, под защиту Всевышнего, и, заодно, зятя и его людей. Но в этом доме должна быть его сестра. Пусть и нелюбимая, заносчивая и вредная. Главное, чтобы живая.

Безмерно глупо соваться сейчас туда одному.

Безмерно глупо.

Олли подошел к дому и толкнул дверь. Она оказалась незаперта. Петли были хорошо смазаны, открылась почти без звука. Он подождал – ничего не произошло.

Входить не стоило, но он вошел.

В помещении слабо теплился очаг, а рядом с ним лежала скрюченная фигура человека, будто спящего. Во всяком случае мирное посапывание говорило о том, что сон не вечный. Спит? Не потрудившись запереться?

Олли изо всех сил шарахнул дверью. Человек у очага подскочил, растерянно потирая глаза.

– Что случилось? Иден, это ты? Совсем сдурел?

Этому чуду было лет восемнадцать, не больше. А может и меньше.

– Ты не Иден, – удивленно сказал юнец.

– Нет.

– А где он?

– Видимо, во дворе.

– А.

Убивать такое наивное создание грех. Олли тяжело вздохнул.

– Где женщина?

– Наверху.

– Одна?

– Берт ее стережет.

– Хорошо, пойду, посмотрю.

– А это…

– Дверь запри,– бросил Олли через плечо, поднимаясь по скрипучей лестнице.

Перила были плохо отшлифованы, и он сильно опасался посадить занозу. Еще он сильно опасался, что придется сей-

час биться с охранником, а позиция его явно не выигрышная. Но в коридоре никого не оказалось. Хорошо стережет, раз не снаружи, а внутри.

Эта дверь тоже была не заперта. Изумительная беспечность посреди темного леса, в котором бродят вараки.

Первое, что он увидел, войдя в комнату, мускулистая мужская спина, на которую бросал блики масляный светильник, и белые женские ноги, воздетые к потолку. Звуки не оставляли сомнения, что сестра довольна своей охраной. Бедняга Габриэль будет воспитывать еще одного ублюдка.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он.

Мужчина тут же скатился с кровати, схватил меч. Элейн взвизгнула, сделала слабую попытку прикрыться одеялом. Потом опознала вошедшего.

– Олли? Какого черта?!

И швырнула в брата подушкой. Олли поймал ее.

– Вообще-то, пришел спасать тебя.

– Кто тебя просил лезть?

– Муж твой.

– Габриэль? Где он?

– Кто это? – мрачно спросил охранник, так и стоя с мечем наготове, совершенно обнаженный.

– Я ее брат.

– Младший! – возмущенно крикнула Элейн.

– Младший, – согласился Олли и передал мужчине подушку. Тот машинально взял ее.

– Как ты сюда вошел?

– Где Габриэль?

– Одевайтесь, – вздохнул Олли, – внизу ждет много неприятностей. Пейна здесь нет. Я оставил его возле церкви дожидаться моего возвращения.

– Неприятности? Что с Франсуа?

– Франсуа это тот ребенок? Тогда с ним все хорошо. Элейн, тебе помочь одеться?

– Элейн, хочешь, я убью его?

– Нет, Берт. Было бы неплохо, но он действительно мой брат.

Берт угрюмо вздохнул, положил меч и подушку на кровать и взял штаны.

– Что там внизу? – спросил он.

– Увидишь, когда спустишься.

– Но Франсуа ты не трогал?

– Да я вообще никого не трогал. Их еще до меня тронули.

– Как ты не вовремя! – посетовала Элейн и потянулась за нижней рубахой.

***

Юный Франсуа так и сидел у затухающего очага. Дверь запереть он не потрудился. Совершенно бесполезное создание.

Берт вышел во двор, залитый лунным светом, и склонился

над телом.

– Иден?

Олли остался на пороге. Смотреть второй раз на выпотрошенное тело желания не было. В обманном ночном свете казалось, будто у мертвеца свело судорогой пальцы.

– Возвращайся, – позвал он, и голос прозвучал более напряженно, чем хотелось бы.

– Это ты его? – Берт повернул голову.

– По-твоему, у меня такие зубы?

– Пожалуй, нет. А где Жан?

– Там, в лесу, еще один такой же.

– Пойду, посмотрю.

– Утром посмотришь. Возвращайся.

Неожиданно тот послушался. Собственноручно задвинул засов на двери.

– Полагаешь, это кто?

– Здесь где-то рядом гнездо вараков.

– Фу, дьявол! Только этих тварей и не хватало. Франсуа, хватит спать! Подбрось дров в огонь. У нас есть запас? До утра хватит?

– Может и хватит, – не слишком радостно отозвался юноша, – а может и нет. Лучше в сарай сходить, еще принести.

– Никто никуда не пойдет. Растянем то, что есть. В крайнем случае скамью спалим.

– Берт? Олли? Что происходит?

Это царственно спустилась вниз сестрица.

– Ничего, – ответил Олли.

– Скоро узнаем, – ответил Берт.

– И сколько нам нужно продержаться?

– До утра, для начала.

– Олли, проверь, заперты ли ставни, – скомандовала Элейн, – Берт, у нас есть вода?

– Есть немного.

И сразу стало понятно, кто будет править в лесном домике до рассвета. Олли от души пожалел своего зятя и порадовался, что вовремя спихнул на чужие руки эдакое счастье.

– Ты уверен, что это вараки? – спросил Берт.

– А кто? Кабан, медведь?

Что-то стукнуло в стену дома. Легко, будто ветка дерева под порывом ветра. Только возле дома не было деревьев.

– Может, белка? – предположил Франсуа.

– Белки ночью спят.

– Бешеная белка.

– Тогда ее тоже стоит опасаться.

Шелест вдоль стены. Берт метнулся к двери, проверил засов. В это момент дверь содрогнулась от удара.

– Кто там такой резвый? – крикнул Берт, хватаясь за меч.

– Иден. Пусти.

Голос несомненно принадлежал человеку. Когда-то.

Элейн прикрыла рот ладонью, но не издала ни звука.

– Твое дежурство еще не закончилось.

– Пусти.

– Жан где?

– Пусти!

– Иди к черту, Иден!

– Пусти!!!

Дверь опять задрожала под ударами.

– Дверь крепкая, выдержит. Засов тоже. Но вот петли…

– Думаешь, может снести? – спросил Олли, просто чтобы спросить. Стоять молча, когда в десятке шагов от тебя беснуется мертвец, было свыше всяких сил.

– Не дай бог, сейчас еще Жан появится. Вдвоем точно снесут.

– И что тогда делать? – подозрительно дрожащим голосом спросил Франсуа.

– Будем отступать наверх.

– Их можно убить?

– Можно. Если отрубить голову.

– И что? Иден тогда умрет?

– Он уже мертв.

– Он же вон за дверью! Живой!

– Это ты пока живой. Так что сиди и не дергайся.

– Может, мальчику дать вина? – предложила Элейн.

– У нас есть вино?

– А разве нет?

В дверь перестали биться, зато что-то происходило у окна. Будто кто-то пытался всунуть ветку между ставнями, чтобы поднять засов.

– Я думала, мертвецы совсем глупые, – заметила Элейн.

– Жан никогда глупым не был.

– Почему Жан?

– Потому что Иден до сих пор стоит под дверью. Сквозь щели видно.

Относительно Идена Олли интересовало только одно – он свои кишки подобрал, или они за ним так и волочатся?

– Их же всего двое. Можно пойти, порубить, да и дело с концом, – предложил Берт.

– Идена порубить? – всхлипнул Франсуа.

Элейн все-таки налила ему полный стакан вина, и он успел благополучно выпить половину.

– А если не двое? Если там еще кто-то есть? – возразил Олли.

– Кто, например? Древние захоронения поднялись? Или что? Сейчас даже не полнолуние.

– Вараки.

– Да откуда бы им тут взяться? Кто их видел вообще? Говорят, тут одичавшие собаки есть, но людей они сторонятся. Лично вот ты вараков видел?

Олли хотел сказать, что да, видел. Что те самые собаки и есть нечисть, но вовремя передумал. О подарке берегини посторонним знать не нужно.

– Здесь должны быть Охотники, которые пришли уничтожить гнездо тварей.

– А это откуда известно?

– Местный священник сказал.

Берт что–то там буркнул, скорее всего выругался. И ударом ножа обрубил ветку, которая ковырялась в ставнях.

– Ну так пусть Охотники приходят и разбираются с этим вот.

– Может, придут. Но утром.

– А до утра еще дожить не мешало бы.

– Нас сожрут? – спросил Франсуа.

– Непременно.

– Я посмотрю, что там снаружи.

– Посмотри, если так интересно.

На самом деле Олли действительно было интересно. Когда он увидел трупы в лесу – это были обычные трупы. Выпотрошенные, да, но совершенно обычные. Ничто не предвещало, что они оживут. И он надеялся, что удастся разглядеть то, что каким-то образом позволит продержаться до утра и спасти сестру. Которая, как ни бодрилась, была перепугана не меньше юного Франсуа.

Хотя, все они были перепуганы.

И даже Берт.

И даже он сам.

Олли не собирался проявлять чудеса героизма. Просто посмотреть с крыльца и тут же вернуться под защиту стен, дверей и замков.

Деревья, окружающие поляну, высились вокруг черным непроницаемым забором.

Ни Идена, ни Жана не было видно. Вокруг самая обычная ночь, с шорохами и звуками. Но никаких намеков на воскресших мертвецов.

Ушли?

Вот просто так взяли и ушли?

Олли шагнул со ступеней, внимательно оглядываясь. За его спиной захлопнулась дверь, грохнул засов.

Олли вздрогнул и оглянулся.

И тут сверху, с козырька крыльца на него обрушилось тело. Мертвец. И, судя по путающимся кишкам, это был Иден. Почему-то он казался неимоверно тяжелым. При жизни точно столько не весил.

Олли попытался скинуть его, но тот намотал свои внутренности ему на горло, и теперь неторопливо тянул, не обращая внимания на нож, которым Олли пытался отбиться.

Олли бил в лицо, в шею и руки. Но какое значение это имело для того, кто и так мертв? Даже крови не было, не то что боли. Плоть просто расступалась под клинком.

Зато он успел увидеть, как человеческий, вполне круглый череп, начал вытягиваться, образуя зубастую псовую пасть.

Не это ли он хотел увидеть? Как сожранный человек превращается в варака. Они так размножаются? Значит, каждый варак был человеком?

Дышать становилось все труднее. Сознание начинало затухать.

И тут посыпались искры. Целый каскад. Некоторые попа-

ли на кожу, и Олли вскрикнул от неожиданности. Мертвец тоже взвыл, шарахнулся, едва окончательно не задушив своего противника.

Олли успел из последних сил перерезать скользкие путы и откатиться в сторону.

– Что разлегся? – Элейн держала в руках горящее полено. – Иди в дом быстрее.

– Кто тебя только выпустил, – просипел Олли, потирая горло.

– Кто бы меня остановил? – удивилась сестра.

Бедный Берт! Досталась же ему пленница!

– Ну что, доволен? – мрачно усмехнулся Берт. – Увидел, что хотел?

– Увидел. С рассветом нужно уходить.

Да, уходить нужно в любом случае. Либо мертвецы уползут в тень, не успев переродиться, и тогда дорога свободна. Либо они превратятся окончательно в вараков, и возьмут дом штурмом. Их когти и гибкие лапы способны открывать замки даже лучше человеческих пальцев. И если к ним присоединятся другие из гнезда… Тогда придется прорубаться сквозь них, но хоть какой-то шанс остается.

Если бы точно знать, что в округе только двое этих, не до конца перерожденных, и больше никого. Тогда уходить бы прямо сейчас.

Если бы точно знать.

Олли сел за стол, сложил руки на столешнице и опустил

на них голову.

– Хочешь вина? – с сестринской заботой спросила Элейн. – Еще немного осталось.

От вина он отказался.

***

Едва завидев шпиль церкви, Берт и Франсуа предпочли тихо исчезнуть. Вернее, не совсем тихо. Прощальный поцелуй тюремщика и несчастной жертвы был слишком… слишком. Еще чуть-чуть, и они бы начали срывать одежды друг с друга.

Олли отвернулся. Пусть разбирается Габриэль, а его это не касается.

Радостное воссоединение жены и мужа его тоже не интересовало. Ночь в обществе оживших мертвецов сильно измотала.

Ступени церкви заливал солнечный свет. И камень, вытертый за долгие годы обувью прихожан, манил теплом и покоем. Олли опустился на ступени и лишь на минуту прикрыл глаза.

Сквозь закрытые веки солнечные лучи казались красными, с радужной каймой. Потом они куда-то исчезли, и возникла привычная чернота. Она уже давно не пугала, но хотелось знать, кого она скрывает. Или что. Кто тянет руку из сердца пустоты. И что нужно этой сволочи?

Олли вздрогнул и открыл глаза. Рядом сидел отец Адриан. Совсем еще не старый, в черной сутане.

– Я не хотел испугать, – сказал он, – но если вам необходим сон, может лучше перебраться в комнату?

– Разве я спал? – удивился Олли. – Где все?

Не было никого. Ни сестры, ни Пейна, ни его свиты. Люди и лошади будто растворились в прозрачном воздухе. Зато вольно пели птицы. Так старательно и громко, что он поморщился.

– Все отбыли.

– Вот как. Даже не попрощались.

– Господин барон хотел было, но благородная леди не позволила вас будить.

Сестричка решила свалить по тихому. Понятно. Стало немного обидно. Совсем чуть-чуть.

– Мне тоже пора.

Олли отыскал взглядом Дымку, который мирно щипал одуванчики.

– Скажите, святой отец, а как дети, которых мы привозили не так давно? Мальчик и девочка. Их семью вырезали вараки.

– По счастью, с детьми все хорошо. Их забрал дед, который в ту роковую ночь был в соседнем селе.

– И слава богу.

– Воистину.

– А Охотники уже здесь?

– Должны бы быть. Но у меня пока не появлялись.

– Поеду я.

– У меня есть свежие лепешки, пшеничная каша с диким чесноком и крапивой, и горячий яблочный отвар. Может, разделите со мной трапезу?

Есть и правда хотелось. Каша не слишком вдохновляла, но вот свежий хлеб и отвар были бы кстати.

– Спасибо, святой отец. С благодарностью разделю с вами пищу.

***

Уже несколько часов его преследовали двое.

Вернее, не так.

Той же дорогой, в значительном отдалении ехали два всадника. Дорога общая, так что в этом не было ничего необычного. К тому же они не стремились сократить дистанцию. Но все равно Олли это не нравилось.

Потом дорога начала спускаться с холма к реке, и на какое-то время Олли стал невидим для тех двоих. Он повернул Дымку и пустил галопом через поле. Понадобилось всего пара минут, чтобы скрыться в подлеске.

Олли осадил коня и стал ждать. Нежеланные попутчики должны были появиться вот-вот. Но их все не было.

Он подождал еще. Они давно должны были спуститься к мосту, но все не появлялись. Это было плохо. Очень. Хотя,

может они остановились перекусить, и ничего в этом нет?

Можно было по кромке леса подняться опять на холм и посмотреть, что происходит.

А можно пойти вверх по течению и перейти реку вброд. Придется сделать большой крюк, но этот вариант казался более безопасным.

Олли погнал коня вдоль реки широкой рысью. Он, конечно, торопился, но не хотел слишком горячить Дымку перед купанием в холодной воде. Человека он не задумываясь загнал бы в реку. Но коня жалко.

Его нагнали достаточно быстро – потому что преследователи своих коней не щадили. Олли пришпорил Дымку, но это уже не помогло.

Теперь, когда они были близко, вполне можно было узнать Берта и его юного никчемного спутника.

Берт решил убить того, кто помешал выполнить приказ герцога? Или отомстить за прерванную ночь любви? Или что? Но живым Олли ему явно был неинтересен. Он уже пытался скормить его мертвецу, да Элейн помешала. Противоречить Элейн не может никто.

И вот теперь Олли узнал, для чего же нужен малыш Франсуа. На полном скаку он достал лук и наложил стрелу.

Первая едва не задела Дымку. И это его напугало – даже больше, чем возможность самому заполучить стрелу.

Олли пригнулся к самой шее коня, но это не помогло. Что-то толкнуло в спину, под правую лопатку. Он упал вперед,

почти ткнулся губами в жесткую гриву. И тут Дымка влетел в лес, грудью сминая подлесок.

Стволы деревьев замелькали перед глазами, и всадник предпочел довериться коню. Сейчас от его участия было больше вреда, чем пользы.

Показалось, что он ушел от погони. Ветки деревьев задевали торчащую из спины стрелу. Олли попытался дотянуться до нее. Вытащить не получилось, но это и к лучшему. Зато удалось обломать древко, это потребовало колоссальных усилий.

Неподалеку послышался шум и треск, будто кто-то продирался сквозь заросли. Может, кабан. Может, Берт. И то, и другое плохо. Олли опять послал Дымку вперед.

Было холодно. Олли не знал, на самом ли деле так, или ему кажется. Во рту постоянно ощущался вкус крови, наверное, было задето легкое. Дышать пока получалось, хоть и приходилось прилагать усилия. Деревья вокруг стояли все плотнее. Светлый лиственный лес сменился мрачным ельником.

Олли нашел небольшой мшистый пригорок, сухой и мягкий на вид. Двигаться куда-то еще не имело смысла, да и сил не было. Хотелось лечь здесь и закрыть глаза. Почему бы и нет. Здесь, или где-нибудь еще, какая разница. Только нужно позаботиться о Дымке.

Он спешился, расседлал коня. Бросил на мох плащ. Потом вспомнил, что в седельной сумке были сухари. Пальцы плохо слушались, но все же удалось расстегнуть пряжку.

Он высыпал сухари на землю, Дымка немедленно потянулся к ним.

Олли провел ладонью по изогнутой шее.

– Все, мой красивый. Доедай и постарайся выбраться к людям.

Теперь только спать. Олли кашлянул, сплюнул ярко-алым. Красивый цвет.

Стараясь дышать коротко и неглубоко, лег и укрылся краем плаща. Ткань давила на обломок стрелы. Но это было не важно. Все было не важно.

Олли закрыл глаза.

***

Была осень, и его быстро завалило опавшими листьями. Желтыми и багряными. И зелеными, но с коричневой сухой каймой по краю.

– Еще один сожранный?

– Сча посмотрим.

– Что там смотреть? Отрубай ему башку и все дела.

Какие, к черту, листья? Он засыпал на мху под сосной. И до сих пор спит.

– Ай!

– Ты чего?

– Да этот серый не подпускает.

– Ты что, первый раз конягу видишь? Дай ему по морде, всех дел-то.

– Он мне пальцы откусит.

– Значит бешеная скотина. Пристрелить его.

– Жалко! Смотри, какой красавец.

– Красавец-то да. А что там со жмуриком?

– Ничего. Дышит.

– Уже перерождается?

– Не. Смотри, человек. Стрела в спине.

– Ну, повезло, значит. Человеком помрет, не тварью поганой. Пошли.

– Подожди.

– Чего ждать-то?

– А не тот ли это белобрысый, что у нас недавно был? С этим, с графом его на дороге прихватили. Годвин привел.

– Да, ну и что? Подбирай сумки и пошли.

– Подожди.

– Да что ждать-то?

– Смотри, у него на шее подарок от Регины.

– Быть того не может.

– Сам посмотри.

– Черт, сволочь четвероногая! Да не буду я его пока убивать. Уйди!

– Что делать-то станем?

– Придется к Регине тащить. Она просто так подарками не разбрасывается.

– Да как его тащить? Он вот-вот откинется.

– Может, пару веток срубить, волокуши сделать?

– Какие волокуши? Там дальше по тропе и ногами-то не пройти.

– Ну, значит давай серого ловить. Пусть хозяина тащит.

– Он тебе голову оторвет.

– Ничего, не оторвет. Эй ты, тварь, стой! Если будешь куражиться, твой хозяин тут и сдохнет. Я его на себе не попру. Давай, стой смирно. Бурый, уздечку подай.

– А седло?

– Сча. И седло, и сумки. Не здесь же оставлять. Теперь давай осторожно тело закинем.

– Может, стрелу вытащить?

– Нет уж. Этим пусть Регина занимается, если захочет. Давай, за ноги его бери.

Олли почувствовал, как его куда-то тащат с мягкого ложа. Подняли, потом бросили. Он ударился обо что-то грудью, возможно, это было седло, и благополучно потерял сознание.

***

Было душно и жарко. Одуряюще пахло сушеным клевером. Олли попытался укрыться от запаха.

– Тихо, – кто-то погладил его по голове, – все хорошо.

Скоро станет легче. Гораздо легче. Потерпи.

Олли сомневался, что хоть когда-нибудь при каждом вздохе грудь перестанет жечь тупой болью. Но прикосновение чьих-то пальцев, смутно знакомое, было приятно. Насколько вообще можно ощущать что-то приятное, горя в неспешном сине-зеленом огне.

Солнечные лучи, проходя сквозь туман, становились молочно-белыми и нежными.

Олли лежал на боку и смотрел на окно, которое никто не озаботился закрыть ставнями. Спереди и сзади его подпирали подушки, не позволяя повернуться. Губы пересохли и напоминали терку.

Хотелось пить.

Хотелось кричать.

Хотелось просто дышать.

Олли неожиданно осознал, что жив. И, возможно, будет жить дальше. И молочный солнечный луч чуть щекочет его щеку.

Где-то пели птицы и квохтали куры, заголосил запоздавший петух. Лениво гавкнула собака, кто-то зазвенел ведром. Обычные звуки обычной жизни. Засыпая в лесу, он уже простился со всем этим. Навсегда.

Послышались легкие шаги. Прохладная ладонь легла на лоб.

– Очнулся? – голос звучал удивленно.

– Ну уж прости, – Олли даже сумел улыбнуться, хотя

улыбка выглядела жалко.

– Знаешь где ты?

– Я знаю, что ты Регина.

– Значит, ты и правда очнулся. Хочешь пить или есть?

– И есть, и пить.

Из «пить» он получил горький отвар трав. А из «есть» чашку слабого бульона с размоченным в нем хлебным мякишем.

Встать смог через день. И то только с помощью болотной берегини.

«Это я должен был носить тебя на руках, – думал Олли, почти касаясь губами каштановых кудрей, – я, а не ты».

Ему удалось добраться до ошкуренного липового ствола, что лежал у стены дома и изображал скамью. Здесь можно было сидеть и наслаждаться солнечным светом, а заодно погружаться в осознание своей беспомощности.

– Эй, это ты!

– Нет, – огрызнулся Олли, – не я.

– Да не, вроде ты, – человек, потревоживший его, выглядел слегка озадаченным, – мы тебя из леса притащили со стрелой в спине. Ты что, живой?

– Тебе кажется.

– С тобой еще Серый был, животина злобная.

– Дымка?

– Не знаю. Мы его Серым кличем.

– Он где?

– Да здесь. Я чего подошел-то, – местный житель посмотрел с сомнением, – ты ходить-то можешь?

– Могу, наверное.

– Тогда пойди, скажи своей скотине, чтобы ел уже. А то ведь сдохнет. Жалко.

Олли поднялся слишком поспешно. Его повело в сторону, в глазах потемнело. Человек перехватил его руку, закинул себе на плечо.

– Да ты не суетись. Подыши пока, подыши. Сча полегчает и дойдем потихоньку. Тут недалече совсем.

– Все нормально со мной.

– Ну и славно. Давай еще чуть погодим и пойдем. Меня, кстати, Броном зовут.

– Уже нормально, пошли.

Они сделали с десяток шагов.

– Брон!

– Что? Отдохнуть надо?

– Спасибо, что подобрали в лесу.

– Да что такого-то. Мы ж не звери. К тому ж ты бывал у нас уже, так что считай не чужой. Постоим?

– Нет, пошли.

Дымка неподвижно стоял среди загона. Грива и хвост спутаны, бока запали.

– Совсем не жрет, – вздохнул Брон, – и никого к себе не подпускает.

– Дымка! – позвал Олли, навалившись на брусья ограды.

Конь вскинул голову, недоверчиво повел ушами, раздул ноздри, стараясь уловить знакомый запах. Он сделал неуверенный шаг, потом подлетел, едва не снеся грудью ограду, ткнулся носом в ладони, шумно дыша.

– Все хорошо, – тихо прошептал Олли, гладя пыльную шкуру, – все хорошо.

Брон сунул ему в руку кусок лепешки. Олли разломал его пополам и предложил коню. Тот съел ее так быстро, будто ничего и не было. Потом вздохнул, положил голову на плечо хозяину и прикрыл глаза. Олли слегка пошатнулся под тяжестью.

– Давай ты перестанешь изображать траур и начнешь есть, – сказал он коню, – я живой. И людей к себе подпусти, а то стал похож на деревенскую клячу. Смотреть больно.

– И что, он послушает? – засомневался местный житель.

– Послушает. Он умный.

– Бешеный он, а не умный.

– Я, пожалуй, пойду.

– Подожди, провожу.

– Обойдусь.

– Чтоб мне потом Регина голову оторвала? Стой! Держись давай. Пошли теперь помаленьку.

***

– Судя по этой ночи, ты уже полностью здоров.

Регина закрутила в узел каштановые кудри.

Олли смотрел, как узкий луч солнца, пробившийся сквозь ставни, ложится на ее плечо. Реплика берегини его не обрадовала. Раз здоров, значит должен уходить. Больше нечего делать в этом болотном селении, и так задержался.

Он провел пальцем по бархатной коже на спине девушки.

– Ты что?

– Поедешь со мной?

– Куда?

Действительно, куда? Что он может предложить? Старый дом и клочок земли?

Регина потянулась за платьем.

– Не могу. Я нужна здесь. Наверное, уже приросла к этому месту, – сказала она, – но ты бы мог остаться.

Остаться среди разбойников, в этом странном месте, рядом с женщиной. Желанной. Но кто сказал, что она будет принадлежать только ему? Кто он такой, чтобы единолично претендовать на берегиню?

К тому же у него свои обязательства. Даже если никто его уже не ждет. Даже если считают погибшим.

И Мила должна была уже родить. Нужно отвезти ей денег и взглянуть на ребенка. Хорошо бы это был мальчик. От девочек одни расходы.

Олли вздохнул.

– Не останешься, – Регина улыбнулась.

Он поднялся с постели, тоже начал одеваться. Движения

были более резкими, чем хотелось. Тебя нашли, тебя спасли, о каком сожалении тут может идти речь? А то, что не хочешь оставлять маленькую женщину, исключительно твои проблемы.

– Но можешь задержаться еще немного, – предложила она.

– Ради чего?

– Ради пары ночей хотя бы.

Олли перестал возиться со шнурком рубашки.

– Да, – согласился он, – ради этого стоит задержаться.

– Я сегодня иду в лес. Нужно собрать кошачьи лапки (лекарственное растение). Пойдешь со мной?

– Это далеко?

– Неблизко.

– Пойдем за лапками. Да хоть за шишками, мне без разницы.

Пока Олли пытался прийти в себя после ранения, уже наступил июнь. Горячее солнце, пропитавшее кору деревьев, высокая трава, звон стрекоз и кузнечиков. Регина шла впереди, и ее зеленое платье почти терялось среди яркой листвы. Она наклонилась, что-то сорвала, протянула ему.

– Земляника. Уже созрела.

Олли оглянулся. На небольшой лесной поляне было много ягод, но, в основном, еще белые и зеленые. Пришлось потратить время, чтобы собрать горсть спелой земляники. И он понес их девушке, гордясь своей добычей.

Регина успела уйти вперед. И, когда он ее догнал, рядом с ней был мужчина. На одну руку он намотал волосы берегини, а другой держал нож у ее горла.

– Эй, ты! – окликнул его человек, и в его голосе Олли послышалось облегчение, – я Охотник! Иди сюда и помоги мне справиться с ведьмой.

Ах, ну да. В этом лесу должны быть Охотники. И, разумеется, они уверены, что могут приказывать любому.

– Чего стоишь? – крикнул Охотник.– Помоги же мне!

Олли с сожалением посмотрел на землянику, закинул ее себе в рот. Шагнул вперед.

Охотник собирался что-то сказать, но не успел. Нож вошел ему под ребра, безошибочно найдя сердце. Олли придержал тело, пока Регина выпутывала волосы.

– Ты убил его? – изумилась она.

Он пожал плечами.

– Никогда не слышала, чтобы кто-то смел поднять руку на Охотника.

– Да чем они лучше всех остальных?

– Что теперь делать? Если найдут его тело, соратники не успокоятся, пока не отомстят. Вдруг наткнуться на деревню?

– Значит, тело они не найдут.

– Куда ты его денешь? Закопаешь? Кабанам скормишь?

– В болоте утоплю. Что может быть проще?

– Ох!

Он взвалил тело на плечо.

– Показывай дорогу.

По дороге Олли оставил на колючем кусту волос Охотника, потом надломил ветку.

– Зачем ты это делаешь? Указываешь дорогу?

– Ну да. Шел парень, шел, ни о чем таком не думал. Забрел на зеленую полянку. Кто ж знал, что это трясина?

– А если они догадаются?

– Если он пропадет бесследно, это будет еще подозрительнее. Мы пришли?

– Пришли. Осторожнее! Смотри, топь почти под ногами.

– Правда. Легко не заметить.

Олли постарался забросить тело подальше. Несколько томительных мгновений оно лежало на безмятежной зеленой траве. Потом со стоном стало медленно тонуть.

– Он жив? – забеспокоился Олли. Как бы безразлично он не относился к чужой жизни, топить в болоте еще живого человека было слегка слишком.

– Нет, это болотник приветствует добычу.

Скоро на месте бездонной могилы трава вновь была девственно-безмятежной.

– Пошли отсюда, – прошептала Регина, зябко передернув плечами.

***

– Э-э-э, как бы. Сеньор, это вы?

Олли с сожалением отвлекся от мясной похлебки и посмотрел на крестьянина, топтавшегося у стола.

– Нет, не я.

– Но, как бы, это. Жан я. По соседству с Милой у меня дом.

– Я помню тебя, Жан. Что ты хотел?

– Родила она.

– Мила?

– Ну да. Сказали, что вы, сеньор, вроде как и не вернетесь. Злые люди вас извели. Так она как узнала, так той же ночью и разрешилась.

– Кого?

– Парня. Такой крикливый. В общем, сын у вас, сеньор, вроде бы как.

– А сама она?

– Кто?

– Мила!

– А что ей? Девка молодая, цветущая. Вот ужо радости ей будет прям, когда вы, сеньор, возвернетесь.

– Точно. Сплошная радость.

Крестьянин расплылся в улыбке, продолжая переминаться с ноги на ногу, явно что-то ожидая. Понятно что.

Олли мысленно чертыхнулся и протянул ему монету. Медную. Хватит с него.

– Ну вот, счастья вам, сеньор, как бы всего хорошего.

– И тебе того же, Жан.

Олли обмакнул кусок лепешки в похлебку. Значит, сын. Сын – это хорошо.

На фоне бледно-голубого июньского неба из-за ромашек поле казалось белым. Оно простиралось до горизонта и напоминало облако, случайно прилегшее отдохнуть на землю.

Олли захотелось набрать цветов. Конечно, Миле больше понравится графское серебро, а букет отправится на корм скотине. Он все это прекрасно понимал, но все равно захотел нарвать ромашек. Пожалуй, он слегка увлекся, и в итоге набрал целую охапку белых цветов.

Дымка решил, что это угощение для него, и Олли едва удалось отбиться, закрываясь локтями.

Так они и шли. Олли, неся двумя руками ромашки, а за ним серый конь, который так и норовил отщипнуть цветок-другой.

Дом был уже рядом. Перейти через мост, подняться на холм и затем спуститься с него.

Сын сейчас совсем кроха. Похож на туго запеленатую гусеничку. Интересно, какие у него глаза, нос, уши, волосы. Хотя, волос, наверное, еще нет. И он пищит все время. А когда спит, кривит маленький рот.

Дымка опять потянулся через плечо к букету. Потом резко шарахнулся в сторону, ударился боком о перила.

Олли потерял целое мгновение, пока смотрел на коня. И еще одно драгоценное мгновение на то, как уносит река ромашки.

С двух концов моста к нему шли люди. И он был один посередине.

***

Тишина не была абсолютной. Где-то что-то скреблось. Слышался звон, будто железом задели о железо. Кто-то заорал, но быстро затих. Невнятный звук голосов.

Олли открыл глаза. Низкий потолок, каменные стены. Вместо одной из них решетка, сквозь прутья пробивается слабый отсвет факелов. Почти не сыро. И не холодно. Почти.

Большая охапка сена, не свежего, но и не гнилого. Понятно, что подвал. Скорее всего баронский – вряд ли он кого-то еще мог заинтересовать.

Жаль букет ромашек, который уплыл вниз по реке. Думать об этом глупо.

Скорее всего, о его появлении предупредил Жан. Интересно, от барона он получил такую же медную монету или больше? Хотя два медяка всегда лучше, чем один.

Трудно дышать, будто горло сдавил тугой воротник.

Олли поднял руку. Пальцы нащупали стальной ошейник, запертый на обычный болт. Ошейник крепился короткой цепью к стене. Десять звеньев хоть и давали некоторую возможность для маневра, но не лечь, ни встать не позволяли.

Наверное, все могло быть и хуже. Сейчас он немного отдохнет и ослабит болт. Дышать станет легче. Остальное не

так и важно.

***

– Ублюдок недоделанный! Нужно было тебя еще в детстве придушить.

Олли открыл глаза. Над ним возвышался барон д'Экраф. Из-за низкого потолка он сутулился и пригибал голову. Выглядело это смешно.

– Что скалишься, отродье? Ожерелье слишком свободное?

Барон дернул ошейник. Несколько долгих мгновений Олли совсем не мог дышать. И первый вдох после этого рывка был болезненный, будто он не воздух проталкивал сквозь горло, а горячую смолу.

– Задание было простейшим. Доставить письмо. Что сложного? Любой крестьянин бы справился. Но отродье Форе даже тут сумел все испоганить. Дерьмо! Ничтожество! Бедная Элинор!

Барон с досадой плюнул и вышел. Было слышно как он орет стражникам:

– Воду и еду приносить этому не забывайте. И не дай бог, он сдохнет раньше времени! Поплатитесь тогда за свою лень.

***

Олли было четыре года, или около того. Он ехал с отцом через поле и видел перед собой рыжую гриву Огонька. Они ездили в соседнюю деревню и теперь возвращались домой. Торопились, чтобы успеть до самой жары.

Олли хотел спать. Его разбудили рано, когда день только открывал глаза на востоке. Но он очень, очень хотел ехать с отцом. Поэтому проснулся легко и даже съел несколько ложек ненавистной пшеничной каши.

Рядом, почти у самой щеки прожужжал шмель, обдав ветерком. А потом что-то толкнуло отца в спину. И еще Огонек споткнулся, припал на ногу, с усилием выпрямился, сделал еще несколько шагов.

Сильные руки отца подхватили его и швырнули в высокую рожь, в сторону от дороги. Олли свернулся в комок и затих. Что происходило на дороге, он не видел. Смотрел только на василек, который раскачивался перед его носом.

Колосья раздвинулись, и рука в перчатке схватила его за горло, приподняв над землей. Воздух куда-то делся. Олли пытался дотянуться до земли, чтобы обрести опору и дыхание, но земля пропала, и ноги болтались в пустоте.

– Ладно, живи, детеныш. Может, пригодишься еще.

Рука разжалась, и Олли рухнул на землю. Долго смотрел на василек, а потом ползком стал пробираться к дороге.

Отец был там. И Огонек тоже. Они лежали на твердой, высушенной солнцем земле, и из них торчали стрелы, как острые осиные жала.

Их нашли под вечер. Маленький Оливер спал, прижавшись к боку мертвого отца.

Он все это забыл. И вспомнил только сейчас, в баронском подвале.

Элинор была как зимний луч солнца, светлая и неуловимая. Ее любили двое – барон д'Экраф и его рыцарь де Форе. Элинор предпочла рыцаря и старый дом баронскому замку. Д'Экраф смирился. Во всяком случае, сделал вид, что смирился.

Первой у Элинор родилась дочь. Темно-русая и голубоглазая, вся в отца. А потом на свет появился Олли. Тот же бледный солнечный луч. Светловолосый, сероглазый, точная копия матери. И этого барон уже не смог вынести.

Из-за этого был убит отец. Из-за этого мать ушла в монастырь. Из-за этого он сейчас сидит в подвале в ошейнике.

***

Зоря в первый месяц лета занимается еще глухой ночью. Рин отправился в путь, когда небо на востоке только начало окрашиваться золотистым светом. В итоге к полудню его мучили жажда и голод, а его огненно-рыжая Ласточка от пота и пыли стала почти гнедой. Пришлось остановиться в первом попавшемся придорожном трактире.

Там, на утоптанном, как камень, дворе стоял серый конь с черной гривой. Уши его были прижаты к голове, на пле-

че нервно пульсировала жилка. Шкура покрыта рубцами от ударов плетью. Что-то знакомое было в этом затравленном красавце.

– Дымка? – удивленно позвал Рин и шагнул вперед.

– Осторожно! – кто-то попытался схватить его за рукав, но Рин движением плеча с досадой сбросил чужие пальцы. – Этот серый черт вам руку откусит!

Конь бешеными глазами посмотрел на него, втянул ноздрями воздух и, признав не столько человека, сколько Ласточку, уткнулся носом в ладони Рина и замер.

– Где его хозяин? – спросил Рин.

– Я его хозяин, – ответил чернобородый господин средних лет.

– Нет.

– Я честно заплатил за эту тварь, – нахмурился чернобородый, – он принадлежит мне.

– Могу я спросить, уважаемый, где вы его взяли?

– Конечно. В трактире «Заколдованный принц». Хозяин утверждал, что коня оставил постоялец, у которого не было денег расплатиться за ночлег и еду.

– Вот как!

В то, что у Оливера опять нет денег, можно было еще поверить. Но то, что он оставил Дымку – никогда.

– Хороший же конь. Красавец! Жаль, что ему один путь – на живодерню. Деньги впустую потрачены.

– Не переживайте, – Рин осторожно потрепал черную гри-

ву, – я выкуплю его по хорошей цене. Так, говорите, хозяин «Синей лягушки» продал его вам?

***

Олли сорвал ногти, но проклятый болт так и не удалось ослабить. Спину сводили судороги от постоянной близости холодного камня и невозможности изменить позу.

Крысы, разумеется, здесь были. Свободно бегали по камере и коридору, иногда попадаясь под ноги стражам. Но к нему не приближались. Наверное, на нем было благословение Зеленоглазки. Жаль, что там, в городе, он не принес ей жирную курицу.

Приносили еду. Жидкую похлебку, иногда даже теплую. С ней не возникало проблем. Но чаще из еды были черствые лепешки – тогда каждый кусочек приходилось долго держать во рту, чтобы он размяк и свободно прошел в стиснутое горло. Одной такой лепешки хватало на целый день. Впрочем, торопиться было некуда.

Из развлечений тут были посещения барона. Когда он появлялся и с грохотом проводил ключом по решетке, от Олли требовалось повернуть голову в его сторону и открыть глаза. В этом случае барон ограничивался несколькими ругательствами и благополучно уходил. Если же, не дай бог, проигнорировать его появление, д'Экраф входил в камеру и дергал за ошейник, добиваясь внимания пленника.

И еще – Олли больше не снились кошмары. Ему снилась Регина на земляничной поляне. Смуглое тело в лучах летнего солнца. Он изо всех сил надеялся, что однажды не проснется в таком сне, и это делало его почти счастливым.

***

Рин посмотрел на вывеску с синей лягушкой в короне. Корону художник, за неимением золотой краски, изобразил охрой. Потом перевел взгляд на хозяина трактира.

– Так где, говоришь, ты взял этого серого?

Трактирщик нервно скомкал полотенце. Ему сильно хотелось позвать своих сыновей с дубинками. Но этого длинноволосого окружало полдюжины наемников. Таких двумя дубинками не прошибешь.

– Постоялец оставил, сиятельный господин. Денег у него не было, так он коня в залог оставил. Только он овес жрет так, что никакими силами не прокормишь. Вот и пришлось продать, хоть и себе в убыток.

– Дин, – обратился длинноволосый к одному из наемников, – ты можешь поджечь этот сарай?

– Да без проблем! – ответил тот и начал рыться в поясной сумке в поисках кресала.

– Не надо! Зачем жечь? Я же всю правду, ничего не утаю!

– Говори.

– Да нашли этого серого, чтоб черти его забрали! Бродил у

реки. Мои мальчики его подобрали на всякий случай. Вдруг хозяин отыщется? Конь-то хорош собой, дорого стоит.

– Где у реки?

– Ну, вот по этой дороге ехать вперед, там потом мост будет. По правую руку поле. Вот в том поле мои сыночки коня и заприметили. И, чтоб не пропала животина, сюда привели.

– Земля барона д'Экрафа? – спросил Дин.

– Именно. Как раз граница по реке. Едем. У меня к барону все равно несколько вопросов имеется.

– А как же я, сиятельный господин? – подал голос трактирщик в надежде на монету-другую.

– А ты живи пока, – милостиво разрешил длинноволосый и повел своих людей к мосту.

– Я пойду с вами, – сказал Дин.

Рин смерил взглядом одноухого наемника.

– Я пойду один. Трое будут ждать во дворе. И оставь троих за воротами на всякий случай. Мало ли что д'Экрафу в голову взбредет.

– Думаете, посмеет?

– С перепугу может и посмеет.

– Не лучше ли пойти с вами?

– Нет.

Барон появился далеко не сразу. Чтобы скрасить ожидание высокого гостя, слуга принес вино и миндальное печенье. Но к ним Рин даже не прикоснулся, хотя вино обещало быть совсем неплохим.

Наконец явился д'Экраф. В своей насмешливой манере потянулся к руке графа, но Рин отступил на шаг.

– Обойдемся без этого, – сказал он, – у меня мало времени и всего один вопрос.

– Я слушаю, ваше сиятельство, – изобразил покорность барон.

– Где вы взяли человека, который так замечательно подделал мою печать?

***

Над Олли было небо. Бесконечное.

Он подумал, что опять в своем полусне-полубреду вернулся на земляничную поляну. Но там, во сне, небо было голубое, в легкой пене белых облаков. А сейчас оно серое, наглухо затянутое тучами. Ни единого солнечного луча.

Откуда-то доносится скрип телеги и топот конских копыт.

И еще. Он неожиданно осознал, что больше не сидит, привалившись к ненавистной стене, а лежит на чем-то мягком. Пальцы сжались, прихватив край ткани и клок сена.

– Проснулся наконец-то.

Олли медленно повернул голову. Увидел графа де Шенто на его огненной Ласточке. Ветер играл его волосами, и графа это раздражало.

Олли потянулся к горлу и не нашел ошейника. Глубоко вздохнул. Воздух наполнил грудь и тут же заставил содрог-

нуться в кашле.

– Не дергайся, – предупредил Рин, – ты живой. С тобой все хорошо. Вернее, будет хорошо, если подождешь.

Он не в подвале? И не спит? Это не бред? Кто-то искал его? Искал и нашел?

– Я не искал тебя, – усмехнулся Рин, – даже не думал. Просто случайно наткнулся на твоего Дымку.

Дымка, который пытался жрать ромашки, и которого он последний раз видел на том чертовом мосту.

– Где он?

Голос был совсем тихий и хриплый. Но Олли удивился, что вообще может говорить.

– Голос вернется, – кивнул граф,– со временем. Кричать ты, конечно, уже не сможешь. Но тебе и незачем кричать. Так?

– Наверное.

– Посмотри влево.

Олли повернул голову. Рядом с телегой на которой его везли, шел серый конь. И если бывает у лошадей счастливая морда, то у Дымки сейчас была именно такая.

– Я могу забрать тебя от барона, – продолжал Рин, – но только тебя. Земля и дом останутся в его владении.

– Да и черт с ними.

Олли долго смотрел в серое небо, которое наливалось грозовой синевой.

– Я убью д'Экрафа, – прошептал он.

– Не сейчас. Год или два придется подождать, пока немного подрастет его сын. В идеале за это время хорошо бы появиться еще одному ребенку. Потом убивай. Я не стану возражать. Он мне тоже надоел.

На горизонте полыхнула молния.

– Дин, успеем до дождя?

– Да совсем скоро эта синяя лягушка будет. То-то хозяин обрадуется.

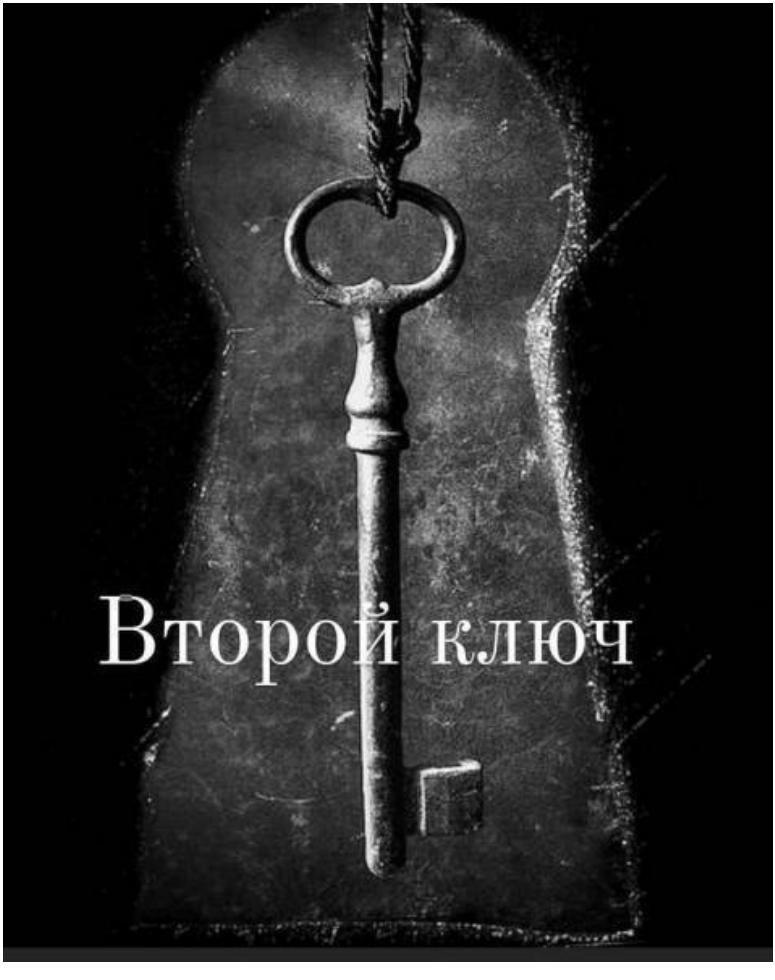
– На ужин кроме бульона ничего не получишь, – предупредил Рин.

Олли усмехнулся. Бульон его не пугал.

Он подумал, что нужно будет наведаться в Лавиньель и принести Зеленоглазке целую корзину свежей рыбы.

И еще, что у него есть шанс снова увидеть Регину.

Не во сне.


Второй ключ

Второй ключ (цикл "Комендант Холодной Башни)

На самом деле Дину не было никакого дела, что кого-то убивают в чистом поле. У него достаточно своих проблем, чтобы еще и в чужие вмешиваться. Поэтому он просто затаился в кустах и наблюдал, как один пытается отбиться от троих.

Судя по всему, с двумя бы тот справился. Справился бы и с тремя, если бы мог обезопасить спину. Но в поле это было проблематично. Правда, его конь, великолепный караковый жеребец, старательно прикрывал хозяина.

«Чудная выучка», – подумал Дин, причем одновременно и о животном, и о человеке.

«Если уж на то пошло, – прикинул он, – я бы сперва избавился от животины, а потом легко бы добрался до хозяина».

Один из трех подумал об этом же. Удар меча рассек атласную шкуру. На черном фоне засверкали рубиновые капли. Нападающий отскочил в сторону, пытаясь увлечь за собой коня. Но тот, несмотря на свою ярость, остался на месте, прикрывая хозяина.

Следующий удар будет в горло, и великолепной животине придет конец. Точно так же, как и человеку. Но до человека Дину дела не было, а вот коня жалко.

Он рванул из кустов, с шумом и треском отвлекая на себя внимание, давая краткую передышку незнакомцу, а потом уже ввязался в бой.

Опытному наемнику вот это все вообще как детский лепет. С разбегу рубанул одному по ребрам. Обратным движением меча почти снес плечо другому. Третьего, разумеется, легко добил неизвестный. Выдернул меч из тела поверженного врага и повернулся к Дину, готовый сразиться и с ним. Только вряд ли бы это у него получилось. Он дышал тяжело и держал легкий меч двумя руками.

С десяток ударов сердца они смотрели друг на друга. Потом Дин заулыбался, хотя его улыбка больше походила на кривой оскал, убрал оружие и показал пустые ладони.

– Мне до вас дела нет, – произнес он, – мне только коня было жалко.

Незнакомец перевел дыхание. Невысокий, стройный. Серые глаза, бледные тонкие губы, длинные темные волосы до середины спины. Несмотря на внешний вид, он оказался не такой уж легкой добычей.

Длинноволосый посмотрел на Дина, будто не видя, подошел к своему караковому, попытался расстегнуть седельную сумку. Правая рука почти не слушалась.

Дин отстранил его, расстегнул пряжку.

– Вы ранены, ваша милость? – спросил он.

Длинноволосый скривился, будто хлебнул уксуса.

– Нет.

Он достал из сумки какую-то банку, зачерпнул мазь и стал замазывать рану на плече коня. Конь нервно дернулся.

Длинноволосый потрепал его по шее и стал дуть на рану, как дуют детям на ободранную коленку. Глупо, конечно, но животина успокоилась.

Так, значит, «ваша милость» тебе не нравится. А кто тогда? На принца явно не тянешь. Если судить по одежде, то недалеко от самого Дина ушел. Но длинные волосы, красавец конь и меч? Явно из благородных. Но не высоких. «Ваша милость» должна была польстить, незачем кривить морду.

– Я ухожу, – сообщил Дин.

Тот обернулся.

– Мое имя Рин.

Последовала долгая пауза.

– Дин. Меня зовут Дин.

– Спасибо за помощь, Дин.

Длинноволосый собрался убрать банку с мазью. Пряжка опять не поддавалась.

Дин нахмурился.

– Вы все-таки ранены.

– Нет. Просто старая травма напоминает о себе в самый неподходящий момент.

– Что делать с теми, кто нападал? Двое из них еще живы.

– Делай, что хочешь. Можешь добить, можешь так бросить.

– А… гхм… военная добыча вас не интересует?

– Нет. Если что найдешь, оставь себе.

– Деньги? Оружие?

– К черту иди.

– Как желаете.

– Если вдруг найдешь какие-нибудь бумаги, я хочу их видеть.

Бумаг, разумеется, никаких не нашлось. Но денег оказалось не так уж и мало. Во всяком случае, для Дина.

– Хотите поделить? – хмуро спросил он, взвешивая добычу на ладонях.

– Не хочу.

Рин повел коня в поводу. Тот хромал. Было заметно, что ему больно идти.

Как и хозяину.

Дин мысленно застонал. Вот черт его дернул вмешаться. Что теперь с ними делать?

– Тут недалеко есть трактир, – проговорил он сквозь зубы, – можно будет отдохнуть, пока не станет легче кому-нибудь из вас. Моя лошадь объедает кусты вон там. Довезет двоих. Я заплачу за постой, если нужно.

И получил в ответ от длинноволосого кривую усмешку.

– Буду благодарен, если ты меня проводишь.

***

Трактир оказался тем еще гадюшником. На вывеске кра-

совался меч, на который, как на шомпол, была нанизана куриная тушка. Так что его и прозвали «Курицей». Хотя, говорят, изначально трактир звался «Приют счастливчиков». В нем собирались наемники, такие, как Дин, крестьяне, что помельче, и вольные работники с лесных дорог.

Распрекрасный господин Рин вполне подходил для здешнего общества. Ровно до тех пор, пока хозяин заведения не водрузил на стол перед ними две кружки пива. Пиво, кстати, было неплохим. С пышной пеной и терпким вкусом.

Рин даже отшатнулся.

– Стоять! – рявкнул он в спину уходящему трактирщику. Тот от неожиданности даже подскочил.

– Принеси вина и мяса, – холодно и ровно произнес Рин, – вино, которое можно пить, и мясо, которое можно есть. Не огорчай меня. Я сегодня сильно устал.

– Эй, Динарий! – позвали из дальнего угла.

– Пойди к дьяволу, Самюэль! Меня зовут Дин, и ты это прекрасно знаешь.

На самом деле его и в правду звали Динарий. Дурацкое имя дал ему папашка, наслушавшийся баек о Крестовых походах. С этим нужно было как-то жить, поэтому Динарий превратился в Дина. И он терпеть не мог, когда об этом напоминали.

– Да без разницы, – ответили из угла.

– Самюэль, ты вроде сейчас без работы сидишь?

– А ты вроде у Гонзона нынче?

– Так и есть.

– Тот, что рядом с тобой, точно не Гонзон.

– Тебе-то что за печаль?

– Явно твой любовничек.

– Самюэль, это только ты интересуешься мальчиками.

– Я-то интересуюсь мальчиками, а ты, смотрю, кого постарше выбрал.

Поднялся шум и гогот. В это время трактирщик шлепнул на стол глиняное щербатое блюдо с жареной курицей и кувшин вина. Рин налил себе полную кружку, отпил сразу почти половину и удовлетворенно вздохнул.

Дин уткнулся в свое пиво.

– Я прошу прощения за Самюэля. На самом деле он неплохой парень. Просто без работы давно сидит, вот и бесится.

– Да ну и черт с ним, – отозвался Рин, – я хотел бы нанять тебя. Всего на сутки. Нужно, чтобы кто-нибудь проводил меня до Лавиньеля.

– Вы же слышали, у меня контракт. Пока он не закончится, я не могу заключать новый. Пусть даже на несколько часов.

– Жаль.

– Почему бы вам не нанять Самюэля?

– Как-нибудь обойдусь без него.

Дин покосился на курицу, от которой сейчас его спутник вдумчиво отламывал ножку. Прикинул свои финансо-

вые возможности.

– На самом деле мне тоже завтра нужно ехать по той дороге. Не до самого города, но тем не менее полпути я бы мог, скажем, быть вашим попутчиком. Если вы сейчас оплатите мой ужин, этого будет вполне достаточно в качестве… благодарности. Еще могу спать у двери, если есть такая необходимость.

– Такая необходимость есть, – согласился длинноволосый, – можешь взять на ужин что хочешь и сколько хочешь.

Комната была такой же убогой, как и все заведение. Из мебели здесь присутствовали только кровать и табурет, на котором горела свеча. Окно плотно закрыто ставнями, на двери внушительный засов. Осмотрев окно и дверь, Дин остался доволен.

Рин стянул сапоги и куртку. Долго пытался улечься на жестком тюфяке так, чтобы не тревожить плечо. Дин завернулся в одеяло и улегся под дверью.

«Лишь бы крысы не шастали, – подумал он, – а так еще неизвестно кому удобнее. Мне ли на полу или тому сэру на кровати. Но что поделаешь. Благородная кровь, пускай мучается».

Полной тишины, разумеется, тут не было и быть не могло. Трещали полы, кто-то куда-то ходил, хлопала дверь. В общем зале орали песни. Один раз, кажется, дошло до мордобоя. Но эти звуки были привычными и уютными.

Что не скажешь о тихом царапанье, которое появилось

ближе к рассвету. Будто кто-то скребся в дверь. Тихо, на грани слышимости.

Рин спал. Так и должно быть.

Дин выпутался из одеяла и встал у стены.

Между дверью и косяком пронырнуло лезвие ножа, стараясь подцепить засов. Потребовались не меньше пяти попыток, чтобы это удалось.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить человека. Тот гибкой тенью скользнул в комнату, сливаясь с темнотой. Дин не стал разбираться кто это и зачем. Просто саданул тому кулаком в висок. Тень рухнула на пол.

– Какого хрена? – поинтересовался Рин и мгновенно проснулся.

– Окажите любезность, зажгите свечу.

Когда появился свет, удалось опознать незваного гостя. Оказалось, это весельчак из темного угла Самюэль.

– Значит, нашел работу, – равнодушно заметил длинноволосый, – Дин, свяжи его и рот заткни. Иначе начнет шуметь раньше времени.

– А дальше что?

– Ждем, когда очнется. Вот что мешало прийти попозже? Могли бы еще поспать.

Очнулся Самюэль довольно скоро. Заворочался на полу, попытался что-то мычать сквозь кляп.

– Не трепыхайся, – обронил Рин, стараясь подавить зевок, – мне совсем неинтересно, что ты скажешь. Убивать я

тебя не стану.

Самюэль затих.

– Убивать не стану. Понимаю, работа такая. Но наказать – накажу. Дин, распори рукав на его куртке, так, чтобы выше локтя.

– Может, не портить хорошую вещь? – засомневался Дин. – А просто снять?

– Сними. Без разницы.

Пока Дин расстегивал крючки и стаскивал с плеч пленника одежду, Рин переставил свечу на пол и ножом отколол от табуретки большую щепку. Затем вытянул шнур из своей рубашки.

– Вы собираетесь его пытать? – заволновался наемник.

– Зачем? – удивился длинноволосый. – Он не скажет ничего нового. Но вот без руки останется.

– Но…

– Его рука не стоит моей жизни. Когда он шел сюда, на что рассчитывал?

– На хорошую оплату, на что же еще.

Рин присел рядом с пленником, накинул шнурок немного выше локтя, продел щепку в петлю и начал закручивать.

– Смотри, – сказал он, – кровь перестала поступать к твоим пальцам. Совсем скоро рука онемеет. А к тому моменту, как тебя найдут, она уже будет мертвой. Единственное, что останется, это отрубить ее. Но это уже не моя печаль. Что?

Резким движением он выдернул кляп изо рта Самюэля.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сквозь кашель взмолился тот, – не надо!

– Почему нет?

– Я скажу все, что пожелаете.

– Ничего не желаю. Итак ясно, что человек, нанявший тебя, сейчас здесь. И он один, иначе бы не стал связываться с наемником. Ты знаешь его имя? Причину? Дальнейшие планы?

– Нет. Нет.

– Для меня ты бесполезен. Дин, давай спать, пара часов у нас еще есть.

– А с ним что? – мрачно осведомился наемник.

– Ничего. Опять заткнуть рот и затолкать под кровать, чтоб не мешался.

– Он сдохнет.

– Необязательно.

– Без руки он в любом случае сдохнет.

– Дин, – вдруг зло проговорил длинноволосый, – как поступают с наемником во время войны, если тот попадает в плен? Разве не отрубают руку? Правую.

После этого тишина длилась утомительно долго. Даже Самюэль перестал всхлипывать.

Рин резко наклонился, высвободил уже побагровевшую плоть, отшвырнул шнурок в угол.

– Все. Все довольны и счастливы. Заткни ему рот, и давай хоть немного еще поспим. С ним все будет хорошо.

***

Сюрприз поджидал их утром. Они спускались по узкой лестнице, что вела со второго этажа в зал, Рин шел первым.

– Если хочешь, чтобы все было сделано хорошо, сделай это сам, – с иронией произнес некий господин и стал подниматься им навстречу, на ходу обнажая клинок. Длинноволосого и незнакомца разделяло лишь несколько ступеней.

– Скажи мне, почему? – Рин остался спокойным, будто это не его сейчас будут убивать. Пальцы на перильцах даже не дрогнули.

Дин находился за его спиной и пока не видел возможности что-либо сделать.

– Почему бы и не сказать? Ты – второй ключ от сердца герцога Лавиньельского. Не будет тебя, и все станет гораздо проще.

– Мешаю?

– Занимаешь место, которое могло бы принадлежать другому. С большей пользой.

– С большей пользой для вашей семьи?

Рин разглядывал кольцо с гербом на руке, которая сжимала рукоятку клинка.

– Ну, разумеется! – рассмеялся незнакомец.

«Нужно что-то делать, – в панике подумал Дин, – прямо сейчас. Через мгновение будет поздно».

Если бы он был впереди, вопросов бы не возникло – просто сбросить врага с лестницы. Для начала. Но между ними стоит длинноволосый. Какого черта он поперся вперед? Если… Если он отклонится влево и вниз…

Дин схватил его за волосы и рванул в сторону, одновременно целясь кулаком в лицо незнакомцу. Рин легко поддался движению, будто этот трюк они выполняли уже не единожды.

Все трое с жутким грохотом слетели со ступеней в зал. Незнакомец, кажется, был ошеломлен падением и несправедливостью жизни. Пока он бестолково и суетливо пытался подняться на ноги, подоспел Дин и несколькими ударами отправил его смотреть сны.

На шум никто не отреагировал. В конце концов с этой лестницы кто-то слетает по нескольку раз за сутки. Дело обычное. Главное, чтобы никто башку не разбил и пол не испачкал.

Риан склонился над поверженным врагом, снял с его пальца кольцо с гербом и убрал в кошелек.

– Кажется, мы остались без завтрака, – разочарованно сказал он.

– С этим что делать? – нахмурился Дин.

– Хорошо бы с собой забрать, но нет такой возможности. Оттащи его в комнату, пусть там полежит, компанию Самюэлю составит. Я пока насчет лошадей распоряжусь.

Утро было морозным и звонким, а воздух легок и прозра-

чен, как стекло, и резал легкие своими осколками. Дин давно проехал свой поворот, но боялся оставить длинноволосого одного на дороге. Хотя чего бояться? Они знакомы меньше суток. И ему даже не платят за услуги телохранителя.

Вскоре показался город – огромный серый призрак на фоне бледно-голубого предзимнего неба.

– Все, – произнес Рин, останавливая каракового, – я скоро буду в пределах видимости. Если что, стража на стенах прикроет.

– А если нет? – нахмурился Дин. – Я могу проводить до ворот.

На самом деле не мог – время, выделенное на отлучку, стремительно истекало. А Гонзон – не тот человек, который простит лишний час. Сразу начнет начислять штрафы и припоминать все былые прегрешения.

– А если нет, им же хуже. Слышал же, я второй ключ.

– И что это значит?

– Это значит, что герцог растил меня с восьми лет. Я его воспитанник.

– Что-то мне кажется, что имелось в виду другое.

Выражение лица длинноволосого Дину не понравилось. Но это явно относилось к тому типу, что остался валяться в «Курице» на грязном полу.

– Некоторые считают, что меня вполне можно заменить молодой смазливой мордашкой, – согласился Рин.

– А первый ключ тогда кто?

– Сын герцога, разумеется.

– Ладно, – кивнул наемник, разворачивая лошадь, – всего хорошего.

– Когда закончится твой контракт? – окликнул его Рин.

– Через пять недель.

– Когда будешь свободен, найди графа де Шенто. У меня будет для тебя работа.

– Кто такой граф де Шенто?

– Я.

Теперь понятно, отчего длинноволосого так кривило от «вашей милости».

– Ладно, ваше сиятельство, там видно будет.

– Не забудь.

– Угу. Не забуду.

Он пришпорил свою Красотку и поспешил обратно.

– Давай, моя девочка, срежем путь через поле. Земля подмерзла, для твоих копыт в самый раз. Это хреновое сиятельство завтра уже и не вспомнит о моем существовании. Поэтому нужно поторопиться, пока этот хренов Гонзон не начал вопить, как припадочный. Работа у него тихая и мирная, не то, что рядом с этим длинноволосым. Давай, Красотка, поторопись.

Мороз, державшийся последние три дня, отступил. Небо затянули серые тучи, и повалил снег. Пухлые хлопья щекотали щеки и нос, скрадывали звуки, приглушали внимание. Поэтому всадников, двигавшихся навстречу, Дин заме-

тил слишком поздно, чтобы что-либо предпринимать. Они бы так и проехали мимо друг друга, не слишком довольные встречей, и на этом бы все закончилось.

– Я тебя знаю, – неожиданно зло сказал один из них, – ты был там!

Дин повернул голову.

Там – это где? Точно, в «Курице». Это его он спустил с лестницы, вмазав кулаком в челюсть. Значит, сейчас все будет плохо. Их четверо и отступать нет возможности. Только если лес за спиной. Но деревья слишком частые, и снег глубокий. Красотка не вывезет.

– Слезай с лошади!

Дин повиновался. Меч остался у седла.

Итак, четверо.

Тот, что из «Курицы», остался в седле, остальные спешились. Стоят с боков. Спина пока открыта. Пока есть шанс уйти под защиту деревьев, но, скорее всего, этого от него и ждут.

Дин поразглядывал дорогу под ногами, потом нехотя перевел взгляд на всадника.

– А надо было тебя, сэр, там прирезать. Пока его сиятельство не видел, – задумчиво сказал он.

Дин был быстр. Но и незнакомец из «Курицы» не уступал. Все произошло одновременно.

Дин рванулся вперед и вверх, ухватил всадника за пояс и стащил его с седла. Незнакомец, издав удивленный возглас,

успел рвануть меч из ножен и нанести рубящий удар.

Клинок прошел сверху вниз, содрал кожу с головы, отсек часть уха и задел плечо. Дин швырнул всадника под ноги тем, что слева. Тот, что справа, чуть замешкался, и это дало Дину время подобрать меч поверженного врага.

Кровь заливала лицо. Ничего, так уже бывало. Ничего.

Тот, что слева, оказался легкой добычей. Высокий, крупный. Наверное, сильный. Но неповоротливый. Дин успел уйти от удара, нырнул ему за спину, воспользовался как живым щитом. Собственно, с ним и поступили как со щитом. Он принял на себя удар оставшихся товарищей, начал заваливаться им под ноги, пытаясь ухватиться за плечо собрата. Тот злобно выругался, отпихнув от себя тело.

А Дин в пару прыжков ушел с дороги в лес. Теперь стволы деревьев сильно затруднят работу мечом. И ему. И им.

Он даже успел подхватить пригоршню снега и протереть лицо. Помогло, но ненадолго.

Итак, двое.

И еще тот, оглушенный падением с лошади, начинает приходить в себя. Нужно действовать быстрее.

Снежинки в воздухе таяли от горячего рваного дыхания. Противная морось. Или это кровь? Чужая.

Один упал с прорубленной шеей, зато другой успел дотянуться до Дина мечом. Самым кончиком, но все-таки порвал бок.

– Орин! – заорал окончательно пришедший в себя незна-

комец. – Немедленно ко мне!

Значит ли это, что его не будут добивать?

Противники медленно отступили друг от друга, держа оружие наготове.

– Быстрее, Орин!

Орин, конечно, поторопился. Но спиной повернулся только когда оказался на дороге.

Они поймали лошадей и скрылись за снежной пеленой, бросив мертвые тела.

Дин разжал пальцы. Чужой меч выскользнул из ладони.

Кажется, он жив. Все еще жив.

Но, кажется, это ненадолго.

Не хотелось подыхать в этой свалке. Отойти на десять шагов у него еще хватит сил. А потом еще на десять. В принципе, если постараться и ни о чем не думать, можно добраться до конца леса. Но это не принципиально. Насколько хватит сил. Просто не думать. Просто переставлять ноги.

Как странно, дорога поворачивает и виден замок. Высоченные стены, не перепрыгнуть, не перелететь. Шпили на башнях. Вот где обитает длинноволосое сиятельство.

Дойти или лучше здесь остаться? Раз уж так получилось, то можно попробовать дойти.

– Что тебе здесь нужно? – спросил молодой стражник, выставив вперед алебарду.

– Господин граф меня ждет.

– Его сиятельство господин граф не ждет никаких обо-

рванцев.

– Ну и ладно.

Дин и не рассчитывал, что его пустят. Теперь осталось только выбрать, где лучше подохнуть. Прямо здесь, перед воротами или отойти к стене.

У стены снег. Нет, холодно. Значит у ворот.

Дин закрыл глаза. Больше не нужно ничего делать. Можно наконец-то отдохнуть. Мрак, обступивший его, был теплый и мягкий, как бархат.

Он очнулся во дворе замка. Рядом топтались стражники – и сам сиятельство тоже здесь.

– Ты зачем притащил сюда свое ухо? Думаешь, его можно пришить?

Дин разжал кулак. Действительно, все это время он зачем-то тащил свой обрубок.

– Ваше сиятельство, вы сказали найти вас через пять недель. Я нашел.

Сам не зная почему, Дин заулыбался. Улыбка дико смотрелась на его окровавленном лице.

– На твое лечение уйдет больше, чем ты в состоянии заработать.

– Ага.

Дин вдруг уверился, что теперь в его жизни все хорошо, хотя только что с этой самой жизнью уже простился. Стражники подхватили его под руки и куда-то потащили.

– Господин граф, а с этим что делать?

Перед Рином стоял молодой стражник, неуверенно держа на ладони отрубленное ухо.

– За ворота выброси. Мне тут только всякой падали не хватало. Дин!

Дин, висящий на плечах сопровождающих, оглянулся.

– Для начала контракт на полгода, – произнес длинноволосый, – потом посмотрим. И прекрати лыбиться, меня это бесит!

КОНТОРА ГОСПОДИНА ШЕНКИ
СОН ФЕИ

Сон феи (цикл «Контора господина Шенки»)

– Пошли, пропустим по пиву.

– Я не пью пиво.

– Сноб хренов.

Мы стояли на станции метро, среди толкотни и гама, и Глеб зачем-то настойчиво звал в кабак. Мы никогда не были друзьями – так, сослуживцы. Здоровались, когда встречались, не более того.

Из тоннеля потянуло ветром. Приближался поезд, который, видимо, опять придется пропустить.

– Да пошли. Хорошее место, пиво свежее. Чего тебя домой так тянет? Жена ждет, что ли?

Никто меня не ждал. Но время позднее, я весь день бегал, как собака, высунув язык. Ехать домой минут сорок с двумя пересадками. Хотелось есть и спать, но уж никак не пиво.

– Пошли! – Глеб потянул меня за куртку.

– Отстань! Никуда я не пойду.

Из тоннеля показался поезд.

– Ну и черт с тобой.

Глеб сделал несколько шагов вперед и спрыгнул на рельсы.

Заскрежетали тормоза. Тонко и страшно закричала жен-

щина. Началась суета и давка. Кто-то лез вперед, посмотреть, что произошло. Кто-то, наоборот, старался отойти как можно дальше. Я стоял, прижавшись спиной к стене. Ладонь лежала на белом мраморе, и было удивительно, как он остается холодным, когда вокруг маленький локальный ад.

Поезд протащило до середины платформы. Вышел машинист, лицо его было даже белее мрамора, и полез на рельсы.

– Вот же стервь убогая! – мужик в брезентовой куртке толкнул меня в бок. – Ну почему сейчас? Почему не под следующий паровоз? Как я теперь домой-то попаду? Сколько его там соскребать будут? Как думаешь, а?

– Часа два, наверное.

– Вот же сволочь бестолковая! Не мог другое время выбрать. Обязательно нужно, когда люди торопятся. Эх!

Зазвонил телефон. Я его еле услышал.

– Да?

– Тай, ты где?

– В метро.

Вообще-то меня зовут Дмитрий Тайнинский. Тай – это производное от фамилии.

– Почему так шумно?

– В метро всегда шумно, – попробовал съехидничать я. Хотя зря. Все-таки я говорил сейчас с Феликсом, вторым человеком в нашей конторе. Если первым считать господина Шенки.

Мужик в брезентовой куртке продолжал что-то обиженно

бубнить.

– Я знаю, как бывает в метро, – холодно ответил шеф, – что происходит сейчас?

– Костров бросился под поезд.

– Немедленно возвращайся.

– Хорошо.

Домой мне в ближайшее время все равно не попасть.

Я выбрался на поверхность. С неба сыпалась водяная пыль, которую и дождем-то не назовешь. Но приятного в ней тоже мало. Осень, вторая половина октября. Ничего не поделаешь.

Матово мерцали фонари. Я поднял воротник куртки, мимоходом пожалев, что не ношу шарф, закурил и пошел через мокрую площадь.

У нашей конторы два офиса. Один в Сити, конечно же. В стеклянно-бетонном поднебесье с видом на Москву-реку. Там сидят все службы, там принимают всех посетителей.

И есть еще один. Небольшой двухэтажный особнячок, затерянный в московских переулках. В нем не бывает посторонних. И большинство тех, кто сидит в высокой башне Сити даже не догадываются о его существовании.

– Ты, вроде, сегодня уже уходил, – съязвил охранник у резных кованых ворот.

– Вернули, – буркнул я.

– Что-то произошло?

– Да хрен его знает.

Охраннику-то хорошо. У него смена закончится, и он свободен, как сопля в полете. А я даже чай не могу попить. И Глеб этот не мог другое время найти.

– Почему так долго? – воскликнула Тоня, секретарь Феликса. – Шеф уже спрашивал.

Долго, потому что курил у метро. А потом еще за сигаретами заходил.

– Тонь, а чаю можно? С сахаром. Горячего.

– Иди уже, сейчас сделаю. Стой! Куртку сними.

– Да ладно, я…

– Куртку снял и вали в кабинет, ясно?

Конечно, безопасность шефа превыше всего.

Феликс сидел за столом и что-то быстро печатал. При моем появлении резко захлопнул ноутбук.

– Ты какой-то недовольный, – заметил шеф.

– С чего бы? – делано изумился я. Время подбиралось к девяти вечера, домой я попаду неизвестно когда, а жрать хотелось уже сейчас. Оставалась смутная надежда на чебуречную у метро, которая, кажется, работала круглосуточно.

– Что там в метро произошло?

– Да ничего такого.

– Давай с самого начала.

Если с самого начала, то я вышел за резные ворота. Пожелал охраннику спокойной ночи. Тот недобро фыркнул мне в спину. Собирался дождь, но я наивно понадеялся, что успею добраться до дома. И даже заскочить в магазин, купить пель-

меней или что-то вроде того. Метров за сто до входа в подземку меня поджидал Глеб Костров. Во-первых, мы действительно никогда не были друзьями. Во-вторых, он работал в первом офисе, и здесь ему делать было абсолютно нечего.

Поэтому предложение пойти в кабак выглядело странно.

– Ну и когда в пятый раз я сказал, что никуда не пойду, он просто шагнул с платформы под поезд. Совершенно спокойно.

– Он был пьян?

– Нет.

– Наркотики?

– Без понятия.

– Психовал?

– Немного нервничал.

– Насколько немного?

– Как будто от него ушла жена, и он хотел этим с кем-нибудь поделиться.

– У тебя с ним точно не было никаких дел?

– Да мы едва знакомы!

В это время в кабинет, коротко постучав, вошла Тоня. Вернее, Антонина Сергеевна, ибо лет ей было уже за сорок. Но она предпочитала, чтобы ее называли Тоней. Поставила поднос с чайником и чашками на столик у двери и удалилась.

От носика чайника поднимался пар.

– Можно, – я даже сглотнул жадную слюну, – я чай налью?

– Да ради бога!

Чашки были самые обычные, из Икеи, ибо нефиг народ баловать. Я бросил кубик сахара и залил его горячей заваркой. Вдохнул тонкий сладкий аромат. Пожалел об отсутствии бутерброда с колбасой.

– Тай!

– Да, я здесь.

– Сядь. Происходит что-то странное.

– За последние сутки два сотрудника конторы совершили самоубийство. Один охранник, другой из ИТ-службы. Глеб третий. Все из первого офиса, разумеется.

Я сделал глоток чая. Это было близко к божественному. Вот только бутерброд отсутствовал.

– Если все из первого офиса, я тут при чем?

– Вот и мне интересно, при чем здесь ты?

– Не знаю.

– Точно?

– Даже не догадываюсь.

– У тебя никаких суицидальных мыслей не проскакивало?

– Единственная мысль, которая у меня проскакивает, как побыстрее попасть домой, пожрать и поспать.

Феликс зачем-то повозил компьютерной мышкой по столу, хотя ноутбук оставался по прежнему закрыт.

– Хорошо, – сказал он, – иди домой. Будь осторожен, подозрителен и все такое.

– И не доверять родной маме?

– Ей тоже не доверяй.

***

По дороге домой я собрал все возможные пробки в городе. И даже парочку невозможных. Сидел в машине и любовался на тусклый свет городских огней, льющийся сквозь дождевую пыль. И все потому, что не захотел спускаться в метро. Казалось, что ехать там все равно, что ходить по могиле Глеба. Ладно, дома выпью водки за его погубленную душу и тело. К утру все сантименты отпустят.

Дома из еды только сыр, ветчина и хлеб. Нормальные магазины уже закрылись, а круглосуточный далеко, лень идти. Ладно, на ужин вполне хватит. И даже на завтрак что-то останется.

Лифт, поскрипывая и постанывая, дотащился до десятого этажа. Дом вроде новый, а лифту уже жить не хочется.

И тут под дверью квартиры меня ожидал сюрприз.

– Давно ждешь? – отстраненно спросил я.

– Шесть с половиной минут, – ответила красавица Лана из первого офиса. Черноволосая, черноглазая, с пухлыми губами в алой помаде. Ей-то что от меня понадобилось? Послать ее к черту, как советовал Феликс?

– Проходи, – я распахнул перед ней дверь.

– Ты первый.

Я усмехнулся, вошел, включил свет во всей квартире. И только после этого гостья переступила порог.

– Держи! – она протянула бутылку вина и стала стаскивать мокрое пальто.

Вино было итальянское, красное, полусладкое. Терпеть не могу такое.

– У тебя еда есть? Я пока руки помою и носик попудрю.

Еды не было. Но я на всякий случай решил проверить холодильник. Внезапно среди пустых полок обнаружился пучок рукколы. Еще вполне свежий. Вроде бы девушки любят рукколу?

Когда я уже смешивал для заправки чеснок, винный уксус и оливковое масло, появилась Лана.

– Что это? – изумилась она.

– Римский салат. О нем одобрительно отзывались Овидей и Марциал.

– Это они тебе лично сообщили?

– Если не нравится, давай закажем пиццу.

– Ее еще час ждать придется. Давай свой салат. Только каким образом, по-твоему, сочетается вино и чеснок?

– Можем пить водку.

– Ой, гадость!

– Тогда коньяк.

– Французский, надеюсь?

– Неа.

– Ну и черт с ним. Неси.

– Ты собираешься здесь ночевать? – на всякий случай уточнил я. Просто чтобы потом не возникло… как бы это

сказать… недопонимания.

– Хочешь выставить меня за дверь среди ночи?

– У меня был дерьмовый день, так что спать на полу я не собираюсь.

– А что, кровати нет?

– Кровать одна.

– Больше и не понадобится.

Лана хороша собой, и я не откажусь провести с ней ночь. Но только ночь. Одну. Длительные отношения с ней меня не интересовали.

– Давай уже съедим хоть что-нибудь! – взмолилась гостья.

Она права. Есть ужасно хотелось.

***

Ее духи пахли сладко. Кожа была горячей и шелковистой. Ночь показалась совсем короткой, хотя обычно на исходе октября они тянутся бесконечно.

Не люблю утро. Особенно если оно начинается непотребно рано. Лана проснулась первой и убежала плескаться под душем, а я поплелся на кухню.

Небо только начинало светлеть в предчувствии рассвета. В доме напротив стали зажигаться окна. Приятно знать, что кто-то другой тоже не спит.

Я полил кустик розмарина на окне и засыпал зерна в кофеварку.

– У тебя есть йогурт?

Появилась Лана. Такая вся розовая и ароматная. Совсем не подходящая для осеннего утра.

– Есть только сыр. Была ветчина, но ее еще ночью съели. Тебе чай или кофе?

– Без разницы. Давай кофе. Молоко дашь?

– Нет.

– Ну хоть сахар у тебя имеется?

Я поставил перед ней коробку с белыми сладкими кубиками.

– Что такой злой с утра?

– Я не злой.

Просто хотелось побыстрее выпроводить девушку. Конечно, все было чудесно и все такое, но утром предпочитаю быть один.

Я повертел в руках чашку, сделал глоток. Черная горечь скользнула в горло, оставив за собой вкус сожаления.

– Вызвать тебе такси?

– Конечно. Но позже. Сейчас нужно поговорить.

Обычно после такой фразы следовало что-то плохое. Например, что я подло воспользовался наивностью и невинностью девушки и теперь должен на ней жениться. Немедленно. Прямо сегодня. Белое платье и фата у нее с собой, а лимузин с лентами ждет у подъезда.

– Говорят, Глеб Костров при тебе под поезд кинулся?

– Кто говорит?

– Неважно, – отмахнулась она и заговорила, кажется, о другом: – Тебе известно, что в нашей конторе есть люди со способностями?

– Это всем известно.

– Вот у тебя есть какие-нибудь способности?

– Нет. Все, что могу, я продемонстрировал ночью.

– Моя бабка была деревенской ведьмой.

– И что она умела?

– Помимо того, что была знахаркой, она могла заставить кого угодно сделать что угодно. При помощи одного поцелуя. Я унаследовала ее умения.

Лана тщательно размешала сахар в чашке и ткнула ложечкой в мою сторону.

– А с тобой, заметь, мы не только целовались.

Я ей не поверил. Нет, у нас и правда были всякие колдуны, ведьмы, гадалки и медиумы. Но их единицы. Их всех знают. Лана в этот список не входит.

Я подвинул табуретку так, чтобы сидеть, прислонившись спиной и затылком к стене. Где-то над головой секундная стрелка на часах перемещалась по циферблату с едва слышными щелчками.

Может, купить часы с кукушкой? Вот соседи порадуются.

– Ты не слушаешь меня? – новоявленная ведьма была недовольна.

– Слушаю.

– Но не веришь.

– Верю.

– Кострова ты видел.

– Видел.

– Он прыгнул под поезд, потому что я приказала.

– Давай я всё-таки вызову тебе такси.

– Я приказала привести тебя в определенное место. А если не получится, совершить самоубийство на твоих глазах. Что он и сделал.

Глеб очень настойчиво звал вдарить по пиву, это правда. И что Феликс говорил о еще двух суицидниках?

– А что насчет охранника и айтишника?

Лана засмеялась, запрокинув голову.

– Я на них тренировалась. Выбрала помоложе и посимпатичнее.

И тут она стала серьезной, а ее глаза превратились в лужицы нефти – блестящие, тягучие и плоские.

– Ты сделаешь то, что я прикажу, – почти прошипела она, – а если не сделаешь, то убьешь себя.

– Как?

– Как хочешь, мне без разницы.

Я отхлебнул остывший кофе и прислушался к себе. Ничего не изменилось. Но именно сейчас я поверил ведьме.

Лана протянула обычную аптекарскую бутылочку, наполненную прозрачной жидкостью.

– Что это?

– Сон феи. Старинное фамильное снадобье. Что кривишь-

ся, название не нравится?

– Яд?

– Снотворное.

Я взял пузырек, потряс. Жидкость недовольно забултыхалась.

– И что с этим делать?

– Подольешь Феликсу. Хоть в чай, хоть в суп, хоть в водку. Без разницы.

– Зачем?

– Не задавай тупых вопросов. Чтобы заснул. Он заснет, и я его поцелую. Вот если б можно было обойтись без тебя! Но тебе Феликс доверяет.

– И ради чего вся эта суета?

– Чтобы добраться до Шенки, конечно же. Вот он не доверяет вообще никому. Кроме Феликса. Феликс его и убьет.

Шенки – фигура легендарная. Именно он основал контору еще в девяностых годах прошлого века. Ходят слухи, что с ним считается даже ФСБ, но это вряд ли.

– Теперь я поеду. Такси не нужно, я на машине. Сам не задерживайся.

Когда я стоял в прихожей и вежливо помогал надеть пальто ведьме, зазвенел телефон.

– Привет! – жизнерадостно проорал мне в ухо Андрей. Что они все такие активные по утрам?

– Чего тебе? – не слишком дружелюбно спросил я.

– Все наши в разбеге. Макар сказал тебя взять.

Всеволод Макаров, шеф первого офиса, имел полное право послать меня куда угодно, особенно если людей не хватало.

– Давай, выходи, чтобы время не терять. Я уже со МКАДа сворачиваю.

– Ладно.

– Что? – недовольно спросила Лана.

– Макар отправляет меня на задание.

– Куда?

– Пока не знаю. Сейчас Андрей подъедет, расскажет.

– Нет! – она топнула тонким каблучком. – Ты должен ехать к Феликсу!

– Это не от меня зависит.

На мгновение ее глаза опять стали похожи на разлитую сырую нефть.

– Хорошо, – наконец сказала она, – но это нужно сделать сегодня, непременно сегодня.

– Торопишься?

– Не твое дело!

Я наконец ее выпроводил. Оделся сам и в последний момент вспомнил. Уже в куртке пошел на кухню, поставил две чашки с остатками кофе в раковину и взял пузырек со «сном феи». Повертел его в пальцах и сунул в карман.

***

Насчет «сворачиваю с МКАДа» Андрей явно преувеличил. Я успел выкурить сигарету, наблюдая, как бледное солнце выплывает из-за крыш домов.

Рядом затормозила синяя Kia.

– Давно ждешь? – Андрей радостно помахал рукой. – А я специально не торопился. Думал, ты еще долго собираться будешь.

Я сел рядом с ним, недовольно поморщился на ванильный ароматизатор, который болтался под зеркалом. Теперь еще и голова разболится. Как будто мало мне с утра головной боли было.

– Далеко едем?

– Не, совсем рядом. Девятая улица, Новые Сады, – он щелкнул ногтем по навигатору.

Действительно, рядом. Можно и пешком дойти при желании.

– Зачем мы туда?

– Да тут такое дело. Мужик один, профессор, вроде, в МГУ преподает, портфели перепутал. Утром схватил, не глядя. А тот, что с нужными бумагами, дома оставил. Сам ехать не может, вот и позвонил Макару.

– Шофера бы послал.

– Нет у него шофера. Деньги уже есть, а шофера еще нет.

Какой только ерундой не приходится заниматься! Но, если честно, именно от такой вот ерунды и идет основной доход.

– А правду говорят, что Костров при тебе коньки отбросил?

– Угу.

– Под поезд бросился, как Нюрка Каренина?

– Угу.

– Какой-то ты неразговорчивый.

– Ночью спал плохо.

– А, ну это бывает. Вон, смотри, подъезжаем.

– Дома кто-нибудь есть? Кто портфель-то нам отдаст?

– Дочка профессорская должна быть. Папаша ее предупредить обещал. Вылезай.

Пахло дымом. Наверное где-то жгли листву. Почему я живу в бетонной коробке, а не в своем доме, среди сосен и тишины? Потому что не профессор, вот почему.

Нужный нам дом был обнесен забором из сетки-рабицы. Андрей нажал звонок на воротах. Раздался перезвон, похожий на колокольный.

И тут из окна выпрыгнул некто в вязаной красной шапке, надвинутой на самые брови. Странно приседая, понесся к забору, подпрыгнул, зацепился за верхнюю планку и кое-как перевалил тело на другую сторону.

Я бросился за ним. Сработал инстинкт, как у гончей. Раз кто-то убегает – непременно нужно догнать.

Сетка неприятно завибрировала, когда я перебрасывал через нее свое тело. Ненавижу такие заборы! Весь участок был в непонятных кучах земли. То ли грядки, то ли клумбы.

Чуть не споткнулся об одну из них.

Когда я преодолел второй забор, Красная Шапка почти скрылся в лесу. Хотя какой это лес! Лавочки, дорожки из плитки. И по этим дорожкам неспешно прогуливаются старички и мамаши с детьми. Только бы на кого-нибудь не налететь! Только бы не сбить с ног какого-нибудь карапуза! Иначе меня линчуют на месте. Забьют палками для скандинавской ходьбы.

Красная Шапка, видимо, тоже этого испугался и свернул в сторону, запетлял между березок. Но начал выдыхаться. Споткнулся пару раз и решил от отступления перейти к нападению. Схватил палку, размахнулся и ударил. Я сделал шаг в сторону, и палка со всей дури врезала по стволу дерева, и тут же разлетелась в щепки. Сверху спланировал одинокий желтый листок.

Пока Красная Шапка не додумался еще до какой-нибудь ерунды, я заломил ему руку за спину, заставив согнуться чуть ли не пополам, и повел к профессорскому дому.

– Хулиган! – раздался неуверенный голос.

– Надо полицию вызвать! – поддержал его такой же неуверенный.

– Да вызывайте кого хотите, – буркнул я.

***

В доме растерянный Андрей пытался напоить водой из

пластиковой бутылки рыдающую девушку. Белокурые волосы собраны в наивный хвостик, из одежды маечка и шортики. Видимо это и есть профессорская дочка.

– Кеша!

– Лиза!

Красная Шапка и девушка бросились друг к другу. Разлученные возлюбленные. Тристан недокормленный и Изольда в неглиже.

– Что это было? – Андрей потер лоб.

– Мы думали, это отец вернулся.

Лиза тихо всхлипнула.

– А что за скачки с препятствиями?

– Ну, Лизе только семнадцать. Будет. Через месяц, – красношапочный Кеша тяжело вздохнул.

– А тебе сколько?

– Уже восемнадцать. Ее папаша грозится меня в ментуру сдать.

– Да не сдаст он тебя никуда. Возраст согласия у нас с шестнадцати лет. Спи спокойно.

Юные влюбленные посмотрели друг на друга и сплели пальцы.

– Уважаемая Елизавета, – сказал я, – может, отдадите портфель, и мы поедем, солнцем палимые.

– Да! Папа же звонил! Только документы свои покажите.

Андрей продемонстрировал водительское удостоверение. Белокурое создание кивнуло и убежало куда-то.

Оставшись один, Кеша потер плечо, потом запястье.

– Больно! – пожаловался он.

– Сам виноват. Не нужно было на меня поленом махать.

Жалко его не было, рука не сломана, чуть поболит и пройдет. Зато в глазах своей Джульетты будет героем. Раненым.

Девушка принесла портфель, старый, потертый, с рыжими подпалинами. Двумя руками протянула его Андрею.

– Только папе не говорите! – в голосе опять дрожали слезы.

– Не скажем! – поклялся Андрей.

Портфель был благополучно доставлен владельцу. Макар больше ничего не хотел, и слава богу. Андрей уехал по своим делам, бросив меня у ближайшей станции метро. Большие квадратные часы на фонарном столбе показывали, что до полудня еще час с минутами и утро в самом разгаре. На редкость неудачное утро.

Зазвонил телефон.

– Ты где? – нефтеглазая ведьма была недовольна.

– У метро.

– Давай быстрее!

– Угу.

Я стал шарить по карманам в поисках сигарет. И что-то было не так. Чего-то не хватало. Сигареты, зажигалка… Нет аптечного пузырька со «сном феи». Проверил еще раз. Нету. Видимо потерял, пока бегал за Красной Шапкой.

И что теперь?

Топиться в ближайшей луже пока желания не возникало. Значит, миссия еще не провалена. Так или не так?

Я вздохнул и пошел искать ближайшую аптеку.

***

– Ты что такой бледный? Аж в синеву, – Тоня выглянула из-за монитора, – ночью не спал?

– Спал. Часа два точно. Я к Феликсу.

– Он тебя не звал.

– Знаю.

– Тогда ничем помочь не могу.

– Ничего. Подожду.

– Ну, жди.

Я стянул куртку и сел на диван. Рядом в кадке рос старорежимный фикус с глянцевыми темно-зелеными листьями. Смотреть на них можно было вечность. Особенно если учесть, что шли последние минуты моей жизни.

Интересно, каким способом я буду самоубиваться, если Феликс меня первый не убьет?

Жаль, что моя вечность длилась не больше десяти минут. Тоня собрала документы, пошла в кабинет шефа. Вышла почти сразу, уже без бумаг.

– Он тебя ждет, – сообщила она.

Я встал, погладил мясистый лист фикуса.

– Такое чувство, что ты все еще не проснулся. Сварю тебе

кофе, – сказала Тоня.

Я оставил в покое растение и отправился к шефу.

– Что-то случилось? – спросил Феликс.

Он подписывал бумаги и складывал их в папку. На меня бросил мимолетный взгляд. Черт, я и забыл, что нужна причина, чтобы напроситься к нему в кабинет.

– Да нет, ничего. С утра Макар отправил на задание, но там ничего сложного. Пришлось немного побегать, но это мелочи.

– Тогда чем ты недоволен?

Я недоволен тем, что не знаю, как влить в тебя «сон феи». Или не вливать, а просто все рассказать о Лане? Кто мне поверит, если я сам до конца не верю.

– Не нравится, что шеф первого офиса отдает приказы?

– Иногда это в самом деле бывает не вовремя. Но сегодня я не занят, так что почему бы и нет.

– Тогда проясни цель своего визита.

На мое счастье в этот момент вошла Тоня. Поставила кофейник и чашки на переговорный столик и удалилась. Аромат кофе наполнил пространство.

На этот раз я не стал спрашивать дозволения и направился к столику.

– Налей мне тоже, – попросил Феликс.

И после этих слов у меня не осталось выбора.

Я повернулся спиной к шефу, выудил из кармана аптечный пузырек и вылил его содержимое в одну из чашек. По-

том добавил кофе, отнес ему. Руки не дрожали. Что было удивительно.

– Все-таки ты странный сегодня. Спал плохо?

– Да. Плохо.

– На тебя полнолуние так подействовало или Хэллоуин отмечал?

– Пожалуй, ведьмен шабаш имел место быть.

Феликс засмеялся и выпил разом полчашки.

– Что за дерьмо?! – воскликнул он.

Наши глаза встретились. Десять ударов сердца мы смотрели друг на друга, а потом он начал заваливаться на спинку офисного кресла. Рука попыталась ухватиться за что-нибудь, но попадались только бумаги. Пальцы судорожно сжались и замерли.

Я сделал несколько шагов назад, налетел на столик и чуть не опрокинул его. Не отрывая глаз от замершей руки шефа, налил себе кофе. Сделал глоток. Горячий ком застрял в горле и потребовалось колоссальное усилие, чтобы протолкнуть его дальше.

Дверь приоткрылась, и в кабинет проскользнула Лана. Как ей удалось пройти мимо Тони? Может, она в самом деле ведьма?

– О, ты все сделал, – ее голос был похож на мурлыканье, – какой молодец!

Я выпил еще глоток. На этот раз все прошло легче. Даже удалось почувствовать вкус и аромат.

– Ты довольна?

– Вполне.

– Я свободен?

– Да. Живи до следующего раза.

Она коротко засмеялась и стала неторопливо приближаться к шефу. Он выглядел беспомощным. Беспомощный Феликс – это противоестественно.

Я допил кофе и поставил чашку на стол.

Лана облизнулась и потянулась к губам Феликса.

И в это время я схватил ее руки, а Феликс защелкнул на них наручники.

Лана взвыла, дернулась, попыталась ударить меня коленом в пах. Потом извернулась и пнула Феликса по голени. Тот поморщился, нажал какую-то кнопку и вызвал охрану.

– Тварь! Скотина! – закричала она. – Прыгай в окно! Немедленно!

– Дура, – ответил я, – второй этаж. Даже если прыгну, мне ничего не будет.

Наконец подоспела охрана и окончательно скрутила ведьму.

– Медицинскую маску на нее наденьте. И не снимайте, – посоветовал я.

– Она что, заразная? – один из парней слегка отшатнулся.

Теперь точно целоваться с ней никто не станет.

Лану увели.

– Что за дрянь ты мне налил в кофе? – спросил Феликс.

– Жидкий экстракт стевии. Это безвредно.

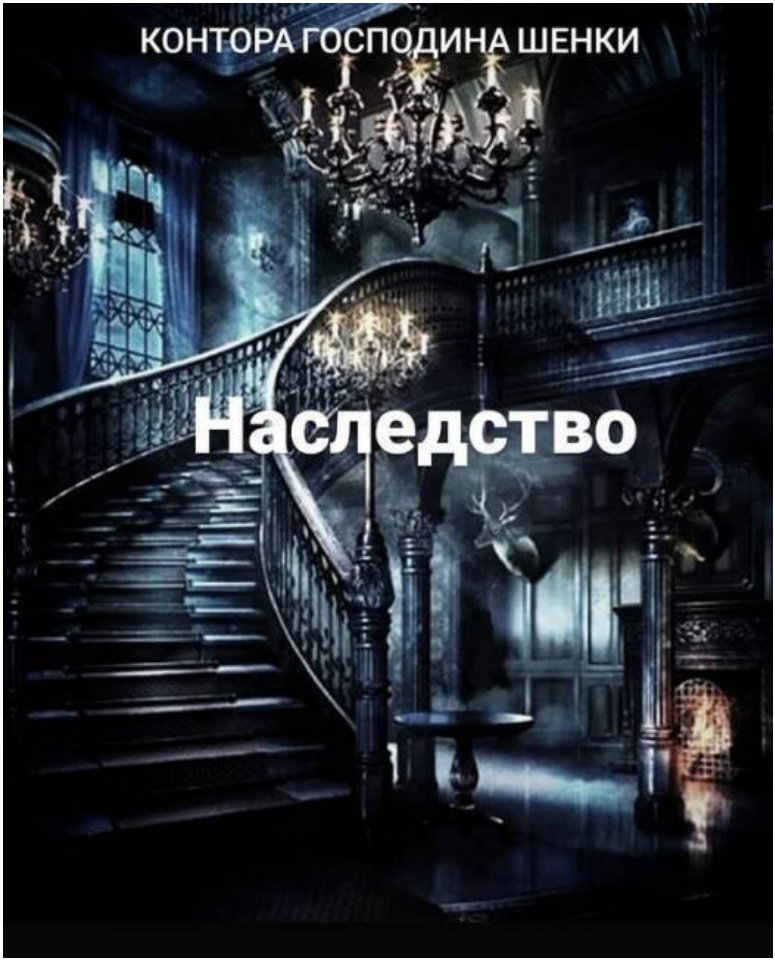
– Может и безвредно. Но на кофе я еще долго смотреть не смогу. Ничего лучше не мог придумать?

– Нет. Это все, на что хватило фантазии. Спасибо, что подыграли. Как догадались?

– Уж больно ты бледный был и дышал через раз. А что она хотела?

– Если опустить все подробности, то убить господина Шенки.

– Это уж как обычно, – усмехнулся Феликс.


КОНТОРА ГОСПОДИНА ШЕНКИ
Наследство

Наследство (цикл «Контора господина Шенки»)

Ноябрьское небо иногда уставало хмуриться и, как будто по чьему-то недосмотру пропускало солнечные лучи к сырой земле. Один из таких лучей путался в светлых волосах моей спутницы. Мы ехали за город, чтобы провести вместе ночь. Но совсем не в том смысле, в котором хотелось бы мне.

Феликс сдал меня Макару. Наверное, в отместку за кофе со стевией. И я как раз ошивался в первом офисе, когда пришла она.

Блондинка, скорее всего крашеная. На вид лет двадцать пять, хотя на самом деле гораздо ближе к тридцатнику.

– Меня зовут Полина, – сказала она, – этого достаточно или нужен паспорт?

Макар тут же заверил, что паспорт совершенно не нужен. Да и зачем он, если отпечатки пальцев уже по-тихому сняли?

– По завещанию моей бабушки я получаю ее дом. Но только с условием, что проведу там ночь. Сегодня придут адвокаты или как там они называются, чтобы опечатать двери. Мне нужен кто-то, кто будет со мной в доме. Просто так, на всякий случай. Скажу сразу, я там ночевала много раз, но все это было как бы… неофициально.

И вот сейчас мы ехали по Новорижскому шоссе.

– Нужно какой-нибудь магазин найти, – подал я голос, – еды купить.

– В холодильнике полно еды, – отмахнулась Полина.

Дом оказался за высоким забором, обсаженным туями. Белый, под мрамор. Три этажа, колонны. Ничего так наследство. Не дай бог получить такое – разоришься.

Во дворе, на уже потрепанном, пожелтевшем газоне, в шезлонге ловил редкие солнечные лучи светловолосый субъект.

– Станислав? – возмутилась Полина. – Что ты тут забыл?

Субъект неторопливо повернул голову.

– А, кузина! Рад тебя видеть.

– Что ты делаешь в моем доме?

Она даже топнула ножкой. Каблучок задорно цокнул.

– Это не твой дом.

– Завтра будет моим!

– Вот завтра тогда и будешь возмущаться.

Девушка презрительно фыркнула и ушла в дом. Станислав обратил свой взор на меня. Глаза у него были зеленоватые, оттенок напоминал плохо заваренный зеленый чай.

– А ты кто? – спросил он. – Новый жених?

– Нет. Просто наемный рабочий. Видимо, телохранитель.

– Надолго?

– До утра.

– Сочувствую. Сухой паек с собой захватил?

– Она сказала, в доме достаточно еды.

– Что для сестрицы еда – для других беда. Ладно, пойду, пожалуй.

Он вытащил себя из шезлонга и потянулся.

– Я тут остановился неподалеку. Может заметил, на МКА-Де стоит харчевня, называется «Рио». И пальма на вывеске. Так вот, несмотря на пальму и название, кормят там отменно. Искренне рекомендую.

Я подождал пока он покинет территорию и запер за ним калитку. Ладно, пока относительно светло нужно осмотреть дом. Интересно, тут есть камин? Интересно, его можно будет разжечь?

Камина не было. Зато имелась широкая, вроде бы мраморная лестница с коваными перилами, ведущая на второй этаж.

Собственно, на первом этаже кроме этой лестницы, огромного холла и кухни, больше ничего не было.

На втором этаже несколько комнат были заперты. Видимо там обитала достопочтенная бабушка. Еще имелась комната Полины, и что-то вроде библиотеки и кабинета.

Третий этаж был совсем запущен. Две гостевые спальни, пустая гардеробная, несколько подсобных помещений. Запах пыли мешался с затхлостью. Крыша у них протекает, что ли?

В подвале насос, прачечная и запасной генератор. Все как обычно.

Кухню я оставил напоследок. Из еды я там нашел:

Яблоко.

Два йогурта. Клубничных.

Кусок сыра размером со спичечный коробок

Ветчину в пластиковом корытце.

Полдюжины яиц.

Немного хлеба, черного и белого.

Чай в пакетиках и полбанки растворимого кофе.

Действительно, полно еды. Я горько вздохнул. Нет, никто кормить меня не обязан. И разок без ужина я не умру. Но раз уж мне предстоит не спать ночь, хотелось бы иметь под рукой кофе. Нормальный кофе. Но, опять-таки, это лично моя проблема.

– Ну, как вам дом? – спросила Полина.

Она уже успела переодеться в домашнее платье, если это можно считать платьем. Верх на тонких бретельках, юбка из лоскутков, которые никак не скреплены между собой. Захватывающий фасон!

– Дом большой, – нейтрально ответил я.

– Да, очень большой! – в ее голосе был неприкрытый восторг.

– Если вы не против, я все-таки съездил бы поужинать.

– Скоро придут опечатывать двери.

– Только через три часа.

Полина была недовольна. Вполне естественно, что она недовольна.

– Я вернусь минимум за полчаса до назначенного време-

ни.

– Обещаете?

– Клянусь!

– Ладно, ступайте. Вы, мужчины, настолько примитивны, что всегда хотите есть.

С этим утверждением можно и поспорить, но решил воздержаться. Мне щедро отсыпали личного времени и нужно быть благодарным. Фиг ли нет.

***

На вывеске название «Рио» горело красным неоном, а пальма – зеленым. Я загнал машину на стоянку и пошел к крыльцу. Там, в красно-зеленых всполохах, прогуливался Станислав и курил что-то непотребное.

– О! – обрадовался он. – Я так и знал, что ты заявишься.

У меня встреча восторга не вызвала, но деваться уже было некуда.

– Пошли! – Станислав запустил бычок в ближайшую лужу. Тот прочертил красивую дугу, зашипел и потух, испустив на прощание вонючую струйку дыма.

Было опасение, что внутри этого шалмана музыка такая, что себя не услышишь – так оно и оказалось. Но кузен моей нанимательницы прошел в дальний закуток, где шум был не опасен для жизни.

– Не обращай внимания на антураж, – сказал он, – кормят

здесь отлично.

– Странное место.

– Место для своих. Но случайных гостей тоже не обижают.

– Хочется верить.

Я прикинул финансовые возможности и заказал лобио в горшочке, люля-кебаб из баранины и картофель фри.

– А вино?

– Я на работе. Пить буду чай. Обычный, черный. Без добавок. Никакого чабреца и мяты.

– Фу! – сказал Станислав. – Скучно!

И налил себе до краев бокал Саперави. Я посмотрел на него с завистью.

– Может, все-таки, рюмку чачи?

– Воздержусь.

– Ты, кстати, знаешь об условиях завещания нашей дорогой бабуси?

– Меня это не касается.

– Очень даже касается.

– Каким боком?

– Там сказано, что на дом может претендовать любой, кто проведет в нем ночь. То есть, ты тоже.

– Тогда почему ты сидишь здесь, а не там?

– Ой, не хватало с нашей девочкой-веточкой связываться. Я лучше утром к вам зайду, посмотрю что да как.

– Тебе не нужен этот дом?

– А тебе?

– Нафиг надо. На налогах и отоплении разоришься.

– Вот и я о том же. Но Полинке приспичило жить во дворце. Вот пусть и живет.

***

– Почти не опоздали, – Полина состроила недовольную гримаску.

– До девяти еще сорок минут.

– И что?

Ровно в девять часов вечера пришли люди в костюмах и галстуках, заперли и опечатали входную дверь и ворота. Засняли все это на видеокамеру. Официально, но бестолково.

Я пошел задвигать ставни на окнах первого этажа. На кухне что-то там заело, и осталась щель размером с ладонь. Ну и хрен с ним.

На обеденном столе валялся огрызок яблока и два пустых стаканчика от йогурта. Выходит, Полина тоже поужинала. Как бы не объелась, бедняжка.

Бедняжка минут десять насиловала телевизор, переключаясь с канала на канал, потом зевнула, деликатно прикрывшись ладошкой.

– Наверное, пора спать, – сказала она, – надеюсь, вы будете рядом со мной?

Она стала подниматься по лестнице, лоскуты на юбке исполняли затейливый танец вокруг ее загорелых бедер.

Девочка-веточка-тростиночка-Полиночка. Возможно, это задание окажется не таким уж и скучным.

Мы вошли в ее комнату.

Полина направилась к постели размером с теннисный корт. Сложила покрывало, взбила подушки. Потом повернулась и с деланным изумлением уставилась на меня.

– О! – она всплеснула руками. – Я имела в виду, что вы будете рядом с моей дверью. С той стороны.

Я подхватил с маленького диванчика подушку и плед и вышел из комнаты. За моей спиной щелкнул замок. Давай, еще дверь комодом подопри. А то вдруг в ночи заявлюсь.

Я устроил себе лежанку у стены, притащил большой термос, который в «Рио» до краев наполнили черным кофе. Термос был розовый, слегка поцарапанный, с наивной розочкой на боку. Я нашел его на кухне. Видимо, принадлежал еще старой хозяйке.

Пока все было тихо. Да и что могло произойти? На первом этаже горел свет. Я натянул плед на колени и начал дремать. Сны были легкими, похожими на вуаль.

А потом что-то произошло.

Я вздрогнул и открыл глаза. Вроде все как и раньше. Открутил крышку термоса и налил немного кофе – он был крепкий и горячий. Сонную вуаль сорвало и унесло.

– Бонц-бонц-бонц!

По потолку прозвенело что-то, очень похожее на детский мяч. Такой дурацкий, сине-красный, с белой полосой по эк-

ватору.

Но на третьем этаже не было детей. Не было собак и кошек. Да и мяча там никакого не было. Ничего, кроме пыли.

Я осторожно покосился на часы. Ровно полночь.

– Бонц-бонц-бонц!

Мяч полетел в другой угол. Я отпил еще кофе и стал ждать. Мяч еще покатался туда-сюда, но, не дождавшись реакции, бросил это занятие.

Вроде дом новый, максимум десять лет. Призраки еще не успели завестись. И планировка типовая. Никаких тайных ходов и комнат, надеюсь.

И тут погас свет. Везде.

Тьма была полной, только золотые змейки, которые бывают, если крепко прижать кулаки к зажмуренным векам, пробегали по черному фону.

Пробки вышибло? Нужно бы сходить, проверить электрощиток, но что-то не хочется. Меня не электриком нанимали. Мое дело сидеть у двери и пить кофе. Что я и делаю.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Стала видна балюстрада и, собственно, сама лестница. Огромный холл тонул во мраке. Этот мрак казался жидким и подвижным, как вода в омуте.

Что-то белое сползло с третьего этажа, пролилось по ступеням, потом собралось в облако и повисло напротив меня. Я крепко зажмурился и потер глаза. Ничего не изменилось. Облако по-прежнему висело, слегка клубясь по краям. По-

том оно ухнуло вниз и исчезло. Жаль, что я не пил чачу за ужином. Все можно было бы списать на алкоголь.

Я подтянул плед повыше и постарался закутаться в него. Потому что кроме пледа другой защиты не было.

Если я все правильно понимаю – это обычное приведение. Оно не может причинить физический вред. Нужно просто дождаться рассвета. До рассвета всего ничего осталось. Каких-то шесть часов с минутами. Надо было брать с собой водку. Сейчас бы сидел, прихлебывал из бутылки и смотрел на эти спецэффекты.

Кстати, почему Полина не предупредила, что в доме творится такое? Потому что за такое платить бы пришлось гораздо дороже?

Из темноты начала расти белая пальма. Когда она доросла до второго этажа, ее крона превратилась в птицу. Она махнула крыльями, взлетая, и едва не задела меня по носу. Я отшатнулся и стукнулся затылком о стену. Нет, пожалуй до рассвета нервов у меня не хватит.

Контора господина Шенки была известна тем, что решала не только обычные вопросы, но и необычные. Тех, кто относился ко второму офису, учили справляться с этим необычным. Например я знал, чтобы прогнать призрак, нужны полынь, чеснок, чертополох, тысячелистник и бессмертник. Смолоть и положить на уголек. Из всего этого в данный момент можно было раздобыть только чеснок. С угольком, кстати, тоже проблема.

Можно еще позвонить в колокольчик. Это вроде бы разрушает отрицательную энергию и привлекает положительную. Колокольчик где-то тут на глаза попадался.

А вдруг это никакой не призрак, а просто подстава со стороны конкурентов нашей конторы? Оскар Ивощеев легко мог такое устроить. Я буду звенеть по углам колокольчиком, а они это заснимут. Потом будут показывать, какие у господина Шенки идиоты работают.

Вот, черт!

Между тем птица, порхающая в холле, начала отращивать когти и хищный клюв, смахивающий на турецкую саблю.

Можно еще попробовать договориться. Тоже выглядит глупо, но хоть не как с колокольчиком. Или все же подождать до рассвета?

Я отхлебнул еще кофе и решил спуститься на первый этаж. Прихватил термос и, подсвечивая телефоном, добрался до лестницы. И тут телефон погас. Я потряс его и снова включил. Он проработал пару секунд и вновь вырубился, хотя зарядки там семьдесят с лишним процентов.

Мимо пронеслась хищная птица, злобно щелкая кривым клювом.

– Мне нужно хоть немного света, – обратился я к ней, – иначе сверну себе шею на этой лестнице. В этом случае, конечно, буду вынужден составить вам компанию. Но нахрена вам такое счастье?

Никто, разумеется, не ответил. Я немного помедлил и

рискнул вновь включить телефон. На этот раз он исправно работал, и я благополучно спустился вниз.

– В качестве угощения могу предложить только кофе. Больше моего здесь ничего нет. Кофе неплохой, правда, без сахара и уже начал остывать, но не критично. И, можно я зажгу хотя бы одну свечу? Тьма такая, что в гробу светлее.

Про гроб это я зря, конечно.

Когда загорелось белое тонкое пламя, благо свечей в этом доме полно было, птица опустилась на пол и расползлась туманом. А потом из него вышла пожилая женщина с аккуратной прической, в длинной юбке и блузке с камеей. Видимо, бывшая хозяйка дома. Она подошла к небольшому столику в холле, и я тут же налил ей кофе в крышку термоса. Она покачала головой.

– У меня больше ничего нет, – предупредил я.

Она опять покачала головой и поднесла два пальца к губам, будто в них держала сигарету. Я вынул из кармана полупустую пачку и положил на стол. Она ткнула пальцем в мою сторону.

– Мне курить?

Женщина благосклонно кивнула.

Что же, мне это точно не помешает. Я затянулся и выдохнул дым.

Женщина превратилась в облако, которое тут же его поглотило. Облачные края чуть завибрировали и окрасились в цвет фуксии. Надеюсь, от удовольствия.

Я обжег пальцы, докурив до фильтра. Появилась призрачная женщина и жестом велела продолжать. Я продолжил. Выкурил четыре сигареты подряд. Затылок сдавило и появилось ощущение, что там катается свинцовый шарик. Зеленого цвета.

Облако перестало вибрировать и вновь приняло очертание пожилой женщины. Она начала подниматься по мраморной лестнице и где-то на середине исчезла. Тут же загорелся свет. Везде.

Я задул свечу. Отнес окурки и термос на кухню. Вернулся к своей лежанке. Было около четырех часов утра. Я завернулся в плед и заснул, как в яму провалился.

***

Проснулся в восемь утра. Скоро придут распечатывать двери, и Полина станет законной владелицей дома с приведением.

В гостевой ванной поплескал в лицо холодной водой и поплелся открывать ставни. Свинцовый шарик в затылке пропал. Зато на его месте образовался камень, тяжелый и неподвижный. Он там так хорошо прижился, что порос мхом.

Захотелось что-нибудь съесть. Желательно горячее, но я согласился бы уже и на йогурт. Еще раз осмотрел запасы провизии. Раскрошил черный хлеб и обжарил крошки с чесноком. Пока готовилась глазунья, соорудил бутерброды с вет-

чиной, сыром и помидором и запихнул их в духовку.

– Ого! Чем это тут пахнет?

В дверях стояла Полина с розовыми щечками и в розовом халатике.

– Завтрак, – я неопределенно пожал плечами. Положил на тарелку яичницу и посыпал хлебными крошками.

– Так вы умеете готовить? Хотите, найму вас? Будете готовить мне завтраки.

– А обеды и ужины будут готовить другие?

Я залил чайный пакетик кипятком и отвернулся достать бутерброды.

Полина ела с аппетитом, я ей даже позавидовал. Отхлебнул чай. Он был горький. Решил добавить сахар – чай стал сладкий и горький. Странный сорт, раньше с таким не сталкивался. Бутерброд оказался слишком горячий. Я решил немного подождать, положил его на тарелку и подул на пальцы. Возникло странное ощущение, что картинка перед глазами отстает от реальности на пару мгновений.

А потом мир выключился.

***

Что-то назойливо пищало. Яркая лампа слепила глаза, рассмотреть что-либо было невозможно. Но что-то настырно подсказывало, что я до того света так и не добрался и застрял на этом.

– Молодец, парень, проснулся все-таки!

Кто-то тряс меня за плечо, и это не доставляло никакого удовольствия.

– Не пытайся говорить. У тебя в горле трубка. Сейчас мы ее вытащим. Давай, сделай глубокий вдох, а потом резкий выдох. Ты понял? Давай!

Да пожалуйста. Я вдохнул и выдохнул, как сказали. Из меня в самом деле что-то вытащили. И тут же прижали ко рту тряпку.

– Плюй, плюй, давай.

Ну что ко мне пристали? Я опять сделал, как сказали.

– Ну, вот и хорошо. Теперь лежи, отдыхай.

Конечно, а то я очень устал, пока дышал и плевался. Но главное, штука над ухом пищать перестала.

Палата была самая обычная, на шесть человек. Мне «повезло», досталось место у окна. То есть одновременно сквозняк и жар от батареи. Ну да без разницы.

Я лежал с иголкой в вене, и по прозрачной трубке в меня стекала жидкость ржавого цвета.

В палату вошел Феликс. То, что в больнице карантин и никаких посетителей не допускали, ему было наплевать. Большим достижением было уже то, что каким-то чудом его заставили надеть маску.

– Я хотел тебе апельсинов принести, – заявил он.

– Мне нельзя апельсины, – желчно ответил я, – только бананы.

– Как себя чувствуешь?

– Чудесно.

– Знаешь, что с тобой произошло?

– Понятия не имею.

– Полина тебя отравила.

Старичок на соседней кровати бросил читать книгу. Даже очки снял, приготовившись слушать увлекательную историю. Феликсу на это было наплевать. Он даже голос особо понижать не стал.

– Ты был бы уже трупом, если бы в неурочное время не заявился какой-то там родственник. Он-то врачей и вызвал.

– Станислав.

– Да, кажется он.

– Какой смысл было меня травить? Вот-вот должны были прибыть юристы-адвокаты. И тут труп под ногами валяется? Глупо.

– Глупо. Но ты и не должен был отключиться так быстро. Если бы ты не курил всю ночь и не пил кофе, если бы нормально позавтракал, яд бы подействовал где-то через час. Ты бы в это время был за рулем где-нибудь на МКАДе.

– Я всегда говорил, что курить полезно. И что теперь с Полиной?

– У нее будет новый дом. Но, увы, казенный. Жалко девочку.

– Угу.

– Ты тут долго собираешься валяться?

– Еще дня три точно.

– У нас сотрудников не хватает, так что поторопись. Апельсинов точно не хочешь?

– Нет.

– Ну и ладно.

Дед на соседней койке довольно хмыкнул, надел очки и опять взялся за книгу.

***

Был все еще ноябрь. Солнце уже не светило, сыпал мелкий снег, похожий на манную крупу.

– Что-то ты бледный, – поприветствовал меня охранник у ворот.

– Авитаминоз напал, – мрачно сообщил я.

– Ну, наконец-то! – воскликнула Тоня. – Ты как?

– Лучше не бывает.

– У шефа клиент. Хочет именно тебя.

– Я старый и больной.

– Пойди и скажи это шефу.

Я вошел в кабинет.

– Для тебя есть работа, – сообщил Феликс, – пустяковая. Всего-то и нужно провести одну ночь в доме.

Посетитель повернулся ко мне. Блеснули бледно-зеленые глаза.

– По завещанию моей двоюродной бабушки, чтобы полу-

чить наследство, нужно провести одну ночь в ее доме. Вы составите мне компанию?

И Станислав улыбнулся.

Контора господина Шенки
Хвост русалки

Хвост русалки (цикл «Контора господина Шенки»)

В углу комнаты разноцветными огнями мерцала елка. Какой идиот оставит включенной гирлянду, а сам уйдет из дома?

Хотя надо сказать спасибо. Эта елка и фонарь за окном были единственными источниками света. И как в темноте в чужой квартире найти маленькую флешку? Она может быть где угодно. Прилеплена скотчем к бочку унитаза, зашита в детскую игрушку, сунута на полку с бельем.

Унитаз я проверил в первую очередь. Потом обшарил все ящики комода, тумбочки и письменный стол. В каком-то советском фильме кейс с деньгами прятали в подвале в бочке с солеными огурцами. И что, мне теперь еще и холодильник размораживать? Крупу в банках перетряхивать? Какого черта я на это согласился? Хотя моего согласия никто не спрашивал. Феликс просто сказал: «Давай!». Кстати, подушки тоже надо перетряхивать? Пальпировать цветочные горшки? А потом окажется, что эта дрянь лежит на самом видном месте.

Стоп! Какое здесь и сейчас самое видное место?

Елка.

Она была там. Не сразу, но я ее нашел – пряталась за боль-

шим красным шаром в блестках. Флешка в виде русалки с обнаженной грудью. Явно не Ариэль.

Я осторожно снял ее с колючей ветки и спрятал в карман. И в этот момент услышал, как поворачивается ключ в дверном замке. А заказчик клялся и божился, что хозяин раньше полуночи не появится.

Спрятаться? Потом огреть его чем-нибудь по башке и сбежать? Плохой план. Никуда не годный. Если бежать, то нужно это делать сейчас. В окно, больше некуда. Всего-то второй этаж. Только с небольшой поправкой. Это не хрущевка – полноценный сталинский дом. Так что второй этаж превращается фактически в третий.

Без разницы. Выбирать не приходится.

Окно легко открылось. Я ухватился за карниз и попытался найти ногами опору, чтобы лучше спланировать приземление. Карниз заледенел. Пальцы внезапно поехали. Ботинок, который вроде бы нащупал выбоину в кирпичах, тоже поехал. И я не спрыгнул, а просто свалился вниз. Неудачно.

Я лежал на тротуаре и смотрел на левую, совершенно непотребно вывернутую ногу. И едва успел откатиться в сторону, когда совсем рядом взвился фонтанчик из искр и льда. Хозяин русалки высунулся в окно и стрелял.

То, что стрелял, было плохо. То, что он исчез из окна, было гораздо хуже – значит, сейчас спустится вниз.

Я попытался встать. Как ни странно, это удалось. Колено болело, но терпимо. Надо бежать, но куда? К машине? Могу

не успеть, она довольно далеко. К дороге? Там меня в момент поймают. Значит, в лес.

Собственно, обычный лесопарк в черте города. Но в темноте есть шанс скрыться, если избегать аллей с фонарями. Я со всей возможной скоростью заковылял напролом. Без дороги, через кусты и ямы. Следы вряд ли бы выдали меня. Снег лежал плешиво, тонким слоем, местами превращаясь в лед. Я несколько раз споткнулся, колено недовольно отозвалось болью. Но это все было терпимо.

Через какое-то время стало понятно, что погони нет. Я сел на упавшее дерево, которое очень кстати подвернулось, и, сдерживая дыхание, долго прислушивался. Ничего. Кажется, удалось уйти.

Вокруг была тишина. Не абсолютная, конечно – где-то ездили машины, где-то ходили люди. Но ко мне это не имело отношения. Сейчас посижу минут десять и начну выбираться.

Ветер в вышине раскачивал макушки деревьев. И если летом это движение рождало шелест листьев, то сейчас получался только стылый стук и скрежет.

Я передернул плечами. Пора идти.

Встал, сделал два шага – колено подогнулось. Даже боли не было. Просто нога вдруг отказалась служить, и оказалось, что я вновь сижу на земле. Встать не получилось. Не знаю почему, но не получилось. После нескольких неудачных попыток пришлось смириться. Может, через несколько минут

полегчает.

Не полегчало. Стало совершенно очевидно, что без посторонней помощи подняться не получится.

Я соскреб снег с земли и жадно съел. Как глупо – подвернуть ногу, выполняя обычное задание, и теперь сидеть беспомощно ночью в лесу. Хотя и не ночь еще, и не лес вокруг, но тем не менее. Если опереться о дерево, то можно попробовать встать и хотя бы вернуться на поваленный ствол. Но из того, до чего можно было дотянуться, была только тоненькая осинка. Моего веса она не выдержит. Жаль бессмысленно губить деревце.

В каком-то журнале я читал, что у Стрельцов вечно проблемы с ногами. Самое время поверить в гороскопы.

Что-то невесомое коснулось щеки. Потом задело нос, легло на ресницы. Кажется, пошел снег. Небо было темно-серое, в подсветах городских огней.

Я вздохнул и закурил. Когда куришь, уже не кажешься себе таким одиноким и потерянным. Дым танцует со снежинками последний брачный танец. Надо позвонить Феликсу, чтобы он послал ребят, и меня нашли до того как я вмерзну в почву.

– Кхе-кхе-кхе!

Кто-то продирался сквозь кусты. Вряд ли это хозяин русалки. Он бы не стал так надсадно кашлять, надеюсь. Вскоре из-за деревьев показался Дед Мороз. В красном тулупе, с белой бородой. Чему удивляться, декабрь же. Или я уже

начинаю бредить?

– Эй, парень, – сказал Мороз, приблизившись, – у тебя закурить не найдется?

Я протянул ему сигарету, потом чиркнул колесиком зажигалки. В колеблющимся свете желтого огонька стало совершенно очевидно, что это не Дед Мороз, а обычный бомж. Бородатый, в старом пуховике до колен и в валенках.

Бомж вдумчиво докурил сигарету, потом растер окурок ногой.

– Не мое дело, конечно, – сказал он, – но что ты тут сидишь?

– Встать не могу.

– А чего не можешь-то?

– Ногу подвернул.

– С чего оказия такая?

Какой любопытный.

– В окно прыгнул. Муж домой не вовремя вернулся.

– Ну так, парень, тебе еще повезло! Хоть одеться успел. Было у меня разок такое. Я только трусы с пола подхватить успел. Огородами убегал.

Бомж ухмыльнулся, вспоминая былое. Потом пошарил за пазухой и вытащил бутылку.

– На, хлебни. А то отморозишь себе самое дорогое.

Что там было налито, непонятно. Может, денатурат. Но я не стал ломаться, сделал большой глоток и с содроганием проглотил. Пойло прошлось ножовкой по ребрам, а потом

колом вонзилось в кишки. Но стало чуть теплее, по крайней мере губы перестали леденеть. Я посмотрел на этикетку – обычная водка. Самая дешевая из возможных.

– Слушай, парень, давай я тебя до аллеи доведу. Там хоть скамейки, – с сочувствием предложил собеседник.

Вот на аллее меня, скорее всего, искать и будут.

– Нет, нельзя. Вдруг там муж до сих пор мечется.

– Да что ему, делать нечего? Шуганул из дома и успокоился.

– Этот не успокоится.

– Ты бы это, красоток со спокойными супругами выбирал. Оно для здоровья безопаснее.

– Помоги вон до бревна добраться.

– И что, на нем всю ночь сидеть будешь?

– Может, скоро легче станет.

– Да не станет легче. Дальше только хуже будет. Замерзнешь же. Совсем. Насмерть. Вон смотри, уже весь синий. Хлебни-ка еще.

Я послушно хлебнул. Хуже от этого точно не будет, а человек проявляет участие.

Человек почесал бороду.

– Ну, вот что, – сказал он, – коль не брезгуешь, отведу тебя в нашу нору. Там не Версаль, конечно, но хоть тепло. Ночь пересидишь.

В нору – это в бомжатник, что ли? А что, хорошее место. Там искать вряд ли будут.

– А меня примут?

– Ну не звери же мы!

Бомж помог подняться, закинул мою руку себе на плечо и повел куда-то напрямую через кусты.

– Меня, кстати, Мишей зовут, – представился он.

***

– Нахрена ты его сюда приволок?

– Черный, не кричи, – миролюбиво ответил на приветствие Миша, – видишь, человек идти не может. Не снаружи же его оставлять. Окочурится.

– Пусть такси себе вызовет и домой шпарит. Детишки, небось, заждались. А нам таких гостей не надо.

– Да тебе жалко, что ли?

– Жалко! У нас еды батон хлеба и банка тушенки на всех. И еще вон Леонидий пять картошин откуда-то припер. В золе потом испечем. И все. Пусто! Не до гостей.

– Здесь есть магазин какой-нибудь поблизости? – не совсем уверенно спросил я. Могут в самом деле выгнать. Снова оказаться на холоде было бы невыносимо.

– Отчего же нет. Есть, конечно, – откликнулся тот, что Леонидий, – чай, не в лесу живем.

– А кто-нибудь может сходить?

– Отчего же не сходить. Было бы на что.

Я выгреб из кармана деньги. Тысяч пять разными купю-

рами, плюс мелочь. Леонидий их быстро сцапал.

– Ждите! – весело пообещал он. – В момент обернусь!

– Да как же! Час тебя прождем, не меньше.

Голос исходил из самого темного угла и принадлежал, несомненно, женщине.

– Чего ты, Нинон, максимум минут сорок.

– И купи для дамы пирожных, – решил выпендриться я.

Черный неодобрительно хмыкнул, но промолчал.

– Ты не стой в дверях. Садись, вон, к печке поближе, погрейся. У тебя губы до сих пор синие.

Миша сделал широкий жест в сторону старого полосатого матраса. Представить страшно сколько живности в нем обитает. Но, стиснув зубы, я кое-как на нем устроился. Знал же, куда иду. Свежее постельное белье никто и не обещал.

Убежище находилось в каком-то полубункере-полуподвале посреди леса, отапливалось печкой-буржуйкой. Было тепло и темно. И слава богу, что темно. Не хочу видеть подробностей.

Я ощупал ногу. Колено уже начало опухать.

– Тебя звать-то как? – спросил Черный.

– Дима.

– Так что там с тобой случилось, Дима?

– Ногу подвернул.

– Надо лед приложить.

– Лед я уже прикладывал.

– Тогда теперь водочный компресс, – посоветовал Миша.

– Нет у нас водки! Тем более на компрессы, – снова окрысился Черный.

– Так Леонидий сейчас принесет.

– Вот когда принесет, тогда и поговорим.

– Жадный ты, Черный.

– Я не жадный. Только я за вас за всех отвечаю. И за тебя, и за Леонидия, и, главное, за Нину.

– Ты хорошо за нами приглядываешь, – засмеялась Нина. И смех у нее был молодой и звонкий.

Я задремал, привалившись плечом к стене. Где-то там, за бетонной преградой, тихо шуршали снежинки, опускаясь с небес на землю, щекоча щеки и нос. И не было никакого Деда Мороза в драном пуховике. И гостеприимного теплого бомжатника не было. Я каким-то образом заснул в зимнем лесу. И то, что удалось проснуться, можно считать новогодним чудом. Нужно срочно звонить ребятам, чтобы нашли меня до того, как я окончательно превращусь в сосульку. Пальцы совсем не слушались. Никак не удавалось расстегнуть молнию на кармане, чтобы добраться до телефона. Я поднес руку к глазам. Кисть вся в красно-белых пятнах. Отморозил? Что тогда с задницей, которой я сижу на льду?

Я дернулся и открыл глаза.

– Да ты спи, раз сморило, – мирно заметил Миша, – сейчас еду принесут, так мы тебя разбудим, не боись.

– И, кстати, не пора ли поставить чайник, – предложила невидимая Нинон, – как раз закипит.

– И то верно.

Алюминиевый чайник, как из школьной столовой, был водружен на печку.

Приснилось? Мне все приснилось? Тогда или сейчас? Может, я замерзаю возле поваленного дерева, и угасающий мозг выдает утешающую картинку, чтобы легче было уснуть под вьюгой.

На всякий случай я решил пошевелить поврежденной ногой, и чуть не взвыл от боли. Нет, пожалуй, бомжатник вполне реальный. Да и мозг вряд ли смог бы додуматься до такого утешения.

Когда крышка на чайнике начала пританцовывать, а носик испускать белые облачка, ввалился Леонидий с кучей пакетов.

– Ребят, там такой ветер поднимается, не дай бог! – жизнерадостно сообщил он. – Замерз, как собака!

– Чего принес? – ворчливо спросил Черный.

– Да много чего. Главное, вот.

Он достал прозрачную пластиковую коробку, в которой в бумажных оборках-юбочках красовалось шесть пирожных. Много белых взбитых сливок, кремовые розочки, цукаты и шоколадная стружка.

– Ах, прелесть! – воскликнула Нинон.

– И ты будешь это есть? – недоверчиво спросил Черный. – А как же фигура?

– Да чего уж теперь о фигуре переживать.

– И еще вот. Шампанское для прекрасной дамы!

Леонидий достал из кармана маленькую бутылочку на двести миллилитров.

– Совсем сдурел? Деньги на всякую хрень тратишь!

– Спокойно! Это я на кассе спер. Совершенно бесплатно, от всего чистого сердца.

Перед печкой, где посветлее, водрузили журнальный столик – раньше полированный, теперь непонятно какой. Ножки у него были подпилены, и теперь сидеть вокруг него нужно было на полу. Что-то такое в азиатском духе.

– О, чайник вскипел. Вовремя.

Кипятком залили доширак. Нарезали хлеб и колбасу, почистили пару луковиц. В середину композиции водрузили бутылку водки. По-прежнему, самой дешевой. Ну, а на что было рассчитывать? Что «Онегина» принесут?

Я с благодарностью заметил, что ко всему этому полагаются абсолютно новые одноразовые стаканчики.

– Дим, пошли ужинать. Ты как, до стола доберёшься?

– Да уж как-нибудь.

Пару метров мне вполне удалось преодолеть.

Появилась Нина, застенчиво прячась за спины товарищей, и устроилась на дальнем конце стола.

Черный аккуратно разлил водку по стаканчикам.

– Ну, – сказал он, – за тебя, Дим. Если бы Миха на тебя не наткнулся, ты б в том лесу коньки отбросил.

– Спасибо, – с чувством ответил я.

Есть не сильно хотелось. И объедать местных жителей совесть тоже не позволяла. Хотя вроде я спонсор банкета.

Я расправился со своей лапшой, выпил два раза по сто грамм, и тихо отполз спать. Остальные тоже не засиделись.

Ночь прошла мучительно. Невозможно было пошевелиться, чтобы колено не отомстило за это. И лежать неподвижно тоже было невозможно. Я совсем не хотел, но пару раз застонал сквозь зубы. Вокруг храпели и сопели, и на стон никто не обратил внимания. Ну, надеюсь, что никто не обратил.

Я проснулся, когда чайник на печке уже пел свои песни. Часы показывали без чего-то девять. Значит, за стенами бомжатника относительно светло.

– Что, проснулся? – спросил Миша. – Сейчас чай пить будем. Или хочешь кофе? Кофе тоже имеется.

Чаю хотелось, но не из общей посуды.

– Спасибо. Но мне, наверное, пора выбираться. Кто-нибудь сможет проводить до дороги?

– Отчего же не проводить. Тут недалеко совсем. Но, может сначала завтрак?

– Да я не ем по утрам.

– Вот это ты зря. Сразу пойдем?

– Если можно.

Я попытался встать, цепляясь за стену. Черный, довольный, что гость наконец-то покидает это гостеприимное жилище, да еще и от жратвы отказывается, ухватил меня за руку и рывком поставил на ноги.

– Ну, бывай! – он даже соизволил хлопнуть надоевшего гостя по плечу. – Давай, Мих, не задерживайся. А то без тебя все сожрем.

Дорога и правда оказалась недалеко. Если иди не по расчищенным цивилизованным дорожкам, а ломиться напрямую.

Миша устроил меня на скамеечке на автобусной остановке.

– Может, посидеть с тобой? – не слишком уверенно предложил он.

– Миш, спасибо за заботу. Через несколько минут такси подъедет. Ничего со мной не случится.

– Ну ладно, береги себя.

– Постараюсь.

– Ну, я пойду тогда?

– Давай, Миш. Пока!

– Пока!

Где-то в начале улицы за лесом стояли дома. Там, наверное, вовсю жизнь кипела. А здесь прохожих совсем не было, и только изредка мимо проезжали машины. Было хорошо и тихо сидеть на пустой остановке.

Сам сесть за руль я точно не смогу. Следующий день после вывиха самый скверный. Завтра будет чуть-чуть легче, но сегодня все отвратительно. Хорошо, что на свете существует такси. Мне пообещали, что машина будет через четыре минуты.

Значит, максимум через час я буду дома. Первым делом нужно каким-то образом залезть в ванну и хорошенько отмыться. И почему я до сих пор не озаботился поставить душевую кабинку? Сейчас бы с ней было гораздо проще. Потом позвонить Феликсу и получить от него заслуженных звездюлей. Дело-то фактически провалено. Ну, а после нагоняя можно выпить горячего чая. Или хорошую порцию коньяка. И плевать, что еще утро.

Рядом затормозила машина. Не такси. Она пролетела вперед, а потом задним ходом, с визгом, подрулила к остановке. Из нее вылезли двое.

Ну вот и нашли меня, зря только всю ночь прятался. Не ожидал такой настырности.

– Иди в машину, – сказал один. У него были мягкие рыжеватые волосы неопределенного оттенка. При хорошей стрижке мог бы считаться блондином. Но стрижка у него была плохая.

– По хорошему иди.

– Да что ты с ним цацкаешься, Лех, – встрял второй, – щас мы его враз упакуем.

Он потянул меня за куртку, и я ударил его под ребра. А когда он начал кривиться в сторону, ухватил за плечо и толкнул в сторону блондинистого Леши. Получилось неожиданно хорошо. Оба чуть было не упали и им потребовалось секунды три, чтобы восстановить равновесие. За это время можно было легко убежать, если бы я в принципе мог сейчас бе-

гать. А проковылять несколько шагов и быть легко пойманным смысла не имело. Лучше не позориться.

В это время подъехало обещанное такси. Водитель припарковался в сторонке и наблюдал за происходящим. Все правильно. Я бы тоже не стал вмешиваться неизвестно во что.

Меня быстро запихали в машину на заднее сидение.

– Опусти голову, – приказал Леша и натянул мне капюшон до самых глаз.

Ну, это лучше чем мешок. Гораздо лучше.

***

Помещение напоминало пустой склад. Только стол и несколько табуреток, грубо сколоченных из досок. По углам всякий хлам. Окон, разумеется, нет, зато на потолке лампы дневного света. Одна из трубок, как и положено, мигала, издавая звук умирающей цикады.

На этих табуретках сидели двое. Один хозяин русалки, другой с глазами, как темный янтарь, расплавленный и тягучей.

– Я же сказал, без дела не калечить, – недовольно заметил желтоглазый.

– Да мы его пальцем не тронули, – как-то неуверенно возмутился один из конвоиров, – это он мне чуть печень не вынес.

– Он ногу подвернул, когда в окно прыгал, – сухо сообщил хозяин русалки.

– Хорошо, господин Кислов, вы можете идти. Дальше мы сами как-нибудь справимся.

– Но я…

– Идите. У вас наверняка много дел.

– А, да. Много.

Он действительно пошел на выход, по дороге одарив меня злобным взглядом.

– А ты проходи, садись, – желтоглазый указал на табуретку, – тебе же трудно стоять.

Заботливый!

Табуретка оказалась прибита к полу.

– Ты был у этого господина в доме?

– Был.

– Взял что-нибудь?

– Взял.

– Куда дел?

– Не знаю.

Желтоглазый слегка приподнял брови.

– Очень интересный разговор получается. Давай с начала.

– Я был в квартире. Нашел флешку в виде русалки. У нее хвост зеленый с позолотой. Хозяин пришел раньше, чем ожидалось, пришлось прыгать в окно. Второй этаж, не так страшно.

– Флешку куда дел?

– Положил в карман куртки.

– И где она сейчас?

– Не знаю.

– Давай сюда куртку. Леша, помоги ему.

Куртку тщательно обыскали. Не только карманы и подкладку, но даже швы прощупали.

– Нет здесь ничего, – сообщил Алексей.

– Куда дел русалку? – спросил желтоглазый.

– Скорее всего, потерял.

– Где?

– Возможно, когда из окна прыгал.

– Леша, обыщи его.

– Ща обшмонаем по полной программе. Если он ее не проглотил, то найдем.

Ничего они не нашли, разумеется.

– Все так плохо, – вздохнул желтоглазый, – ну что же, пойдем другим путем.

– Можно начинать, Павел Сергеевич? – оживился Алексей.

– Начинай.

Блондинистый приковал мои запястья наручниками к задним ножкам табуретки.

Вот если бы не чванился и попил с бомжами чай, то на автобусную остановку пришел бы позже. Эти мелкие шавки давно бы проехали мимо, а я был бы уже дома, выслушивал по телефону маты Феликса и пил бы коньяк из пузатого бо-

кала. Но что уж теперь.

Алексей порылся в куче мусора и извлек что-то, похожее на стальную трубку. Прикинул ее вес в руке и остался доволен. Я приблизительно догадывался, что будет дальше и восторга не испытывал.

– Какая нога у тебя бо-бо? Правая или левая? – уточнил он. – Ага, вижу что левая. Ну что, приступим?

Было нестерпимое желание как-то извернуться и спасти многострадальное колено. Но, с другой стороны, если они хотят искалечить меня окончательно, они это сделают, даже если я спрячусь под табуретку. А судорожные кривляния только позабавят. Я зажмурился и изо всех сил постарался не шевелиться в ожидании удара. И не дрожать. Ладно, дрожать можно.

– Подожди! – прервал действие желтоглазый. – Это нерационально.

– Что?

– У него только две ноги. А пальцев двадцать.

Несколько секунд Алексей не понимал, о чем идет речь. Потом лицо его просветлело, губы изогнулись в ухмылке.

– И правда, – согласился он и отбросил трубку. Потом с грохотом придвинул стол. Столешница была плохо отшлифована, и можно легко подцепить занозу. Под ноготь, к примеру. Интересно, куда поведет фантазия блондинчика. Хочется верить, что его мозг достаточно примитивен, ничего изощренного не родит. Хотя самый простой подход зачастую

самый действенный. Если начать, к примеру, отрезать пальцы, что будет важнее – мои пальцы или верность конторе?

Алексей освободил мою левую руку и потянул ее к столу. Я сжал кулак. Не поможет, но хоть отсрочит неизбежное. От безысходности в животе было холодно и тоскливо.

Алексей прижал запястье к столешнице и аккуратно начал распрямлять мизинец. А потом в какой-то момент резко завернул его вверх и в сторону.

Я успел подумать: «Боже, какая ерунда!». И тут боль вцепилась в плоть острыми зубами.

– Ага. Проняло, – удовлетворенно заметил мастер пыточных дел.

– Так где ты обронил русалку? – продолжил допрос желтоглазый.

– Возможно, возле дома.

– Ладно, дальше куда ты пошел?

– В лесопарк. Там аллея такая, насквозь проходит. Я по ней бежал.

– И потом куда делся? Где ты ночь провел?

– Там, на другой стороне стоят дома. Вот в одном из них на лестнице я спал.

– В каком?

– В том, что правее. Второй подъезд. Поднялся на лифте на самый верх. Там батарея на лестнице. Тепло.

– И что, подъезд был открыт?

– Нет, конечно. Но если дернуть дверь посильнее – откры-

вается.

– На какой этаж ты поднялся?

– Последний.

– Какой по счету?

– Понятия не имею.

Желтоглазый кивнул Алексею. Тот взялся за самый беззащитный безымянный палец. И без всяких прелюдий и сантиментов сломал его. Но это и хорошо, что без прелюдий.

Я сидел и сквозь зубы втягивал густой вязкий воздух.

– Давай еще раз. Где ты мог потерять флешку?

– Под окном. На аллее. На лестнице, – отстраненно перечислил я, – хотя на аллее вряд ли.

Вокруг ламп вдруг появился зеленый ореол. Потом синий. Потом красный. Эдакие бензиновые разводы на потолке. Красиво.

– Он сейчас отключится.

– Дай ему воды.

В губы ткнулось горлышко пластиковой бутылки. Я жадно глотнул. Вместо воды в меня влилось что-то приторно-сладкое и сильно газированное. Кока-кола. Праздник к нам приходит. Во рту тут же образовался странный привкус, но кофеин немного взбодрил.

– А проверить придется. И подъезд, и под окном, – заметил желтоглазый.

– Так сколько времени уже прошло! Лестница ладно. Там не сильно народ шарится. Но у дома! Там же и дворники, и

школьники, и собачники.

– И тем не менее.

– Ладно. А мне это… продолжать?

– Не нужно. Запри его и отправляйтесь на поиски пока светло.

– Ничего мы там не найдем.

– Лучше бы нашли. Для всех лучше.

Алексей освободил вторую руку, и я кое-как проковылял под конвоем в комнату. Вернее, в камеру. Она была большой и холодной. Из обстановки только двухъярусная кровать, раковина и унитаз. За спиной захлопнули дверь и, судя по звуку, задвинули огромный железный засов.

Я добрался до кровати, залез под колючее солдатское одеяло и закрыл глаза. Заснуть сейчас было бы самым оптимальным. Но не получалось. Хорошо бы перевязать пальцы, хоть как-нибудь. Раньше у всех имелись нормальные платки, из них получались вполне пристойные повязки. А теперь эти бумажные салфетки. Одноразовые. Какой от них толк?

Надо встать и дойти до окна. На нем, кстати, решетка. Это мало что даст, но вдруг я увижу Останкинскую башню или Федерацию Москва-Сити? Может, хоть немного сориентируюсь на местности.

Окно было на противоположной стене – невообразимая даль. И еще оказалось высоко. Чтобы выглянуть, пришлось ухватиться за решетку и подтянуться на одной руке. И что я увидел? Забор с витками колючей проволоки. За забором

голые черные деревья, скорее всего липы. И больше ничего. Обычная промзона, таких дофига в Москве.

С досадой вернулся на кровать – результат не стоил затраченных усилий. Ну и черт с ним.

Я свернулся клубком, зажал покалеченные пальцы между коленей и натянул одеяло на голову.

На следующее утро меня разбудил скрежет засова. Второй охранник, не Алексей, притащил пластмассовый поднос и пихнул его на кровать. Кружка с чаем и два бутерброда с сыром. Вот уж не думал, что тут завтрак в постель подают.

После суток воздержания есть хотелось. Сыр выглядел вполне привлекательно, и хлеб казался мягким и свежим. Только если сегодня будет продолжение с ломанием пальцев, желудку лучше оставаться пустым. А вот чай был кстати.

– Пожрал? Тогда пошли. Тебя там ждут.

Я поставил кружку на поднос. Поднос на пол. Посмотрел и немного подвинул, чтобы не мешался.

– Хватит возиться. Пошли.

Мы опять оказались в том пустом складе. Я без лишних указаний сел на приколоченный табурет, положил левую руку на стол. Пальцы посинели и опухли, смотреть на них не хотелось. Поэтому рядом я положил правую руку, согнул в локте, и опустил на нее голову.

Рядом бубнил Алексей:

– Не нашли. Я же говорил.

– Хорошо смотрели? – это уже желтоглазый.

– Да чуть всю округу носом не перерыли.

– Может дом не тот?

– Вроде тот. Дверь в подъезд действительно можно рывком открыть. Лестницу от чердака на несколько этажей вниз обыскали.

– Эй ты, посмотри сюда, – желтоглазый сунул мне телефон с картой.

Пришлось сосредоточиться. Так, лесопарк. Главная аллея, которая рассекает его на две неравные части. Дальше дома. Ой, черт, они стоят совсем не так, как предполагалось. Ну и какой из них правее получается?

– Этот, – я ткнул в один из них.

– Я же говорю, что этот, – опять начал блондин, – и подъезд рывком открывается. Что нам теперь делать?

Как же он достал с этим подъездом!

– Если флешку собака сожрала, или школьник подобрал – это полбеды. Беда, если она не по назначению попадет.

– Может, он успел ее передать кому?

– Передал, а сам остался на лестнице ночевать?

– А это мы сейчас узнаем. Эй, как там тебя, какой палец не жалко?

– Без разницы.

Мне одинаково жалко было все, что еще остались.

Такой настрой Алексею не понравился. Ему хотелось более сильных чувств. Возможно слез и истерик. Но на истерику сил не было.

Он схватил меня за руку, но тут же ее отбросил, будто это не рука, а жужелица.

– Павел Сергеевич, у него температура, – прошипел он, – высокая.

Чему удивляется? Посидел бы на ледяной земле, а потом сломал себе пару костей – и у него бы была температура. Высокая.

Подошел желтоглазый, положил ладонь мне на лоб.

– Ты запахи различаешь?

Я пожал плечами. Его туалетная вода вполне чувствовалась – горький цитрус с ноткой ванили. И еще очень слабо запах черной смородины. Крем для рук, что ли.

– Отведи его обратно в комнату от греха подальше, – распорядился желтоглазый.

Меня снова заперли в камере. Хотелось пить. Но воды, конечно, никто не озаботился принести. Я с минуту думал, потом пошел к раковине. Открыл кран. На вид вода была вполне чистой, остальное в данный момент меня мало интересовало. Пил долго, почти с наслаждением. Вода была прохладной, хоть и странного вкуса.

Потом, с помощью зубов, я оторвал от ветхой наволочки длинный лоскут и кое-как примотал безымянный палец и мизинец к среднему. Стало чуть легче. Почему вчера до этого не додумался?

Начался озноб. Тонкое одеяло никак не помогало. Не страшно – немного потерпеть, и на место озноба придет жар.

Было еще светло, когда пришел Алексей и зашвырнул в камеру две медицинские маски.

– Надевай. Обе. И пошли, – распорядился он.

Странно, но пошли мы не на очередной допрос, а в гараж. Конвоир открыл заднюю дверь машины.

– Садись, – приказал он, – и не смей дышать в мою сторону. И в окно не смотри, тебе незачем.

Я и не смотрел. Закрыл глаза и очень скоро куда-то провалился.

Очнулся от холода. Я в одной футболке сидел на той же самой автобусной остановке. Куртка была накинута на плечи. Я поспешил надеть ее как следует и застегнуть молнию. Несколько минут просто трясся в ознобе, потом решил проверить карманы. Надо же, телефон на месте. И даже работает.

Я вызвал такси. Машину обещали через восемь минут. Значит максимум через час я буду дома.

***

Через восемь дней я шел по снегу, сильно хромая. Но все-таки шел, вполне самостоятельно. Левая рука была загипсована почти до локтя. А в правой я тащил увесистый пакет. Консервы, сыр, колбаса, растворимый кофе, три бутылки водки «Парламент» и коробка белоснежных конфет «Рафаэлло». Их выбрал, потому что они легкие. Невесомые. По-

чти как снежинки.

Я потоптался у двери бомжатского убежища, потом постучал, чувствуя себя невозможно глупо. Это как стучать в трансформаторную будку.

Долго царила тишина. Я уже подумал, что ошибся, неправильно запомнил дорогу.

– Кто приперся?

Дверь приоткрылась. Черный выглянул одним глазом.

– А, это ты. Чего надо?

– По делу.

Я всучил ему пакет, который отмотал мне всю последнюю здоровую руку.

– Раз по делу, то проходи, – согласился Черный, оценив вес гуманитарной помощи.

– О, Димка! – обрадовался Леонидий. – Сейчас завтракать будем. Давай к столу.

– Да я не ем по утрам.

– Что, совсем?

– Совсем.

– А с рукой-то что?

– Когда из окна прыгал и ее повредил. Только сразу не заметил.

– Эк ты неаккуратно. Но ничего, до свадьбы заживет.

– Ты по какому делу-то? – спросил Черный, разбирая пакет.

– Я к Мише. Миш, можешь показать то место, где ты на-

шел меня?

– Отчего же нет. Могу, конечно, – откликнулся тот, – когда? Прям сейчас, небось?

– Да нет. Это не срочно. Подожду.

– Чего тебе в нашей норе ждать? Пойдем, отведу. Авось без меня все не съедят.

– Иди, иди, – согласился Черный, – все равно еще чайник не закипел.

Место выглядело совсем не так, как помнилось. Я бы мог тут пройти много раз и не узнать его. Стянул перчатку и с сомнением провел рукой по шершавому стволу. Так, вот дупло. Я запустил в него пальцы и вытащил русалку. Дешевая позолота на зеленом хвосте тускло блеснула в бледном свете зимнего дня.

– Ты за этой штукой приходил? – спросил Миша.

– За ней.

– Теперь все хорошо?

– Надеюсь.

– Ну и славно. Теперь что?

– Проводи меня до норы. А дальше я дорогу помню.

– Ты смотри, из окна в следующий раз аккуратней прыгай.

– Я постараюсь.

Андрей ждал на своей синей Kia недалеко от автобусной остановки. Когда я вышел из-за деревьев, сердце стучало чаще и громче, чем положено. Но посторонних машин вроде не было видно.

– Ты что дышишь, будто марафон пробежал? – удивился он.

– Думаешь легко по сугробам с больной ногой прыгать?

– А что по сугробам-то? Дорожки почищены.

– Я только по сугробам дорогу помню.

– Псих ненормальный. Куда тебя везти?

– К Феликсу.

– Отвезу. Но подниматься не буду.

– Боишься? Ты-то в этой истории вообще ни при чем.

– Не хочу под горячую руку попасть. Береженого бог бережет.

– Мог бы и поддержать старого больного товарища.

– Иди ты знаешь куда, старый больной товарищ!..

У Феликса в кабинете стояла елка – золотые шары и стрекозы. Нестандартно.

– Жена придумала, – перехватив мой взгляд, пояснил шеф.

Это вселяло надежду. Жену Феликс любил. Не станет же он убивать меня рядом с елкой, которую она наряжала.

Я положил на его стол зеленохвостую флешку.

– До Нового года четыре дня, – заметил шеф.

– Угу.

– Ты безбожно затянул сроки, но в последний момент все-таки успел.

– Я раньше не мог, с температурой валялся.

– С температурой, с рукой и ногой.

– Угу.

– Ладно, живи пока.

– То есть, я могу идти?

– Иди, конечно.

– А можно вопрос?

– Попробуй.

– Кто такой Павел Сергеевич?

– Племянник Оскара Ивацеева. Он теперь руководит фирмой и является нашим непосредственным конкурентом.

Это значит, что с блондинистым Лешей мы еще встретимся на кривой дорожке. И не раз. Сколько у него там пальцев в наличии?

– Тебе когда обещали гипс снять?

– В январе.

– Вот до этого мне на глаза и не показывайся.

Ничего не делать еще две недели? Это ж с ума сойти можно.

– Но я мог бы…

– Да? Что, например?

От меня требовалась в основном физическая сила. Сейчас в этом плане я бесполезен.

– Нет, ничего.

– Вот и иди домой, отдыхай.

Я поплелся на выход. Уже взялся за ручку двери, когда Феликс произнес:

– С Новым годом. Наступающим.

Его голос был вполне дружелюбным. И это вселяло надежду.

– С Новым годом, – ответил я и вышел.

Селеста

Бертран был истребителем. За это хорошо платили. Он мог избавиться от кого угодно – хоть от князя из соседнего королевства, хоть от болотной ведьмы. Только князей ему никто не заказывал. Как будто считали, что его умения, или, скорее, происхождения, для этого недостаточно. Было обидно. Правда свои огорчения Бертран никогда не показывал, и спокойно имел дело со всякой нечистью. Бог с ней, за нее тоже хорошо платили. А деньги были нужны.

Деньги были нужны для Селесты. Для прекрасной Селесты. Она его жена уже почти год, и все-равно он терял дыхание, когда смотрел на нее. И никак не мог поверить в свое счастье.

И счастье длилось недолго.

Бертран только вернулся после тяжелой работы – нужно было избавиться от лесного змея. Тварь оказалась вполне разумной, в руки не давалась, в ловушки не шла. Но зато местный барон и заплатил за его шкуру целый кошель серебра. Не такой уж и большой кошель, но все же. Селеста будет довольна.

В небольшом городке, который был по пути, он купил ожерелье из прозрачных цветных камушков. В солнечных лучах они сияли как настоящие рубины и изумруды.

Но дарить ожерелье оказалось некому.

Десять дней назад Селеста пошла за ягодами. И надо ж беде случиться – в это же время в лесу охотился графский сынок. Он подхватил ее и увез в свой замок, тому были свидетели.

И один из них, Митей, вздорный мужичонка, стал рассказывать Бертрану, что вовсе это было не случайное похищение. И что встреча условлена заранее. И что Селеста села на коня добровольно и радостно. И целовалась она с графским сыночком сладко под пение птиц.

Бертран ударил его в челюсть так, что Митей отлетел на пару шагов. И еще предупредил, если тот посмеет дальше порочить имя жены, выбьет ему остатки зубов. И язык вырвет, чтобы ядом не капал.

Митей ушел, злобно поскуливая, а Бертран опять начал собираться в дорогу. Графский замок не так далеко, и подойти к нему лучше ночью. Июльские ночи хоть и коротки, но темны.

***

– Какого черта, нужно было купить лошадь!

Город уже был виден, над ним черной громадой возвышался замок с зубчатыми стенами.

Солнце клонилось к закату, но Бертран надеялся, что успеет войти в ворота до их закрытия.

Дорога хорошо укатана, и пыль мягко пружинила под но-

гами. По обеим сторонам дороги стояли виселицы, сейчас пустые. Только на одной что-то болталось. Вернее, кто-то. Судя по размеру босой ноги – женщина или ребенок.

– Не ходил бы ты туда, куда идешь.

Бертран вздрогнул от неожиданности, потянулся за широким мечом. Но, слава Всеблагому, это не висельник говорил – на обочине стоял человек. Полой плаща он прикрывал фонарь, свеча в котором едва теплилась. Может поэтому истребитель его не заметил? Хотя быть такого не может.

– Ничего хорошего тебя там не ждет, – продолжал незнакомец.

– Я знаю, – Бертран нервно облизал губы, – потому что все хорошее у меня отняли.

– И ты хочешь это вернуть?

– Хочу.

– А если не получится?

– Если не получится вернуть, хотя бы отомщу вору.

– Подумай еще раз. Тебе не жалко свою голову? Куда ты ее суешь?

– Нет. Не жалко.

– Дело твое, – усмехнулся незнакомец.

Он запахнул плащ, спрятав фонарь, и будто растаял в сумерках. Как будто его никогда и не было.

Бертран подавил желание пойти и поискать его. Нет времени на глупости, нужно успеть в город до закрытия ворот.

Где-то далеко, у самого края земли, зарождалась гроза.

Это хороший знак. Дождь укроет, смоет все следы.

Бертран смотрел на высокие стены. Стража не обращала на него внимания – видимо, привыкла к зевакам. Солнце уже упало за горизонт, даря последние отблески света.

Истребитель неторопливо двинулся вдоль замка. Он уже здесь, на месте, так что никакой суеты. Войдет, когда посчитает нужным. Войдет и заберет свое сокровище, свое счастье, свою Селесту.

С трех сторон замок окружал город. А с четвертой был овраг. Обрыв. Почти отвесный и каменистый. Наверное эта стена считалась неприступной и почти не охранялась.

Он шел по узкому, всего в две ладони, уступу, пока не нашел подходящее место. Вставляя ножи в трещины между камней, Бертран начал взбираться. Это было бы нетрудно, если бы не плечо, укушенное тем лесным змеем. Оно все еще болело и временами будто немело. Только бы сейчас не подвело.

Замок встретил его сонной тишиной. Куда теперь идти? Вряд ли Селесту держат в темнице. А вот в башне могут. Сколько здесь башен?

Нужен кто-то, кто сможет проводить его. Мальчишка с ведром помоев, уныло бредущий на задний двор, явно в этом не поможет.

Тут приоткрылась какая-то дверь, и из нее почти выпал почти молодой человек, на ходу поправляя одежду. Красно-зеленая куртка давала надежду, что это тот самый нуж-

ный проводник.

Бертран прихватил его за шею и легонько ткнул остриём ножа в левую почку.

– Эй, ты неправильно подумал! – сдавленно запротестовал красно-зеленый. – Я только помог воды принести. Я пальцем до нее не дотронулся, вот клянусь чем хочешь!

– Не нужно мне твоих клятв.

– А что нужно? Денег у меня нет. Это вы с ней на пару такое удумали, обирать честных, доверчивых людей?

– Если не заткнёшься, я тебя убью.

– За что? Я же ничего плохого не сделал!

– Да и хорошего тоже не сделал.

– А, ну… ладно.

– Ты знаешь, где держат госпожу, которую привезли совсем недавно?

– Прекрасную, как майский день?

– Да.

– Конечно знаю.

– Отведи меня к ней.

– И вы меня не убьете?

– Нет.

– Точно?

– Если проводишь, то будешь жить.

– Пошли тогда. Чего время-то тянуть?

Комната была не заперта. Красно-зеленый просто толкнул дверь и отступил в сторону, но Бертран схватил его за шиво-

рот и затолкал внутрь. И тут же замер, забыв разжать кулак, в котором комкал разноцветную ткань.

Перед ним, прижав руки к груди, стояла его солнце, его счастье, его жена Селеста.

– Ты! – изумленно выдохнула она.

– Пришел за тобой, – Бертран неожиданно смутился, – я ведь перед богом и людьми клялся всегда быть рядом. Чтобы не случилось. Пойдем, у нас мало времени.

– Куда? Куда пойдем?

– На стену. Нужно уходить.

– А дальше куда?

– Я тебя спрячу. Ты не рада?

– Почему спрашиваешь?

– Ты стоишь так отчужденно.

– Как я могу подойти, если ты держишь этого перед собой, как щит.

Бертран с удивлением разжал кулак. Он и думать забыл про пленника.

– Вы обещали не убивать меня! – поспешил напомнить тот.

– Не убью.

Бертран резко ударил его кулаком в шею и оглядел комнату, ища, куда припрятать обмякшее тело. На глаза попался сундук. Он быстро сунул туда красно-зеленого на какие-то тряпки и захлопнул крышку.

– Бертран, – тихо позвала Селеста, – Бертран, ты теперь

презираешь меня?

– Почему? – изумился он.

– Потому что я… потому что он…

– Не говори глупости. Сначала я спрячу тебя. Потом вернусь и убью ублюдка. Своей кровью он очистит твое имя.

– Бертран!

– Нужно торопиться. Пошли.

Гроза приближалась, воздух пах дождем и ветром. Волосы Селесты растрепались. Она взглянула вниз со стены и отшатнулась.

– Там же пропасть. Бездна! Я не смогу.

– Смори, у меня есть веревка, на ней узлы. По ним очень легко спускаться. Ты будешь у меня на спине. Закроешь глаза, чтобы не бояться. Мы спустимся легко и просто. Ты веришь мне?

Селеста подошла совсем близко, положила ладони на плечи мужа, прижалась губами к его твердым губам.

– Я верю тебе, – ответила она со страхом и восторгом.

***

Мой муж истребитель. Он всегда говорил, что может избавиться от кого угодно. Хоть от князя из соседнего королевства, хоть от болотной ведьмы.

Я думала, он просто хвастает. Гоняться за нечистью по лесам и болотам – это он мог. Но проникнуть в замок за высо-

кими стенами, когда вокруг стража и слуги, не так уж просто.

И вот сейчас он стоит передо мной, такой сильный и уверенный, что можно опять влюбиться в него. Это мне урок – я не должна была сомневаться. Никогда нельзя сомневаться в своем муже.

Мой Бертран пришел за мной и не упрекает ни в чем. Хотя какая я теперь ему жена. Хендрик увез меня, и я живу в его замке почти полмесяца. Как раз от полнолуния до новолуния.

– Пойдем, – торопил он, – нужно уходить.

– И ты примешь меня … такой? Что скажут люди?

– Я спрячу тебя. Потом вернусь за графским ублюдком. Своей кровью он очистит твое имя.

– Бертран!

– Пойдем.

Вот-вот начнется гроза. Ветер унес шелковую ленту, растрепал волосы. Я взглянула вниз со стены. Там была тьма. Как Бертран смог по ней подняться? И как собирается спуститься?

– Ничего не бойся, – сказал мой муж, – верь мне.

И в это мгновение я поверила. Он увезет меня, спрячет так, что никто не найдет. А потом он вернется и убьет Хендрика. Моего Хендрика. Отца ребенка, который должен родиться еще до весны.

Я прижалась к груди Бертрана и коснулась губами его губ. Какой красивый и сильный у меня муж. Жаль только бедный.

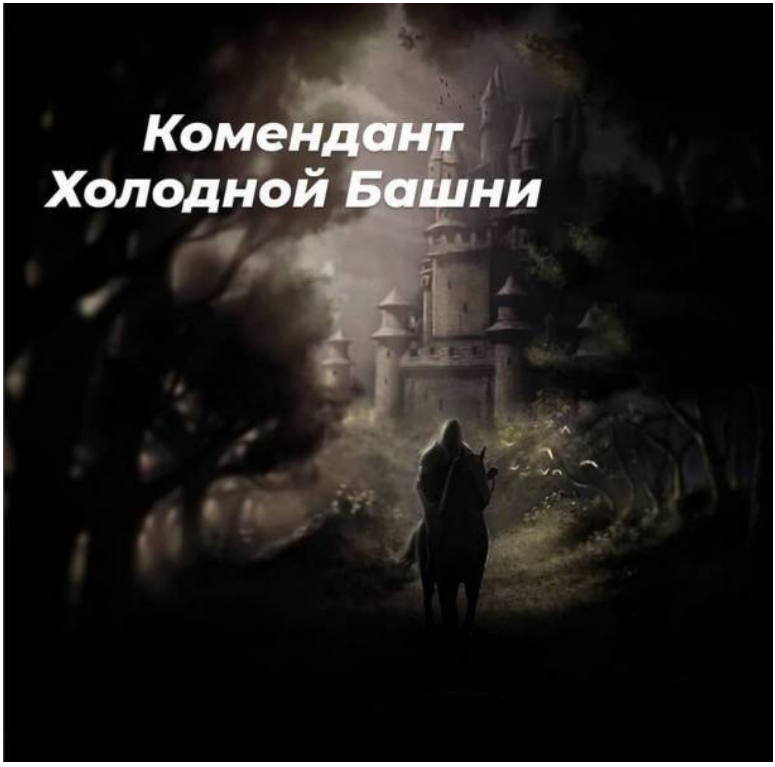
Мы стояли у края стены, и я лишь слегка толкнула его. Почти незаметное усилие. И он упал в бездну.

Падал молча, и только в самом конце, когда камни встретили его тело, послышался слабый вскрик, похожий на всхлип.

И в этот миг над миром разразилась гроза. Ветер швырнул мне в лицо влагу, похожую на небесные слезы.

Дождь – это хорошо.

Дождь смоет все следы.


Комендант
Холодной Башни

Комендант Холодной Башни

Небо постепенно темнело, и под кронами деревьев сгущался сумрак. Гром начал спотыкаться. Рин решил остановиться и дать коню отдых – четверть часа уже ничего не решали, приехать к Башне до заката он все равно не успеет.

Гром начал ощипывать листья с какого-то куста. Дул холодный резкий ветер. Такое ощущение, что сейчас не конец августа, а середина ноября. Рин плотнее закутался в плащ и посмотрел на верхушки деревьев, которые раскачивались на фоне темно-синего неба. Зрелище завораживало, шум листьев заполнял пространство. И поэтому он пропустил самое важное.

Сгусток тьмы упал на него, придавив своей тяжестью. Рин, как при вспышке молнии, увидел перед собой оскаленную пасть. Когтистая лапа взметнулась, намереваясь порвать жертву.

Рин почти не глядя, почти не понимая, что делает, вадил нож в звериное горло, резко повернул и попытался выбраться из-под туши. Зверь взвыл так, что, казалось, весь лес услышал. Заскреб лапами землю, забился в судорогах, а потом вдруг замер и обмяк, как будто никогда и не был живым.

Рин был сильно удивлен, что сумел избежать когтей. Он поднялся с земли и долго стоял, дожидаясь, когда руки перестанут дрожать, а сердце вернется к нормальному ритму.

Гром стоял невдалеке, насторожено глядя на происходящее. Если бы на хозяина напал человек, он бы ринулся на защиту. Но дикое существо его пугало.

– Иди сюда, – позвал Рин, – все, он умер. Уже не страшно.

Конь фыркнул, вскинул голову, переступил ногами, но остался на месте. Даже немного попятился, так что хозяину пришлось идти к нему. Он крепко взял коня под уздцы и повел, не обращая внимания на сопротивление.

Рин хотел оставить зверя так и валяться на лесной дороге, но ему понравился мех, отливающий в сумраке лунным серебром. Стало жалко добычу. Несмотря на недовольство Грома, он взвалил тушу на спину коня, сел в седло и погнал галопом к Холодной Башне.

Когда он добрался до Башни, солнце уже село, и только край неба подсвечивался бледно-синим. Ворота, разумеется, были заперты. Стены высились неприступной громадой, сливаясь с чернотой ночи, только кое-где в бойницах мелькал огонь факелов.

Рин спешился, бросил поводья на луку седла и застучал кулаком в ворота.

– Что тебе надо, путник? – спросили откуда-то сверху. – Шел бы ты своей дорогой.

– Открой ворота.

– Эти ворота после захода солнца не открываются.

– Даже для меня?

– А ты кто такой-то?

– Ваш комендант.

– Ха! У нас нет сейчас коменданта.

– Разумеется нет, раз я за воротами.

Возникла пауза. Наверное там, наверху, кто-то был в замешательстве.

– Шел бы ты своей дорогой, путник, – произнес тот же голос, но был в нем слабый оттенок неуверенности, – эти ворота после захода солнца не открываются.

– Ну и ладно, – Рин посмотрел, как Гром равнодушно щиплет жухлую траву, сел на землю и привалился спиной к воротам, – значит буду ночевать здесь. Утром поговорим.

Среди вещей, которые он с собой взял, был плащ из меха лисицы. Он брал его на зиму, кто ж знал, что тут и летом жить невозможно. Если достать его, вполне можно дотянуть до утра, а обычным шерстяным плащом прикрыть Грома. И еще, что важно, есть почти полная фляга пойла из последнего трактира.

Он уже собирался расседлать коня, когда заскрипела калитка, приоткрывшись буквально на ладонь.

– Эй ты, путник, – крикнули ему, – иди быстрее. Промедлишь – пеняй на себя.

Рин подхватил коня под уздцы и шагнул вперед. Калитка перед ним распахнулась и сразу захлопнулась за хвостом Грома. Конь недовольно дернулся.

– Кто ты такой? – спросил человек с седыми висками, и голос его был совсем не приветливый.

– Граф де Шенто. А ты кто?

– Я сержант Санти. И в отсутствие коменданта главный здесь я.

– Чудесно. Я ваш комендант.

Рин сунул ему бумаги, которыми его заботливо снабдил секретарь герцога Лавиньельского.

– Поль, посвети, – недовольно сказал сержант и начал читать, хмурясь и шевеля губами.

«Он вообще грамоте обучен?» – с досадой подумал Рин.

– И заберите кто-нибудь эту падаль, – он спихнул с коня мертвого серебряного зверя. Тот шмякнулся на камни.

Воцарилась тишина.

– Где вы взяли это? – спросил сержант со странной интонацией.

– В лесу, где же еще.

– Вас разве не предупреждали, что в темноте нельзя ехать через лес?

Видимо, предупреждали. И секретарь герцога, и хозяин последнего на пути трактира. Только он был слишком занят своими проблемами, чтобы слушать.

– Вы один были?

– Естественно.

– И на вас напал белеск?

– Напал.

– И как вы сумели его убить?

– Ножом, – ответил кто-то, разглядев рану на горле зверя.

Опять наступила тишина. Рин спрятал левую руку под плащ, потому что она начала предательски дрожать. Тут сержант наконец-то дочитал документ.

– Господин комендант, – не слишком уверенно сказал он, – мы вас не ждали. Во всяком случае, не так поздно.

– Неважно. Проведите меня в мою комнату. Здесь есть моя комната? Обсудим все утром, если никто не против.

На самом деле Рин хотел выпить что-то горячее – бульон, суп или, на худой конец, просто воду. Но не стал говорить об этом. У него было пойло во фляге и орехи в меду, на сегодня хватит. А утром уже можно разобраться, что к чему здесь и как.

– Вашего коня устроят, не беспокойтесь, господин комендант. Я провожу вас. Поль, Сэм, принесите дрова в комнату!

Дрова принесли, но как-то совсем немного. Камин зажгли, хотя комната была настолько сырой и выстуженной, что это никак не спасало. Рин надеялся, что хоть Гром устроился с большим комфортом. Содержимое фляги и сладкие орехи не слишком улучшили ситуацию.

Он решил лечь спать, но проснулся от холода, когда за окном было еще темно. Дрова прогорели и уже подернулись пеплом. Рин разыскал среди вещей меховой плащ – так и лежал до рассвета, свернувшись клубком под одеялом и плащом.

«И так теперь каждую ночь будет? – думал он, стараясь не стучать зубами. – И завтра, и послезавтра, и всегда? Я сдохну

уже в этом месяце от такой жизни».

Зачем он вообще на это согласился? Хотел сбежать. Ну вот, сбежал. Здесь его точно никто искать не станет, можно радоваться. Если бы только не было так холодно.

Дождавшись рассвета, он пошел туда, где точно должно быть тепло – на кухню.

Там действительно было тепло. Печи горели, но не так яростно, как он предполагал.

Детина с мощными бицепсами вскинул руки.

– Господин комендант! – воскликнул он. – Я не предполагал, что вы проснетесь так рано! Ваш завтрак еще не готов.

На очаге стоял большой котел, в котором варилась каша. Овсяная. Пустая, на воде.

– Это что? – спросил Рин.

– Еда для парней.

– А для меня что?

– Для вас еда в отдельной кладовке. Приготовлю, что пожелаете.

– И что в кладовке? Покажи.

Повар провел его в небольшую комнатку, где стояло несколько бочонков, лежала пара голов сыра и висели связки разных колбас. Рин решил, что с бочонками разберется чуть позже.

– Тебя как зовут? – спросил он повара.

– Эмиль, господин комендант.

– Эмиль, я буду есть вместе со всеми. Добавь в кашу эти

колбаски. Для всех.

– Но для прежнего коменданта всегда готовили отдельно.

– А для меня будешь готовить так. И еще. Я утром пью какой-нибудь травяной отвар. Если нет трав, на первый раз сойдет просто горячая вода.

– Да, я понял. Все понятно.

– Чудесно.

***

Вскоре наступил и сам завтрак. Рин, разумеется, сидел за отдельным столом на небольшом возвышении. Вместе с ним сидели сержант Санти и местный лекарь мэтр Дик.

Рин с досадой ел свою порцию каши. Овсянка, сдобренная жирными острыми колбасками, получилась вполне приемлемой. Интересно, что он будет делать, когда подадут ячменную кашу, а колбаски закончатся? И зачем было нужно устраивать этот благотворительный цирк с общим котлом?

Окончательно испортил настроение едва теплый травяной отвар.

– Здесь есть что-нибудь горячее? – раздраженно спросил он у Санти.

Сержант пожал плечами.

– Дров мало, приходится экономить.

– Я заметил, – желчно ответил Рин.

После завтрака нужно было идти обозревать свои новые

владения. Рин чувствовал внутри холодную тяжесть и не испытывал ни малейшего интереса к происходящему. Он бы зашел на конюшню проведать Грома, а потом отправился в свою комнату – лежать под одеялом. Но нет. Он плотнее закутался в меха и пошел вслед за Санти на стены.

Здесь гулял ветер, и вид был бы прекрасный, если бы не лес. Деревья подступали слишком близко. Недопустимо близко.

– Значит, дров мало? – спросил Рин, стараясь держать нейтральный тон.

Санти тяжело вздохнул.

– Мы не можем рубить деревья.

– Это почему же?

– Граф Коншеван запретил это.

Рин нахмурился, пытаясь осознать сказанное.

– Башня стоит на границе двух герцогств.

– Ну, да.

– Граф Коншеван, если мне не изменяет память, относится как раз к соседнему герцогству.

– Это так.

– Так какого черта он может здесь что-то запрещать?!

– Видите ли, господин комендант, мы на его деньги существуем.

Рин поразился настолько, что даже не выругался.

– Что? – тихо переспросил он.

Почему-то тихий голос заставил сержанта отступить на

пару шагов.

– Граф Коншеван любит охотиться в этом лесу. Иногда он приезжает и живет в крепости день или два. И он за это платит – видимо, хорошие деньги. Основная часть доставалась коменданту… бывшему. Но и нам перепадало немало.

– Прекрасно! – воскликнул Рин. – Приграничная крепость, которую содержит противник!

Он сильно пожалел, что не сможет увидеть лицо герцога Лавиньельского, когда ему сообщат об этом.

– Ну, все-таки это не другое государство, – постарался оправдаться Санти, – все мы слуги одного короля.

– Распорядись сейчас же, пусть люди идут и вырубают к чертовой матери лес на дрова. Я хочу утром пить горячий напиток. И не дрожать ночью от холода.

– Еще не холодно. Лето пока не закончилось.

– Дальше будет хуже?

– Дальше будет холоднее.

«Я точно сдохну здесь», – подумал Рин.

– Немедленно отправляй людей рубить дрова. Тут есть какой-нибудь кабинет, где счетные книги и все такое?

– Есть, конечно. Вас проводить?

– Сначала дрова. Потом проводить.

Он наблюдал со стены, как сержант собрал человек десять и вооружил топорами. Как открылись ворота. Как медленно они пошли в сторону зарослей. Было заметно, что радости от предстоящей работы никто не испытывал. Такое чувство,

что тепло и горячая пища нужны одному коменданту.

Кабинет оказался довольно маленьким. Здесь был стол, стул с высокой спинкой, окно, жаровня – холодная, разумеется, – и шкаф. Рин прошел, сел за стол. Стул был снабжен подушкой, и оказался более-менее удобным.

«Хоть что-то хорошее», – раздраженно подумал он.

Сержант остался стоять как раз посередине между дверью и столом. Новый комендант был ему непонятен. Еще больше ему было непонятно, как это сероглазое чудо, с темными волосами почти до пояса, кутающееся в меха в августе, может быть комендантом. Но герцогу виднее, чего уж. Хуже в любом случае быть не может.

Хотя этот длинноволосый сумел добыть белеска. Сам. Один.

– Ну и где казна? – спросил Рин.

– В столе посмотрите, господин комендант. Там в ящике шкатулка.

Шкатулку Рин нашел – замок на ней, кстати, был сломан. В ней хранились три серебряные монеты и пара горстей меди.

– Что это? – с легким недоумением спросил он.

– Все, что сейчас осталось. Но скоро должны прибыть деньги от его светлости герцога. Всего-то недели три подождать. И может граф Коншеван объявится.

При упоминании графа господин комендант скривился, будто хлебнул уксуса.

– И как же вы здесь живете?

– Да нормально живем. Вон ребята в лес ходят, то зайца в силки поймают, то птицу настреляют. Или вот мэтр Дик травы всякие собирает, корешки, грибы.

– И сколько же грибов нужно, чтобы всех накормить?

– Да хоть сколько. Хоть десяток принесет, уже похлебка не пустая.

Рин крутанул на столе медяк, подождал, пока тот перестанет вращаться и упадет.

– Здесь есть поблизости деревня, где можно купить еду? – спросил он.

– Есть, конечно.

Длинноволосый спрятал деньги в шкатулку и убрал ее в стол. Потом выложил на стол несколько серебряных монет из своего кошелька.

– Пошли кого-нибудь в деревню. Пусть купят мясо, яиц и овощи. Пару бочонков какого-нибудь крепкого пойла. Один бочонок лично мне. Пиво на всех, если у них есть. И мед.

– Мед?!– поразился Санти. – Вы знаете, сколько стоит мед?!

– Я знаю, сколько стоит мед! – разозлился господин комендант. – Мои деньги, что хочу, то и покупаю. Мед всегда нужен – если не повару, то лекарю. Что непонятно?

Санти все было непонятно.

– Мясо и яйца только для вас?

– На всех. Все покупать на всех.

– Ну… тогда я пойду, пару ребят отправлю?

– Стой. Деньги возьми.

– А, да. Простите, господин комендант!

Рин остался один.

Все плохо. Все исключительно плохо – даже хуже, чем он предполагал. А оптимизмом он никогда не страдал.

Новоиспеченный комендант спустился во двор. Нужно, конечно, теперь осмотреть крепость. И, по-хорошему, начать с казармы. Но в казармы идти страсть как не хотелось. Может, потом? Завтра, например. А сейчас начать с хозяйственных построек. На кухне разжиться куском хлеба и пойти проведать Грома. Хлеб-то у них тут есть?

«Не у них, – раздраженно поправил сам себя, – у меня».

Ворота крепости были распахнуты. Уже начали затаскивать свежие бревна и охапки хвороста. Мальчик лет десяти набрал веток и потащил их в сторону кухни.

Ребенок? Здесь? Откуда ему взяться в крепости, которая, по сути, тюрьма для тех, кого повесить рука не поднялась, но и отпустить с миром невозможно.

– А ну, стой! – крикнул он.

Мальчик подпрыгнул от неожиданности, бросил свою ношу и побежал. Рин быстрым шагом последовал за ним. Ребенок обнаружился на кухне, прячущийся за спину повара.

– Что это? – Рин попытался припомнить имя кашевара. – Эмиль?

– Простите, господин комендант. Ну, малец. Анри его зо-

вут. Живет вот с нами.

– Откуда он здесь?

– Да прибился по зиме пару лет назад. Куда его теперь денешь? Вот и живет.

– Как тут может жить ребенок, когда и взрослый сдохнет от таких условий?

– Да ничего. Живет помаленьку. Вот, растет.

Эмиль сильной ручищей растрепал грязные волосы мальчика.

– Иди сюда, – устало сказал Рин.

Анри робко выбрался из-за своего укрытия.

– Тебе сколько лет?

– Девять.

– А в ту зиму, когда сюда пришел, значит, семь было?

– Семь и чуть-чуть больше половины.

Мальчик был оборванный и чумазый. Предположительно светловолосый, но точно это нельзя было утверждать. Зато глаза изумительные. Не зеленые и не карие – цвет недоспелого лесного ореха. Такой нечасто увидишь.

– Парни к нему нормально относятся, и помогает он мне тут. А живет вон в комнатке за очагом, тепло там. Никому не мешает. Не выгонять же теперь.

– Не выгонять. – вздохнул Рин. – А как прежний комендант к нему относился?

– Да никак. Он и не знал про мальчонку.

– Два года не знал?

– Так он редко спускался. А парень как завидит его, или чужого кого, сразу прятался. Только вот вас отчего-то пропустил, а так он внимательный. Да вообще умница.

Рин достал из кошеля свои драгоценные орехи, горестно вздохнув про себя.

– Подставь руки, умница, – велел он и высыпал в протянутые ладошки все, что осталось. Сладости было жалко, но не может же маленький ребенок расти без конфет.

– Эмиль, что он такой худой? Корми его нормально.

– Э… сейчас парни из деревни вернуться, так я сварю ему мясной бульон с яйцом. Можно?

– Можно.

– И вот еще, если можно…

– Можно! Корми по-человечески, а то не вырастет.

– Спасибо!

– Спасибо, – прошептал Анри.

Его бы вымыть, но с этим подождать придется, пока дров достаточно заготовят.

И, только дойдя до конюшни, Рин вспомнил, что не взял хлеб.

– Господин комендант!

Рин повернулся. Перед ним стоял мэтр Дик, лекарь. Ненамного старше его самого. Черноволосый и черноглазый – дитя юга. Смуглая кожа побледнела от здешнего климата, но все же ее прежний оливковый оттенок еще угадывался. И не мерзнет же, сволочь. Привык?

– Господин комендант, можно я дам вам маленький совет?

Рин минуту размышлял, выплеснуть на него свое плохое настроение или сдержаться. Решил пока сдержаться.

– Слушаю, – сказал он сухо.

– У нас тут пятьдесят шесть мужчин, годами не видевшие женщин.

– Я в курсе.

– У вас великолепные волосы, господин комендант, но будет лучше, если вы как-то начнете их собирать.

– Что, вас это смущает?

– Меня не смущает. Чего не скажешь, вон, о Жане.

Рин резко обернулся. Человек, внешностью смахивающий на медведя, порозовел и стал внимательно что-то рассматривать под ногами.

Оставалось только выругаться сквозь зубы.

***

Утром Рин тщательно заплел косу – так, чтобы не выбилось ни единой пряди. Посмотрел в зеркало, поморщился, прицепил на пояс меч. Это утро будет не самым приятным и неизвестно еще, чем закончится. Закрыл дверь, спустился вниз по узкой лестнице, вышел на каменное крыльцо.

Его уже ждали. Все население Холодной Башни – за исключением дозорных, разумеется. Люди были недовольны. Раньше им жилось голоднее и холоднее, зато спокойней и

свободней. И тут этот новый комендант пожаловал, принесли же его черти двурогие.

– Я граф де Шенто, – начал он, лишь немного повысив голос, – орать он точно не собирался, – новый комендант этой крепости. Не знаю, какие порядки здесь были раньше, и знать не желаю. Вам всем нужно помнить одно. Если кто-то совершит серьезный проступок, я его отпущу.

Жест рукой в сторону ворот. Непонимающая тишина в ответ.

«Сейчас начнется», – тоскливо подумал Рин.

– На вечерней зоре. Бабочек ловить, – закончил он.

Если бы он пообещал, что будет пороть и вешать на воротах всех без разбора, это бы вызвало меньшее возмущение.

Сквозь общий гул кто-то крикнул:

– Комендант, а ты не боишься со стены случайно упасть?

Нечто подобное он и ждал. Рин улыбнулся, неторопливо развязал шнурки у горла, снял меховой плащ и бросил его на перила. Спустился на площадь. Люди перед ним расступались, пока он шел к смельчаку. Тот ждал, ухмыляясь.

– Как твое имя? – спросил Рин.

– Гаро меня зовут.

– Гаро, возьми оружие.

– Какое оружие? – не понял тот.

– Любое. Какое тебе больше нравится.

Гаро не сдержал улыбку. Сделал шаг назад и что-то сказал товарищу, стоявшему рядом. Тот быстро направился в сто-

рону казармы.

«Сейчас принесет моргенштерн, и что я тогда буду делать?» – отстраненно подумал комендант.

Но это оказался всего лишь меч полуторник. Рин незаметно вздохнул – с бастардом ему неоднократно приходилось иметь дело.

Он достал свое оружие, приказал:

– Нападай!

И Гаро не заставил себя просить дважды – рубанул мечом от всей души. Если бы господин комендант не увернулся, сейчас был бы располовинен от плеча до пояса. Гаро вернул руку в исходное положение и снова рубанул. Медленно, все так медленно – при желании убить такого противника труда не составит. Но без крайней нужды Рин убивать не собирался. И калечить тоже. В таких условиях не то что серьезная рана – даже царапина может оказаться смертельной. А такой экземпляр, пожалуй, лучше оставить живым. Пригодится.

Пока Гаро не схватил меч двумя руками, можно попробовать один прием. А вот если не получится, тогда уже начать убивать.

Рин еще раз увернулся от удара, потом зацепил рукояткой меча клинок нападающего, рванул резко вверх и в сторону. На миг даже прикрыл глаза. Могло не получиться – этот Гаро с таким остервенением держал оружие, что… могло не получиться.

Бастард зазвенел, упав на камни. Гаро несколько раз рас-

терянно моргнул.

– Пойдешь лес валить, – приказал Рин, – сегодня, завтра и каждый день. Понятно?

– Понятно, – неожиданно согласился солдат.

Рин кивнул и пошел обратно к крыльцу. Пока шел, все время ожидал удар в спину. Не дождался.

Поднявшись по ступеням, господин комендант взял плащ, накинул его на плечи. Сердце бешено стучало. Он надеялся, что этот стук не разносится по всему двору.

Рин оперся руками о перила, посмотрел на собравшихся внизу. Теперь в их построении не было ни малейшего порядка. Полный хаос. Толпа. Если сейчас они захотят избавиться от нового коменданта – они это сделают.

– Парни вчера пиво привезли, – раздался довольно молодой звонкий голос, – что там с ним?

– А что с ним?– Рин изо всех сил постарался скрыть облегчение.

– Ну, это на Рождество или как?

– Сегодня вечером можете выпить.

Толпа ответила одобрительным гулом.

– Если увижу кого-нибудь пьяным – убью.

Это замечание всех развеселило. И было решено, что новый комендант хоть и злющий красавчик, но вообще ничего, жить с ним можно. Во всяком случае, хоть еда едой стала, а не помоями, да и ночью стучать зубами от холода не нужно. В принципе ладно, пусть живет. К тому же связываться с

ним себе дороже – мечом владеет вполне и белеска завалил. Этого хоть уважать можно, не то что предыдущих.

Ну, а то что нежный и мерзлявый такой, ничего, привыкнет. Все привыкают.

***

– Зачем было так рисковать?! – почти кричал Санти. Видимо, если что, отвечать бы пришлось ему. – В этом Гаро силы немеряно! Он так рубить весь день может.

– Вот пусть дрова и рубит, – отозвался Рин.

Посмотрел на свои руки – вроде не дрожат.

Они были в кабинете коменданта. Рину сильно хотелось выпить что-нибудь крепкое и он только ждал, когда сержант уйдет.

– Можно же было и без этого обойтись! Со временем бы все наладилось.

– Возможно, да. А возможно стало бы только хуже.

– Парни бы привыкли.

– Они уже привыкли. Ты отправил людей рубить лес?

– Да! Они уже ушли.

– Пойди, посмотри, все ли в порядке.

– Все в порядке. Что там смотреть?

Рин уже собирался заорать и послать Санти ко всем чертям, но тот внезапно опомнился.

– Там у лучников сегодня тренировка. Можно я пойду,

господин комендант?

– Иди, – благосклонно разрешил господин комендант.

Он едва дождался, пока закроется дверь. Сразу же направился к бочонку какого-то пойла, которое вчера привезли из деревни, нацедил полкружки. Нет, конечно, тут остался кубок от прошлого коменданта, но Рин им брезговал. Глиняная кружка с щербинкой вызывала гораздо больше доверия.

Он глотнул и подождал, пока тепло растечется от горла до живота. Потом еще раз глотнул, прищурившись на солнечный свет за окном.

И только он подумал о третьем глотке, как в дверь резко постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

Рин с сожалением оставил кружку у бочонка и вернулся к столу. Перед ним стоял один из солдат – для разнообразия вполне человеческого вида, ничего медведеподобного.

– Тебе чего? – недовольно спросил Рин.

Вошедший положил перед ним монету. Мелкую серебрушку.

– Ну и что это?

– Я так платил коменданту Анкурдо. У меня больше нет.

Рин поморщился.

– Давай с начала. Ты кто? За что платил?

Солдат сглотнул.

– Меня зовут Пейтон. Я здесь давно. И так получилось… в общем, у меня в этой деревне семья. Жена. Законная. И сын. Законный. Пока отец Петр был жив, он и венчал нас,

и сына крестил.

– Какой отец Петр?

– В крепости был священник, да вот умер по весне от грудной жабы. Нового пока не прислали.

– Ладно, с этим понятно. Что за монета?

– Я платил Анкурдо, и он отпускал меня на ночь к семье. Денег у меня мало, поэтому получается только раз в месяц.

– На ночь? Вечером же никто не выходит.

– Да я не по дороге. Вдоль стены, потом через поле. К рассвету возвращаюсь.

– Как ее зовут?

– Кого?

– Жену твою.

– Марика, – расплылся в улыбке Пейтон, – а сын Брендон. Брен. Ему уже семь с половиной.

Рин внезапно подумал, что этот маленький Брендон видит отца гораздо чаще, чем его собственные дети. Он сцепил пальцы, с минуту поразглядывал столешницу. Ничего нового не увидел.

– У твоей Марики есть излишки продуктов? Любых. Которые мы могли бы купить.

Солдат тут же помрачнел.

– Излишки! Ей бы себя прокормить и парня. От меня-то понятно, толку мало. Чем я им помочь могу? Забор починить, да крышу залатать.

– Ночью?

– Ну, ночью. Я уже привык. Брен помогает, как может. Но моя Марика…Она, ну… вышивать любит. Так иголкой водит, будто картины пишет. А вот с огородом у нее не очень. Деревенские парни ее замуж брать не хотели – наверное, мне поэтому и досталась.

Пейтон тяжело вздохнул.

Рин посмотрел в окно.

– Иди к ней, – сказал он, – вернёшься завтра к полудню.

– Что? Я не понял. Прям сейчас можно уйти?

– Сейчас проваливай. Сию секунду. И чтоб до завтра я тебя не видел. Теперь понятно?

– А… да.

Пейтон недоверчиво попятился к двери.

– Стой! Деньги свои забери. Нахрена мне такая мелочь?

– Но я…

– Все, уйди.

Солдат схватил монету и почти выбежал из комнаты. Некоторое время еще были слышны его торопливые шаги.

– Засов на двери поставить, что ли, – буркнул Рин и вернулся к своей кружке.

***

На ужин в герцогском замке планировалась баранина с чесноком и розмарином. Рин это знал и заранее предвкушал. Герцог Лавиньельский пожелал его видеть за полчаса до то-

го. Тихо скрывая досаду, Рин пришел в его кабинет.

– На северной границе у нас проблемы, – сказал герцог, – ты должен разобраться.

– Почему я? – изумился Рин.

– А кто? Максимилиана послать? Он только допросы хорошо ведет, а в тонких делах не разбирается.

Нет, Максимилиана посылать нельзя. Он там начнет всех без разбора подвешивать на дыбу, и кончится это плохо для всех.

– Я не понимаю, что происходит в Холодной Башне. Отчеты от коменданта самые радужные, но слухи доходят совсем другие. Я этого Анкурдо снял с должности и вызвал к себе. Ты пока займешь его место.

– На севере?

– Сейчас лето. Не замерзнешь.

– Ну да.

– И еще. Где-то в тех местах пропала семья графа де Белузье. Его жена, две дочери и старший сын были убиты. Их тела нашли. Сам Раймонд и младший ребенок пропали – видимо, попали в плен. Его племянник требует наследство, но мне он не нравится, не хочу ему отдавать земли. Все это, разумеется, нужно сохранить в тайне.

– А нельзя послать кого-то из дознавателей?

– Комендантом? Ты шутишь?

– Когда ехать?

– Как можно скорее.

Рин кивнул без всякой радости. Но аппетит за ужином это ему не испортило.

***

И каких успехов он достиг в итоге? Конечно, то, что прошло две недели, и он все еще жив – уже успех.

Рин расплел косу, чтобы расчесать волосы и опять заплести перед сном, но более свободно. Кто-то постучал в дверь.

– Господин комендант! Простите, это я, Санти.

Рин распахнул дверь. Перед ним стоял сержант со свертком в руках.

– Что у нас еще случилось? – резко спросил господин комендант.

– Слава богу, ничего. Мы это… в общем, ребята постарались.

Сержант осторожно, почти боком вошел в комнату и бросил сверток на кровать. Тот неожиданно раскрылся серебристо-лунным мехом.

– Что это?

– Так шкура белеска, которого вы убили.

– Я про него забыл.

– Ну, парни иногда охотятся на них. Шкуры мы продаем. Они редкие и дорогие.

– А эту что не продали?

– Да парни решили, что это лучше вам. Простите за бес-

покойство, господин комендант. Добрых снов!

Сержант поспешил удалиться.

Рин развернул подарок. Это оказалось покрывало, мягкое, точно облако. Под рукой мех слегка искрился морозными всполохами, как снежинки в солнечном луче. Невероятная красота. Ну и мерзнуть по ночам теперь точно не придется.

***

Утро было сумеречным. Наконец-то хватало дров, и в трапезной горел камин. Не ярко, скорее, в нем тлели угли, но все же.

Рин с удовольствием вздохнул, когда ему принесли горячий настой из тимьяна, овсяную кашу с медом и кусок пирога с яблоками. Несмотря на все приказы, еду ему готовили отдельно. Собственно, он еще в замке герцога Лавиньельского уяснил, что указывать что-то поварам абсолютно бессмысленно – они всегда сами лучше знают, что хорошо для господина.

Все остальные ели кашу с мясом. И он тоже предпочел бы мясо, но не тут-то было. Зато к пирогу точно претензий не было. И Рин понадеялся, что день будет тихим и мирным, и ничего не произойдет.

Произошло.

Когда солнце начало катиться к закату, Рина позвали на

стену. К Башне приближалась кавалькада – человек девять. Шли неспешной рысью, не сомневаясь, что их примут.

– Это граф Коншеван, – сказал сержант, – что с ним делать?

– Уже ничего, – ответил Рин, – солнце садится, придется пустить. Но не сразу. И утром отправить обратно.

– Он будет недоволен.

– И что?

– А деньги?

– Без них обойдемся.

– Нет, ну все же…

– Вам моих мало?

– Нет, как можно!

– Вот и славно.

Они смотрели со стены, как приблизились всадники. Один из них спешился и постучал в ворота.

– Открыть? – спросил Санти.

– Чуть позже.

Тот, который стучал, недоуменно пожал плечами, когда ворота оказались по-прежнему закрыты. Всадник на крупной рыжей лошади что-то сказал, и человек вновь забарабанил в ворота.

– И не жалко ему кулаки? – меланхолично спросил Рин.

– Может, все-таки лучше пустить?

Господин комендант еще пару минут полюбовался некоторым смятением среди всадников, потом решил спустить-

ся. Внизу послушал грохот, посчитал до ста.

– Открывайте, – приказал он стражникам.

Те с явным облегчением заскрипели засовами, толкнули тяжелые створки ворот. Гости втянулись в Холодную Башню. Впереди всех был гордый всадник на рыжей лошади.

– Граф Коншеван, – шепнул Санти.

Граф вошел в крепость, будто к себе домой. Спешился, не глядя бросил поводья.

– Какого черта? – воскликнул он. – Почему я должен ждать у дверей, как простой крестьянин?

– Да мы вообще не хотели открывать, – лениво ответил Рин, – но солнце близко к закату. И из христианского милосердия вас, так и быть, пустили переночевать.

– Из милосердия?! Да что вы себе позволяете! Где комендант?

– Я комендант.

Граф смерил его презрительным взглядом.

– Где Анкурдо? – спросил он.

– Полагаю, уже в Лавиньеле. Если его волки по дороге не съели.

Коншеван покривился на этот юмор. Зато кому-то он понравился – послышался серебристый смех.

– Леди Агнесс! – недовольно воскликнул граф.

Рин посмотрел. Прекрасная дева на светло-серой лошади улыбнулась ему. Смело. Уверена в своей неприкосновенности или наоборот – ищет приключения?

Он подошел к серой кобыле и протянул руки, чтобы помочь деве спуститься на землю. Она благосклонно приняла помощь. Рин лишь пожалел, что ее косы уложены в сложную прическу и не смогут коснуться его лица.

Рин поставил деву на грешную твердь и вернулся к разъярённому Коншевану.

– Надеюсь, вы привезли с собой еду? – спросил он.

– Разумеется! На вашей кухне только свиней кормить.

Рин вспомнил утренний пирог и улыбнулся.

– Тогда прошу вас, поужинайте, переночуйте, и убирайтесь из моей Башни.

– Вы смеете перечить графу?! – с неподдельным изумлением воскликнул какой-то юноша в ярко-красном плаще.

– Почему нет? – изумился Рин.

– Да кто вы такой?

– Я граф де Шенто, комендант Холодной Башни.

***

Рин до позднего вечера сидел в кабинете, листая бесполезную отчетную книгу. Горели только две свечи, ибо приходилось экономить, и тускло мерцали угли в жаровне.

Мэтр Дик принес ему кружку травяного отвара и хлеб с холодной говядиной.

– Вы бы пошли, господин комендант, поели бы нормально.

– Завтра поем. Не хочу видеть этих гостей.

– Эмиль переживает. Он специально для вас потушил зайца с кореньями.

– Заяц не убежит. Я, кстати, много раз говорил, что собираюсь есть то же, что и остальные.

– Эмиль благодарен за то, что вы были ласковы с мальчиком, с Анри. Может, все-таки пойдете?

– Я поем завтра, когда гости уберутся восвояси. Они мне аппетит портят.

– Очень жаль, что так получилось, господин комендант. Но хорошо, что вы не отказали им в ночлеге.

– Да как отказать? Там женщина и какие-то безмозглые дети.

– Юноши.

– Да без разницы. Надеюсь, утром они нас покинут.

Рин шел по коридору и думал о том, что факелов мало, и с этим нужно что-то делать. И свечей надо закупить, найти восковые, но подешевле.

Неожиданно выяснилось, что у двери комнаты его ждут.

– Леди Агнесс, вы заблудились? – Рин изо всех сил постарался изобразить участие.

– Я здесь не первый раз, – фыркнула леди, – прекрасно знаю, что и где находится.

– И вам не страшно ходить одной?

– Очень страшно. Поэтому я и пришла молить вас о защите на эту ночь.

Рин хмыкнул и отпер дверь. Комната была маленькой, как и все комнаты в этой крепости. Кровать, стол, камин. Рин раздул едва тлевшие угли, подбросил дров, затем зажег свечи. Комната озарилась мягким светом.

Пока он возился со свечами, леди успела распустить волосы. Они волнистым плащом лежали на ее плечах и укрывали спину. В полумраке отливали бронзой, хотя во дворе казались просто каштановыми.

Рин на всякий случай сделал шаг назад и присел на край стола.

Агнесс осмотрелась и подошла к кровати – собственно, деваться в этой комнате все равно было больше некуда. Она провела рукой по серебристому меху.

– Что это? Никогда не видела ничего подобного.

– Белеск, – пожал плечами господин комендант.

– Он вот такой, да? – она прижалась щекой к меху. – Как лебяжий пух. Когда мы приезжаем сюда на охоту, я каждый раз надеюсь, что удастся добыть этого зверя.

– Днем это невозможно. Они появляются только ночью.

– Но этого-то добыли!

– Ночью.

– Разве можно ночью идти в лес?

– Нет, разумеется.

– Ну, вот что, – леди вновь села прямо, скромно сложив руки на коленях, – я проведу с вами ночь, а вы подарите мне это покрывало.

– Нет.

Обычно Рин делал подарки дамам, с которыми у него случалась любовь, но расставаться со шкурой не собирался. К тому же подобная плата показалась ему чрезмерной, несмотря на все прелести незваной гостьи.

– Нет? Вы отказываете мне?

– Леди, дверь не заперта.

– Ну так заприте ее.

– Подарков не будет.

– Я уже поняла, господин комендант, вы скряга. Свечи можете не гасить.

***

Рин лежал на боку, положив ладонь под щеку, и наблюдал за Агнесс.

Одна свеча уже погасла, от другой остался крошечный огарок. В его неверном свете девушка быстро надела рубашку, кое-как натянула платье, даже не зашнуровав его. Затем схватила шкуру белеска, нервно оглянулась в сторону кровати и прокралась к двери.

– Леди, – остановил ее Рин, – по нашей крепости неразумно разгуливать в полуголом виде.

– Вы следите за мной! – с негодованием воскликнула она.

– В обязанности коменданта входит следить здесь за каждым.

– Кто посмеет прикоснуться ко мне?

– Да кто угодно. В полутьме вы даже не поймете, мои это люди или ваши.

– Не стоит за меня беспокоиться!

Рин отбросил одеяло, подошел к Агнесс и забрал из ее рук вожделенный мех.

– Я помогу вам с платьем, а потом провожу.

– Для начала вам бы не мешало одеться, господин комендант.

– Непременно.

– Почему здесь так темно? – недовольно спросила леди Агнесс, пока они шли по длинному коридору.

– Из экономии, – отозвался господин комендант.

– А для чего здесь столько ниш в стенах?

Рин пожал плечами.

– Не я это строил.

– Комендант обязан знать.

– Узнаю со временем.

– Вот моя комната. Зайдете?

– Воздержусь, пожалуй.

Агнес пренебрежительно фыркнула и скрылась за дверью. Рин дождался, пока лязгнет засов и повернул обратно.

– Агнесс?

В одной из ниш что-то зашевелилось.

– Агнесс, это ты? – позвал неуверенный голос.

Рин остановился и оглянулся. Из ниши вышел тот юноша,

что был у ворот в красном плаще. Увидев коменданта, он замер на месте.

– Где леди? – грозно спросил он.

– В своей комнате, – любезно ответил Рин.

– А вы что тут делаете? У… у ее комнаты?

– Это моя крепость. Могу находиться где мне угодно и когда угодно.

– Вы… смели прикоснуться к леди?

– Утром спросите у леди, если вам так интересно.

– Нет, это невозможно! Я убью вас. Вот прямо сейчас убью.

Юнец действительно схватился за меч и потянул его из ножен.

«Вот только ревнивца мне тут не хватало», – устало подумал Рин.

– Стража! – негромко позвал он.

Со стороны лестницы тут же появилось двое солдат.

– Проводите господина гостя до его комнаты. Он, к несчастью, заблудился.

– Будет исполнено, господин комендант!

– Я убью вас! – яростно прошипел юноша сквозь зубы.

– Непременно, – зевнул Рин.

Ну что за ночь? Он будет сегодня спать или нет?

***

Утро выдалось солнечным, но все равно холодным. Каменные плиты крыльца были покрыты инеем. Рукой в перчатке Рин стряхнул крошечные ледяные кристаллики – темное влажное пятно среди белоснежного сияния выглядело почти кощунственно.

Он вздохнул, закрыл глаза и подставил лицо холодному солнцу. Очень хотелось горячего травяного отвара. Судя по тому, как во дворе стали собираться те, кому сегодня выпало рубить лес, его люди завтрак закончили. Зато гости наверняка еще сидят там. Идти или не идти? Да и черт с ними, говорить все равно придется. Рин еще раз вздохнул и направился в сторону кухни.

Гаро проводил его взглядом, перекинул из руки в руку топор.

– Странный у нас комендант какой-то, – негромко сказал он тому, кто стоял рядом.

– Старый, что ли, лучше был?

– Да пес их знает, кто из них лучше. С этим патлатым вообще неизвестно, что дальше будет.

– Зато жратва теперь нормальная.

– Жратва да. Тут я не спорю.

– Ладно, пошли. Вон, сержант уже зовет.

Ну, разумеется, они все сидели за столом. Почти все – леди Агнесс не было.

– Доброе утро, господин комендант, – приветствовал его граф Коншеван, – не желаете присоединиться к нам?

Рин очень даже желал. На завтрак у них был бараний бок, цыплята, телячьи языки, сыр и красное вино.

– Благодарю, господин граф. Я не ем по утрам.

Брови гостя взлетели вверх.

– Поститесь? – удивленно спросил он.

– Что-то вроде того.

«Если они все не съедят, тут оставят? С собой же не потащат? И почему здесь нет свиней или кур, куда объедки девать? Кстати, а почему нет? Может, в самом деле завести?»

Тут Эмиль принес ему кружку с горячим отваром тимьяна. Рин обхватил ее ладонями, сделал глоток.

– Ну это уж как-то совсем аскетично, – покачал головой граф, – Анкурдо вел себя гораздо жизнерадостнее.

– И гостеприимнее?

– И гостеприимнее.

– Господин граф, когда закончите трапезу, прошу вас, зайдите ко мне в кабинет. Нам необходимо кое-что обсудить. Полагаю, вы свободно ориентируетесь здесь.

– Не беспокойтесь, господин комендант, я найду дорогу.

Рин забрал свою кружку и пошел к выходу, успев заметить, как недобро посмотрел на него давешний юноша в красном плаще.

Графа Коншевана ждать пришлось довольно долго. Пока его не было, Рин развлекался составлением отчета для герцога Лавиньельского. В комнате было вполне тепло – по крайней мере, чернила не замерзали.

– Этот мех так идет к вашим бледным щекам, – сказал граф, заходя без стука в кабинет.

Рин убрал недописанный лист бумаги в стол, поднял глаза на гостя.

– Хорошо спали, господин граф?

– А вы, господин комендант? Что желаете мне сообщить?

– Собираюсь взять с вас плату за постой.

– Что? С чего бы? Мы все привезли с собой.

– Вы жгли наши свечи и дрова. А ваши лошади ели наш овес. Разве не так?

Граф скривился в усмешке и бросил на стол серебряную монету.

– Этого достаточно?

Рин мельком взглянул на нее.

– Еще восемь таких, – сообщил он.

– Что? Да в любом трактире этого было бы больше чем достаточно!

– Здесь не трактир.

Коншеван бросил на стол кошелек.

– Были бы вы более благоразумны, все это досталось бы вам.

Рин не впечатлился – видывал кошельки и потяжелее. Развязал тесемки, отсчитал восемь монет, остальное вернул.

– Вы серьезно, господин комендант? – не поверил гость.

– Вполне. Я приказал седлать ваших лошадей, так что все готово к вашему отбытию.

– Ничего не получится. Леди Агнесс еще спит.

– Так разбудите ее.

– Полагаю, у вас это лучше получится.

Рин подошел к своему бочонку и нацедил пойла. Гостю в кубок прежнего коменданта, а себе в глиняную кружку со щербинкой.

– Рад был знакомству с вами, господин граф. Надеюсь, мы больше не встретимся.

– Я-то как раз надеюсь на встречу.

Они пригубили напиток.

– Господи, что за дрянь! – изумился Коншеван.

Рин пожал плечами.

– Что было в соседней деревне, то и пью.

– У Анкурдо были прекрасные вина, не знаю, где он их брал. Ничего, я пришлю вам пару бочонков.

– Благодарю, не стоит.

– Вы огорчили Паоло.

– Это еще кто?

– Мой троюродный племянник. Но я люблю его как родного.

– Сожалею. Ваши лошади, полагаю, уже заждались. Не нужно затягивать с отъездом. Чем быстрее вы минете лес, тем лучше.

– О, вы так беспокоитесь о нас, господин комендант!

– Это долг гостеприимного хозяина.

– Полагаю, вы проводите нас?

– Разумеется.

Нужно же убедиться, что все они благополучно убрались к чертовой матери.

Прежде чем спуститься во двор, Рин пошел к своей комнате и проверил, на месте ли шкура белеска. Убедился, что на месте. Тщательно запер дверь и даже подумал, не поставить ли стражу до отбытия незваных гостей.

***

Леди Агнесс блистала красотой в лучах солнца и изо всех сил делала вид, что не замечает коменданта. Это вызывало ухмылки на лицах солдат, которые никто даже не пытался скрыть. Рин прикинул, какие карательные меры можно применить к весельчакам. Может, и правда заставить свинарник строить?

Наконец все сели на коней. Граф Коншеван повернулся в седле и весело помахал рукой, – эта веселость сильно не понравилась коменданту.

Выпроводив гостей, он поднялся на стену. Всадники спешили к лесу, а им навстречу два его солдата тащили бревно. Они успели вовремя посторониться, чтобы пропустить кавалькаду. Всадник в ярко-красном плаще что-то злобно прокричал им, солдаты ответили непочтительным смехом.

– Санти, – задумчиво спросил Рин, наблюдая эту сцену, – почему в крепости не держат всякую живность? Мне кажет-

ся, это довольно разумно.

– Я не знаю, – растерялся сержант, – я не отвечаю за хозяйственную часть.

– А кто отвечает?

– Эмиль, наш повар. И мэтр Дик немного.

– Отдельного человека нет?

– Да тут и хозяйства особо-то нет.

– Хорошо, давай сходим к Эмилю.

Проходя мимо казарм, наткнулись на одного солдата. Тот, обнаженный по пояс, метал в подвешенное на веревке бревно ножи. Лет ему было под сорок. И Рин что-то не помнил, чтобы его хоть раз отправляли на рубку леса. Хотя там, сменяя друг друга, побывали уже все.

– Это кто?

– Орвил.

– Он что, на особом положении?

– Он, как бы это сказать, наемник. Бывший. Лучший солдат.

– Понятно. Санти, ты иди, я до Эмиля и один потом доберусь.

– Господин комендант, не надо бы. Пожалуйста!

– Да не собираюсь я с ним драться. Ни на ножах, ни на мечах. Иди, не беспокойся.

Сержант, конечно, отошел, но недалеко. На всякий случай.

Бывший наемник как раз готовился к броску. Рин подо-

шел и молча протянул руку. Орвил хмыкнул и положил ему на ладонь нож.

– Еще два.

Орвил хмыкнул более отчетливо и просьбу выполнил.

«И не дай бог сейчас промахнуться», – подумал Рин. Меховой плащ сильно мешал.

– Локоть! – рявкнул наемник.

– Я знаю, – мирно отозвался Рин и бросил все три ножа одновременно. После этого даже на миг зажмурился и перестал дышать.

Все ножи попали в бревно и легли достаточно кучно.

– Неплохо, – похвалил Орвил, – было бы еще лучше, если бы вы сняли свои меха.

Он взял серп и протянул его Рину. Тот отрицательно качнул головой. Серп сверкнул серебряным полумесяцем и вонзился в бревно.

– Вы неплохо проучили этого дурака Гаро, – задумчиво сказал наемник, – но можно было чуть иначе. Покажу, если хотите.

– Хочу.

Орвил потянулся к копью.

– В крепости есть мальчишка, – начал Рин.

– Анри? Ну да, есть.

– Было бы хорошо научить его.

– Чему?

– Всему.

– Ему уже лет десять. Поздно.

– Поздно. Но не фатально.

– Не фатально, – согласился Орвил, – ладно, попробую.

– Когда?

– Да хоть сейчас.

– Хорошо. Пришлю его.

Видя, что все закончилось мирно, сержант незаметно перекрестился и пошел по своим делам.

***

– Господин комендант! Вы сегодня еще не ели же.

На кухне пахло крепким мясным бульоном и чем-то сладким. Наверное, опять пирог.

– Где Анри?

– Гости уже уехали?

– Да, убрались.

Мальчик появился из какого-то темного угла.

– Доброе утро, господин комендант, – тихо сказал он.

– Анри, когда в крепости нет посторонних людей, можешь ходить где хочешь.

– Как, где хочу? Везде? – в глазах мальчика было непонимание.

– Да, везде.

– И на конюшню можно?

– Можно.

– И на стену подняться?

– Если не будешь никому мешать.

– Ой, а еще…

– А сейчас иди к казарме, там Орвил тебя ждет.

– Зачем?

– Будет учить тебя владеть оружием. Мы в приграничной крепости, мало ли что.

– Ой, мечом? Мечом, да?

– И им тоже. Иди.

Анри сорвался с места, но тут же вернулся, понуро опустив голову.

– Мне еще воды принести нужно, и дрова.

– Иди, – разрешил Эмиль, – уж справлюсь как-нибудь без тебя.

Мальчик умчался, позабыв закрыть за собой дверь.

– И то хорошо, – согласился Эмиль, – а то сидит парень в норе, света белого не видит. Что на завтрак желаете, господин комендант?

– А что осталось?

– Да после гостей много чего осталось.

– Нормальная еда есть? Объедки меня не интересуют.

– Каши немного осталось. И медовые лепешки есть.

– Давай лепешку.

Она оказалась еще теплой. Рин с удовольствием откусил.

– Кстати, об объедках, – заметил он, – отчего вы не держите кур и, допустим, свиней?

– А чем их кормить? Свиней, конечно, можно к лесу выгонять, пусть сами питаются, но вряд ли они за лето много жира нагуляют. А еды у нас впритык, людям не хватает. Только кости, но это Волчку.

– Волчку? Это кто?

– Известно кто, – тяжело вздохнул Эмиль, – собака.

– Здесь есть собака? Не видел.

– Так он там, на задах, на цепи сидит.

– Покажи.

– Может не стоит, господин комендант?

– Он что, такой лютый?

– Да не лютый. Но прежнего коменданта прикусил.

– И жив после этого остался?

– Да как сказать. Он тогда еще щенком толстолапым был. Пейтон зачем-то из деревни приволок. Ну и комендант прежний приказал его в выгребной яме утопить. Волчка, не Пейтона. Хотя и ему тогда досталось.

– Ослушались?

– Ослушались, – покаянно вздохнул повар, – жалко же животину. Спрятали на задах. Туда комендант никогда не ходил. Прежний, в смысле.

– Ладно, показывай зверюгу.

Зверюгой оказался лохматый пес, похожий на медведя. Рин прикинул, что если тот встанет на задние лапы, то будет ростом с него. Или выше.

Завидев незнакомца, пес оскалил зубы и зарычал.

– Вы бы не подходили, – опять начал Эмиль.

Рин шагнул вперед и протянул руку ладонью вверх. Волчок тут же схватил ее и сжал зубами.

– Я сейчас! – засуетился повар.

– Не лезь, – приказал комендант, – стой спокойно.

Пес не кусал. Просто держал руку чужого и ждал, что будет дальше. Чужой не вырывался, не орал, и тоже ждал. Волчок разжал зубы и пару раз виновато вильнул хвостом. Рин отдал ему остатки лепешки и потрепал за ухом.

– Давно он на цепи?

– Да года полтора уже будет. Или больше? Больше. Его же Пейтон по осени притащил.

– И что, все время привязан?

– А что делать?

– Так отвяжи его.

– Как можно, он же покусает!

– На людей бросается?

– Да нет. Ребят-то он всех знает, они мимо него в отхожее место бегают. А вот вы, господин комендант…

– Что я?

– Ну да. Вас он тоже не тронул.

– Отвязывай. Собаки в крепости нужны. Ему бы пару.

– Да вон Пейтону сказать, приволочет из деревни.

– Хорошо, я скажу.

Эмиль тяжело вздохнул и расстегнул ошейник на мощной собачьей шее. Пес непонимающе посмотрел на него и остал-

ся на месте.

– Ладно, привыкнет, – сказал Рин с некоторым сомнением, – вы здесь кого-нибудь еще прячете?

– Да бог с вами, господин комендант! Никого мы не прячем!

– Ну да. Я уже нашел ребенка и собаку. Еще кто-нибудь есть?

– Да нет никого. Ну кошки конечно, как же без кошек. Но они сами кормятся. И сова есть у мэтра Дика.

– Какая сова?

– Да обыкновенная. Днем спит, ночью улетает. Мышей ловит и всякую мелкую зверюшку. Тоже сама кормится. Не обременяет.

Рину очень захотелось посмотреть на сову – просто чтобы отвлечься. Да и у мэтра Дика он еще не был, а следовало бы.

– А насчет кур надо с Жаном поговорить, – продолжал Эмиль, – он парень деревенский, должен в этом разбираться. Курятник-то мы за день-два поставим. А вот за живностью в дальнюю деревню ехать придется. В ближайшей ни за что не продадут. Потому как, кто яйца у них будет брать, если свои несушки у нас будут? Ну и петух нужен. Без петуха-то как.

– Хорошо, спроси Жана.

– Может, еще лепешку? Пока не остыли. А то ж вы почти половину этому ушастому скормили.

Рина сейчас больше сова занимала. Но медовая лепешка это тоже неплохо.

… Гаро проводил взглядом коменданта. Напарник толкнул его в бок.

– Чего встал, пошли. Бревна сами себя не оттащат.

– Да ты иди. А я ща. Живот что-то прихватило.

– Да всегда у тебя так!

– Ой, да ладно тебе.

Гаро сделал вид, что пробирается к нужнику. Но когда напарник скрылся за воротами, резко изменил направление.

***

– Что случилось, господин комендант? Вас что-то беспокоит? – всполошился мэтр Дик.

– Со мной все хорошо. Просто зашел посмотреть.

Почти посередине комнаты находился стол с тяжелой столешницей, чисто выскобленный. В дерево вбиты стальные кольца с прочными кожаными ремнями. Рин незаметно покривился – ему приходилось лежать на подобном столе. Воспоминания об этом были так себе.

У стены стояла пара шкафов, один забит потрепанными книгами и свитками. Лекарь распахнул дверцы другого шкафа, он оказался полон склянок и мешочков.

– Благодаря вам мне удалось сделать настойки, – сказал он и кивнул на бочонок, который привезли из деревни, – настойки гораздо действеннее обычного отвара. Хотя, в некоторых случаях, отвары полезнее.

– От наших гостей осталось красное вино. Если вам нужно, можете забрать.

– Нужно.

Рин кивнул. Красное он все равно терпеть не мог, так что отдавал без сожаления.

У окна стоял стол, самый обычный, на нем бумаги, перья, пучки трав, какой-то пыльный серый мешок. Совы нигде нет.

– У вас есть все необходимое? – с легким разочарованием спросил он.

– Ну, за лето я заготовил всяких трав, ягод и прочего. Это хорошо, на зиму должно хватить. Но нужно бы еще ингредиентов, которые в лесах и полях не растут. Их можно достать только в городе.

– В чем же проблема?

– В деньгах.

– На днях должны прислать из Лавиньеля.

– Да что там присылают? Едва на мелкий ремонт и скудную пищу хватает.

– Не верю в это.

– Сами увидите.

Спросить или не спросить?

– Говорят, у вас сова есть?

Мэтр Дик улыбнулся.

– Она перед вами, господин комендант.

– Где же?

Неожиданно пыльный мешок встряхнулся и посмотрел на

гостя круглыми желтыми глазами. Рин даже отступил на шаг от неожиданности.

– Она не спит?

– Проснулась.

– Но ведь день же на дворе.

– Совам это безразлично. Они могут спать и днем, и ночью. Ну, или не спать.

– Но ночью она улетает?

– Точнее, в сумерках.

– И всегда возвращается?

– Возвращается.

– Где вы ее взяли?

– В лесу нашел, где же еще. Она была ранена – неудачная охота, видимо. Или другие птицы накинулись.

– Разве птицы охотятся на сов?

– О нет. Сова хищник. Другие птицы очень не любят хищников. Собираются всей стаей и нападают.

– Ее можно потрогать?

– Можно. Только резких движений не делайте.

Рин медленно приблизился и аккуратно одним пальцем провел по перьям. Они были мягкие, пуховые. Надо же, он первый раз прикоснулся к сове. Дракона по черной чешуе гладил, а вот сову не доводилось. Птица повернула голову и опять посмотрела на него круглыми глазами.

– Вы довольны, господин комендант?

– Да, я доволен.

– Хотите, поднимемся на чердак? Там у меня сушатся травы.

Сову он увидел. Так отчего бы теперь и на чердак не посмотреть?

***

Гаро прокрался к кабинету коменданта. Когда в крепости не было посторонних, стражу в коридорах не ставили, поэтому проблем у него не возникло.

Пока длинноволосый прохлаждается у лекаря, у него вполне хватит времени испить из той бочки, что привезли из деревни. Почему-то она все не шла из головы Гаро. Он уже целое тысячелетие или больше не пьянел, и это было невыносимо.

Дверь оказалась незапертой.

«Ну и дурак», – хмыкнул Гаро. Он-то уже собрался ковырять дверь ножом, а тут такой подарок.

Он вошел. На столе валялись какие-то бумаги, да и хрен с ними. Вот бочонок, рядом глиняная кружка и кубок, может, даже серебряный. Ну, из кружки пусть пьет тот, кто себя не уважает.

Гаро себя уважал. Он взял кубок и наполнил его до краев. Выпил, как воду, часто задышал, на глазах аж слезы выступили. Надо же, совсем отвык. Ничего, когда-нибудь он вернется к нормальной жизни. Лет через пять у него будет

дофига выпивки и баб. Ничего, можно подождать. Чай не немощным стариком выйдет отсюда, так что хорошо все.

Он повертел в руках кубок – на нем были изображены гологрудые девицы с рыбьими хвостами. И сидели они почему-то не в воде, а на деревьях. Экая диковина! Кто такое только придумал?

Гаро нацедил еще из бочонка. А что? От пары глотков не сильно убудет, да и для него это что вода. Сейчас допьет, и нужно идти бревна таскать. Эти бревна комендант специально придумал, чтобы жизнь им отравить. Хотя, конечно, спать тепло стало, перед рассветом теперь зубами не стучишь. Опять же, еда теплая. Горячая даже.

Гаро осушил кубок и даже потряс его, вытряхивая в рот последние капли.

А что там комендант на столе-то разбросал? Бумаги с закорючками. Вот делать кому-то нечего! Он взял один лист, повертел его и так, и эдак. Непонятно. Лучше бы картинку какую нарисовал, а так только деньги переводит. Сколько же стоит бумага? А чернила? А перья?

Ладно, еще чуть-чуть выпивки и надо убираться. Пора лес валить. Эх!

Гаро расправил плечи, чувствуя, как волшебный напиток наполняет его силой. И еще раз наполнил кубок до краев.

«Последний!» – пообещал сам себе. Отхлебнул чуть-чуть, чтобы не расплескать.

И все же, что хорошего в этих бумажках? Он опять повер-

тел лист. Ни красоты, ни смысла.

– Ты его держишь вверх ногами, – послышался от двери холодный голос.

Гаро вздрогнул и повернулся. На пороге стоял комендант.

– Ну, я это… – начал Гаро.

– Сержант! – позвал длинноволосый.

Тут же появился Санти и два солдата. И какого черта комендант заявился не один? Кто-то видел Гаро и сдал? Что за крыса? Да не может этого быть!

– Я ничего, – Гаро осторожно пристроил на край стола недопитый кубок и исписанный листок, – я совсем ничего.

– Отведите его во двор.

Он даже не подумал сопротивляться. Пол слегка шатался, и стены выглядели как-то непрочно. Во дворе будет лучше, наверняка.

Рин подошел, собрал бумаги на столе. Недопитый кубок выплеснул в окно.

– И что с ним теперь? – неуверенно спросил Санти.

– Что и обещал, – мрачно ответил комендант.

– То есть, за ворота?

– Да.

– Но это верная смерть.

– Да.

– Может, простить на первый раз?

– Если я его сейчас прощу, все вокруг решат, что им все дозволено, и начнут творить неведомую хрень. Поскольку

будут считать, что мое слово ничего не стоит, и им нечего опасаться.

– Ну, Гаро же ничего не сделал. Почти.

– Если бы он просто напился до синих чертей и кому-нибудь морду разбил, да и хрен бы с ним. Посидел бы пару дней в подвале, в себя пришел. Но он вломился ко мне и взял бумаги со стола.

– Да что такого в этих бумагах?

– Желаете узнать, сержант?

– Нет. Не желаю.

– Правильно.

– Но за ворота, не слишком ли?

– Я уже пообещал, все это слышали. Ничего тут не сделаешь. Пошли вниз.

Во дворе уже собралось достаточное количество народа. Все, кто мог, бросили свои дела и слонялись поодаль, изо всех сил изображая, что здесь они оказались случайно и лишь на минуту.

Рин посмотрел на бледное солнце, слегка прищурив глаза.

– Ты хотел украсть деньги? – спросил он.

– Какие деньги?! – возопил Гаро, почти полностью протрезвев. – Пусть меня обыщат, при мне ни единого медяка нет.

– Тебя кто-то послал прочитать документы?

– Кто меня мог послать? Я ничего не понимаю в ваших закорючках. Неграмотный я! Могу только свое имя накаря-

бать. И все. Все!

Рин ему верил. Почти. Но отступать было невозможно.

– Иди. Собери вещи.

– Зачем это?

– Я тебя отпускаю.

– Куда это?

– Туда, – Рин сделал жест в сторону ворот, – не тяни. Чем быстрее соберешься, тем больше успеешь пройти засветло.

– А… да.

Гаро с минуту хлопал глазами, потом, среди всеобщего молчания, побрел к казарме.

– Не слишком ли, – начал опять сержант.

Может и слишком, но других вариантов не было. Или комендант держит свое слово или может смириться с тем, что оно больше ничего не стоит. И не решает.

Солнце, казалось, застыло на небе.

Появился Гаро с небольшим узелком. У казармы его поджидал Эмиль, сунул пару лепешек. Рин сделал вид, что ничего не заметил.

– Эй, комендант! – крикнул Гаро с веселым отчаянием. – Проводишь меня?

– Ворота открыты, ступай, – отозвался комендант.

– Ничего. Раз ты прошел через лес, то и я смогу. Может, белеска завалю. Шкуру продам. Богатым стану!

– Не затягивай.

Гаро посмотрел на солнце. И все присутствующие посмот-

рели на солнце. Светило уже давно перевалило за полдень, но до темноты еще было три-четыре часа.

Гаро шагнул за ворота. Нерешительно постоял, прижимая к груди свой узелок, потом быстро пошел в сторону леса.

***

Ночь была в самой глухой поре, когда его разбудил стук в дверь.

– Что случилось? – Рин с трудом оторвал голову от подушки.

– Господин комендант! Пожалуйста, проснитесь!

Явно голос сержанта Санти.

– Я проснулся, что дальше?

– Не могли бы вы выйти к воротам?

Спрашивать, что происходит, смысла не имело. Внятного ответа через дверь он все равно не получит.

– Сейчас, – недовольно ответил господин комендант.

Он кое-как оделся и спустился во двор. Ночь была темной и безлунной, белые звезды, разбросанные по черной скатерти неба, света не давали. Зато у ворот пылало несколько факелов. Рин пошел туда.

На земле сидел окровавленный человек. Гаро.

Вокруг, несмотря на ночное время, толпилось как-то много народа.

– Открыли ночью ворота? – спросил Рин у стражи. Очень

ласково спросил.

Те угрюмо молчали, разглядывая землю у себя под ногами, и, видно, особой вины не чувствовали. Плохо! Но с этим лучше разобраться утром.

Гаро неожиданно сделал движение, пытаясь обнять колени коменданта. Рин едва успел отшатнуться.

– Пожалуйста! – громко прошептал он. – Позвольте мне остаться! Я все, что угодно, хоть лес валить бессменно, хоть выгребные ямы чистить, но позвольте остаться. Не выгоняйте!

И что с ним теперь делать? Приказать выкинуть за ворота? После такого приказа его самого выкинут.

– Сможешь дойти до лекаря? – спросил Рин.

– Конечно, смогу!

Гаро встал, сделал несколько шагов, качаясь, как пьяный. Хотя хмель из него должен был выветриться давным-давно.

– Ты, – Рин наугад ткнул пальцем в одного из зрителей, – отведи его к мэтру Дику.

Санти, стоявший поодаль, не таясь, вздохнул с облегчением. И вся толпа чуть повеселела – даже послышались какие-то разговоры и смешки. Они что, в самом деле тут бунт собирались устроить?

– Всем разойтись! – приказал Рин.

И отправился к себе в комнату. Привел в порядок одежду, заплел волосы, и пошел к мэтру Дику.

Гаро уже лежал на низкой и узкой кровати и, кажется,

спал.

– Я дал ему настойку сон-травы, – сказал лекарь, – сейчас обработаю раны и все будет хорошо. Ну, если в ранах нет яда.

Рин посмотрел, как вздрагивает во сне раненый.

– Что с ним? – спросил он.

– Не знаю. Раны не слишком глубокие, но он напуган.

– Он что-то говорил?

– Ничего вразумительного.

– Когда с ним можно будет поговорить?

– Допросить?

– Бить я его не собираюсь, – разозлился Рин, – но спросить, что произошло, обязан.

– Завтра ближе к полудню он проснется. И, надеюсь, будет более спокоен.

– Что за раны у него?

– Похоже, будто зверь драл.

– Белеск?

– Нет. Вот, посмотрите, на щеке, господин комендант. По размеру будто женская рука, а царапины как от кошачьих когтей.

– Может это и есть кошка? Большая. Рысь, например.

– Нет, здесь пять царапин, как от человеческой руки. С когтями.

– Я думал, в здешних лесах боятся только белеска.

– Раньше я тоже так думал, но ведь ночью никто не ходит туда. Значит и не видит многое.

– Вроде я там был. Почти ночью.

– Вам исключительно повезло. Вы встретили только белеска.

– Действительно, повезло.

– Вы сможете заснуть, господин комендант? Или вам тоже дать несколько капель сон-травы?

– Спасибо, как-нибудь обойдусь.

– Доброго сна, господин комендант.

Рин устало кивнул.

***

Гаро проснулся далеко за полдень. Когда пришел Рин, тот сидел на узкой кровати и держал в руках кружку с травяным отваром.

– Вы ведь не отправите меня опять в лес, господин комендант? – с отчаянной надеждой спросил он. Руки и губы его мелко дрожали.

– Не отправлю, – пообещал Рин.

Гаро со всхлипом вздохнул и отпил из кружки. Чуть не поперхнулся, но все же слегка успокоился.

– Правда?

– Правда.

– Я… что хотите буду делать, хоть выгребную яму…

– Это я уже слышал. Что ты такое видел в лесу? Не белеска?

– Нет. Не белеска.

Гаро сразу поник и крепче схватился за кружку, будто ища в ней защиты.

– Рассказывай.

– Ну, я точно не понял. Какие-то девки. Голые. Зеленые. И светятся в темноте, как гнилушки. Ну и ногти у них, как у кошек.

– Значит, девки тебя так?

– Ну да. Я пробовал мечом махать, а они как змеи вокруг вьются. Мне их не достать, а вот они меня… Ну, отбился кое-как, повезло мне. Бежать назад бросился. Парни увидели меня, пустили.

– Сюда эти девки не придут, так что прекращай дрожать.

– А вдруг?

– Вдруг ты им настолько понравился? Не бойся, наверняка они не любят огонь. Справимся с ними. Ты пока отсыпайся, два дня у тебя есть. Потом придумаю тебе работу. Еще пожалеешь, что у девок в лесу не остался.

– Спасибо, господин комендант!

Гаро просиял такой благодарной улыбкой, что Рина передернуло.

Ближе к вечеру появился гонец из Лавиньеля. Отдал коменданту письма и деньги и без вдохновения пошел устраиваться на ночлег.

Комендант послал за сержантом и лекарем, продемонстрировал им увесистый кошель. Санти недоверчиво взве-

сил его на ладони.

– Это из-за вас увеличили выплаты? – недоверчиво спросил он.

– Из-за меня их могли только сократить.

– Но тогда…

Санти переглянулся с лекарем.

Рин развязал кошель и высыпал серебро на стол.

– Но тогда мы можем купить теплую одежду на зиму, – начал сержант, – и еще одну лошадь или мула, ребятам трудно бревна таскать. И еще еды в запас и пива, может.

– Лекарства, – вступил мэтр Дик, – и полотно для бинтов.

– И этих, кур и свиней, да?

– Завтра поедем в город, – сообщил Рин, – мне надо знать, что необходимо. Со мной поедет мэтр Дик, я не разбираюсь во всех этих снадобьях. И нужно еще пару человек, наверное.

– Можно взять Пейтона, он все равно сучком руку пропорол, толку от него мало. И, может, Пауля.

Рин понятия не имел, кто из солдат Пауль, но согласился.

– Надо спросить у Эмиля, что еще нужно. Стены хорошо бы подправить и крышу залатать в казарме. И кузнеца бы хорошо.

– У нас есть кузнец? – прервал мечты сержанта Рин.

– Нет.

– Среди солдат есть кузнец? Или хотя бы ученик кузнеца?

– Есть.

– Так. Нам нужна кузня и курятник. Для начала. Кто этим займется?

– Мы найдем, кто этим займется.

В глазах Санти горел энтузиазм, Рин и не предполагал, что горстка монет может так вдохновить людей. Хотелось охладить этот ничем не обоснованный пыл.

Кузня вряд ли. А вот свинарник какой-нибудь они, конечно, построят.

– Мэтр Дик, вы готовы завтра ехать в город? И, главное, показать дорогу к нему.

– Конечно, господин комендант.

– Завтра на рассвете нам ничто не помешает?

– Надеюсь, что ничто.

***

В крепости имелся серый мерин, обученный ходить под седлом. Не слишком быстрый, но выносливый. И пегая кобыла Мурка, которую запрягали в телегу.

– Почему Мурка? – изумился Рин.

– Да кто ее знает, – почесал затылок Жан, – назвали так. А че бы и не назвать?

Кобыла вполне откликалась на имя, так что, действительно, почему бы и нет.

Лекарь ехал верхом, два солдата в телеге. Застоявшийся Гром негодующе фыркнул на медлительных сотоварищей и

унесся вперед галопом. Рин ему не препятствовал. Потом пришлось возвращаться – тоже галопом. Мурка шарахнулась в сторону, когда Гром начал выплясывать вокруг, Пауль с трудом удержал ее на дороге.

– Вам бы чаще выбираться из крепости, господин комендант, – заметил мэтр Дик, – это пойдет на пользу и вам, и вашему коню.

– Да, – согласился Рин, – когда вернемся, постараюсь последовать вашему совету.

– Может заедем в деревню на полчасика? – тоскливо предложил Пейтон. – Деревня вон она, совсем рядом. Воды попьем. Коней напоим.

Поскольку из крепости выехали всего час назад, лошади в питье явно не нуждались.

– Ты говорил, твоя жена вышивает? – вспомнил Рин.

– Ну да, говорил, – без энтузиазма подтвердил Пейтон. С точки зрения деревенских жителей это был большой изъян. Лучше бы девка за коровой ходила, чем в тряпку иголкой тыкать.

– Заедем, – согласился Рин, – но ненадолго.

Дом Марики стоял на отшибе и как-то слишком близко к дороге. Вокруг дома росли яблони и все. Больше хозяйства не было, пара грядок с травами совсем не в счет. Непонятно, как она вообще выживает, да еще и с ребенком.

Когда женщина вышла им навстречу, Рин чуть не поперхнулся. Скоро должно быть прибавление в семействе, судя по

всему. Папаша здесь бывает редко, но метко.

– Господин, – женщина поклонилась, насколько ей позволял живот, – я так благодарна за мужа. Вот спасибо вам.

– Марика, говорят, ты вышиваешь?

– Ну так, чуть-чуть, – смутилась женщина.

– Покажи что-нибудь.

– Вам правда интересно? – с наивной робостью спросила она.

– Было бы не интересно, стал бы я сворачивать с дороги, – огрызнулся Рин.

Пейтон посмотрел на него укоризненно, и, чтобы не тратить впустую время, отправился чинить крыльцо. Покалеченная рука его явно не смущала. Пауль недовольно поворчал, но пошел помогать.

– Вот.

Марика принесла полотенце. На беленой холстине расцветали маки и васильки, золотились хлебные колосья. Рин удивленно провел пальцем по стежкам.

– Еще что-то есть? Принеси!

Она принесла. Неведомые птицы, зеленые стебельки и снежинки.

– Женщина, и что, за это не платят?

– Нет, – Марика опустила глаза, – староста говорит, что такого добра в городе полно. Никому не нужно.

– Принеси все что есть. Я сам спрошу, без всякого старосты.

– Господин! – кто-то осторожно потрогал его за рукав.

Рин обернулся – рядом стоял мальчик, видимо сын Марики. Как его зовут? Вроде Пейтон говорил. Бен? Нет. Браун? Тоже нет. Брен, кажется.

– Что ты хочешь? – довольно доброжелательно спросил комендант.

– Можно вашему коню дать яблоко? Никогда таких красивых коней не видел. Он яблоки ест?

На ладони мальчика лежало краснобокий плод. Рин бы и сам от такого не отказался.

– Можно угостить, – разрешил он, – только Гром ест то, что куплено. И никак иначе.

Рин порылся в кошельке, нашел медную монету и отдал мальчику.

– Теперь можешь угощать. Он не укусит.

– Вы умеете говорить с детьми? – удивление лекаря прозвучало обидно.

– У меня их трое, – холодно ответил комендант.

– Простите, – слегка опешил мэтр, – где они сейчас?

– В родовом замке, с матерью, как и положено. Не с собой же было их тащить.

– Еще раз прошу простить. Я не предполагал.

Рин кивнул – обычно все не предполагали. Хотя для всех остальных людей наличие семьи было как-то само собой разумеющимся.

Марика принесла узелок, застенчиво подала его.

– Зачем вы так? – укоризненно спросил Пейтон, когда они достаточно отъехали от деревни. – Ведь это баловство ничего не стоит. Красиво, но бесполезно.

– Вот и узнаем, сколько это стоит, – отмахнулся Рин, – ни от кого не убудет, если спросить.

***

– Ну, вон за тем поворотом небольшой лесок, – сказал мэтр Дик на исходе дня, – там есть поляна, на ней и заночуем.

– Почему на поляне? – поежился Рин от холодного ветра. – Впереди нет ни одного трактира?

– Есть, конечно. Впереди, еще час езды. Но нас четверо, плюс три лошади, это слишком дорого.

Двое солдат покорно согласились ночевать под открытым небом.

– Едем дальше, – обозлился Рин, – я все оплачу из своих денег.

– Мы всегда ночуем на этой поляне, когда едем в город, – попробовал настаивать лекарь, – она очень удобная и от дороги не видна.

– Мэтр, если есть возможность ночевать под крышей, то я предпочитаю крышу.

– Вы представляете, господин комендант, в какую сумму может обойтись ужин и ночлег?

– Разумеется, представляю! Мэтр, пожалуйста, не бесите

меня.

Несколько долгих минут ехали в молчании.

– А в городе что? – спросил Рин. – Тоже останавливались в самом паршивом клоповнике или на улице ночевали?

– Мы не ночевали, – мягко ответил лекарь, – за три-четыре часа закупали что нужно и отправлялись обратно.

– Понятно. Сегодня спим под крышей и едим нормальную горячую еду. И в городе находим что-то пристойное, где не страшно оставить лошадей. Расходы пусь вас не волнуют. Деньги из моего личного кошелька.

– Вы поражаете своей щедростью, господин комендант.

– Нет. Я просто о себе забочусь.

Пристойным Рину показался трактир «Щипанный кролик». На вывеске была изображена розовая тушка то ли кошки, то ли кролика на вертеле.

Пейтону и Паулю было выдано по монете.

– Завтра утром быть здесь. – велел господин комендант, – если кто-то отсутствует, буду считать дезертиром в бегах. Это понятно?

– Да, господин комендант!

– Тогда на сегодня свободны.

– Господи! – воскликнул мэтр Дик. – Вы хоть представляете, на что они потратят деньги?

– Представляю. На выпивку и девок.

– И зачем это?

– Пусть отдохнут.

– Вы решили потворствовать греху?

– Мэтр, я удивляюсь! Вам и мне есть чем заняться. А им что делать? Сидеть с постными лицами во дворе на солнышке?

– Кстати, господин комендант, что вы сейчас намерены делать?

– Для начала с вышивками нужно разобраться. Потом купить теплую одежду для Анри. Потом все остальное.

– Если вы позволите, насчет вышивки узнаю я. Просто у меня, наверное, лучше получится. Не хочу обидеть вас, но…

– Да пожалуйста! А я пока посмотрю, что этот город из себя представляет. Лошадь будем покупать завтра, а сегодня я…

– Отдохните, господин комендант. Это пойдет на пользу, без всяких сомнений – и вам, и всем остальным.

Рин выбрался на главную площадь города, заставленную прилавками торговцев. Владелец «Щипаного кролика» подробно объяснил дорогу и еще добавил, что господину повезло, поскольку именно сейчас проходит какая-то там ярмарка в честь какого-то там святого.

Светило солнце, и Рину показалось, что здесь гораздо теплее, нежели в крепости. Он немного посмотрел на акробата, который балансировал на тонкой, вертикально поставленной тросточке, и при этом умудрялся жонглировать яблоками. Два яблока красные, одно зеленое и одно желтое. Рин даже бросил монетку, хотя акробаты его никогда особо не забав-

ляли. Впрочем, на площадь он шел совсем за другим.

Его интересовал прилавок со сладостями. Сушеные фрукты, конфеты из ягодного сока, орехи в меду. Если кто-то из своих случайно увидит, всегда можно сказать, что это для Анри. Разумеется, для Анри. Ребенок в любом случае получит сладости, но и для себя Рин возьмет кое-что.

– Господин комендант? Вот не ожидал вас здесь увидеть!

Рин оторвался от созерцания яблок в сладком сиропе и с досадой повернул голову. За спиной стоял граф Коншеван.

– Какими судьбами, господин комендант? Я полагал, вы не вылезаете из своей Башни.

– Вам так показалось, господин граф, – нелюбезно ответил Рин.

– Сладости для какой-нибудь леди? Хотя какие леди в этом городе! В лучшем случае лавочницы, в худшем прачки.

– Вы угадали. Конечно же, для прачки.

– А между тем, – лучезарно продолжал граф, – леди Агнесс вспоминала о вас. Вы бы ей хоть весточку прислали, что будете в городе.

– Каким образом я ее предупрежу? У меня нет почтовых голубей.

– Какая досада.

– Что тут поделаешь. Жизнь в башне суровая и лишена всех радостей.

– Сочувствую, господин комендант, от души сочувствую. Ваш предшественник все же как-то ухитрялся радовать себя.

– Я надеюсь, он до сих пор радуется. Особенно после встречи с герцогом Лавиньельским.

– Ну, кто знает. Радости бывают разные.

Внезапно Рину все надоело.

– Я пойду, – сказал он.

– Куда?

– К прачке, разумеется.

– А как же сладости?

– Сама себе купит.

– А, ну не стану задерживать. Жизнь в Башне полна лишений.

– Да. Сплошное воздержание.

Рин намеревался сделать круг по соседним улицам и вернуться, в надежде, что граф куда-нибудь денется. В ад провалится, например.

Он хотел от досады пнуть зазевавшуюся псину, но передумал. Голодный пес подбирал объедки и ни в чем не был виноват. Особенно в появлении Коншевана.

Рин приблизительно прикинул, куда нужно идти, чтобы не заблудиться.

Через несколько поворотов ему показалось, что за ним кто-то идет. И вовсе не бродяги, которые надеются урвать кошелек – ему дважды померещился за спиной сполох ярко-красного цвета.

Паоло? Ничего удивительного. Раз в городе граф, то поблизости и его родственничек. Связываться с ним совсем не

хотелось.

Рин протиснулся в узкий проход между домами и затаился. Даже прижал ладонь к губам, чтобы унять дыхание.

Паоло прошел вперед целеустремленно, сжимая рукоять меча, готовый в любое мгновение броситься на противника. За ним шел слуга, сосредоточено хмуря брови и сопя от предвкушения. В руках у него была палка. Даже не дубинка – обычная палка, выломанная из ближайшего забора.

Значит, связываться с ними все же придется. От этого простака хорошо бы избавиться первым, чтобы под ногами не путался. Вот если бы отвлечь его молодого господина всего-то на пару мгновений…

Неожиданно собака, которая увязалась за Рином, бросилась вперед и с рыком вцепилась зубами в ярко-красный плащ. Может быть, он ее раздражал.

– Погань бешеная! – заорал Паоло, пытаясь пнуть псину сапогом.

Рин выскользнул из своего укрытия и оказался как раз за спиной парня с палкой. Тот даже ничего не успел понять, и рухнул на землю с перерезанным горлом.

– Ты! – Паоло дернул плащ, оставив клок в зубах собаки, и выхватил меч. – Как же ты мне надоел!

Рин не помнил, чтобы последнее время он специально кому-то надоедал.

– Шел бы ты своей дорогой, – предложил он юноше.

– Да как же, когда ты постоянно под ноги попадаешься!

Тут Паоло особенно удачно махнул мечом и срезал прядь волос у противника. Это его развеселило – он даже отступил на шаг и захохотал. Рин ударил его кулаком прямо в смеющийся рот, серебряное кольцо разбило губы.

Паоло замер, прикоснулся к подбородку, по которому текла тонкая алая струйка.

Рин вздохнул и поднял меч, чтобы вовремя отразить атаку. Атака последовала незамедлительно.

И тут Рин вспомнил, что они не в его крепости, не у Коншевана в гостях, а на нейтральной территории. И значит щадить противника нет никакого смысла. Хотя убивать тоже не надо – по возможности.

Он сделал вид, будто метит в бок, Паоло опустил меч, защищаясь. Рин изменил направление удара, зацепил клинком запястье и слегка дернул вверх. Меч блеснул серебряной рыбкой и упал в грязь под ногами. Паоло вскрикнул и схватился за раненую руку.

Рин отступил на пару шагов, подождал. Продолжения не последовало. Паоло был слишком занят собой, чтобы обращать внимание на кого-то еще, даже если этот кто-то его недавний противник.

Рин пожал плечами, убрал оружие и продолжил свой путь. Желтая псина жалась у стены дома.

– Иди со мной, – позвал Рин, – куплю тебе требухи у мясника.

В конце концов, она ему помогла, да и плащ юнцу порва-

ла. Хорошая собака.

***

Две телеги были полностью загружены, гнедому мэтра Дика тоже пришлось тащить поклажу. И даже на Грома навесили несколько сумок, отчего тот был явно не в восторге.

Особую гордость вызывал жеребец соловой масти с широкой грудью и ногами, схожими с античными колоннами.

– Сколько же он будет жрать!– тихо поразился Пауль.

Зато при виде нового спутника Мурка внезапно приободрилась, начала вскидывать голову и перебирать ногами. Гром, увидев солового, презрительно фыркнул. И прошелся, демонстрируя запряженному в телегу новичку, а заодно и дуре Мурке свое изящество. Рин усмехнулся и потрепал его по шее.

– Господин комендант, – робко начал Пейтон, – а что если я на часок задержусь?

– Где ты задержишься? – без интереса спросил господин комендант.

– Я к Марике заскочу, хоть гостинцы отдам. Ну, клянусь, только отдам, даже в дом заходить не буду.

– Да на здоровье.

– Хорошо некоторым, – мечтательно сообщил куда-то в пространство Пауль, – своя баба под боком.

– Ты бы не жаловался, – осадил Рин, – сам от девок два

дня не вылезал. Теперь мэтру Дику наверняка придется твой насморк лечить.

– Какой еще насморк?

– Нижний.

Пейтон засмеялся в кулак.

– Смотрите, господин комендант, – лекарь постарался уйти от щекотливой темы, – вон та собака бежит за нами от самого города.

Рин повернулся в седле, посмотрел.

– Если не отстанет, на привале покормим. А если до крепости добежит, возьмем. Подружка Волчку будет.

– Какая-то она неказистая.

– Хорошая собака, умная. Отдохнет. Отъестся.

***

– Господин комендант! Можно я к дому сверну?

– А Муркой кто править будет?

– Я буду править, – предложил мэтр Дик, – а Пейтон пусть на гнедого садится. Быстрее будет.

– Вот всегда некоторым везет.

– Пауль, заткнись.

– Кстати, передай своей жене, – лекарь протянул кошелек. Не слишком увесистый, он произвел на солдата странное впечатление.

– Что это? – почти шепотом спросил он.

– Деньги за ее вышивки.

– То есть как? Раньше ей пару монет…

– Только не вздумай бить морду старосте, – предупредил Рин, – это не моя земля, деревня к Башне никакого отношения не имеет. Не хочу лишние неприятности.

– Да наплевать, я же!..

– Если на меня наплевать, то о жене и сыне подумай. Им еще там жить.

– Да как же теперь…

– Да никак! Кстати, передай Марике.

Рин вытащил из сумки сверток.

– Это шелк и нитки. Пусть вышьет для меня полдюжины платков. Деньги там же.

– Какие деньги?

– За работу. Что глазами хлопаешь?

– Бери гнедого, – поторопил мэтр Дик.

– А, да. Я быстро.

– Нагонишь нас у Башни. Поторопись.

***

Рыжая собака уселась у ворот, высунув язык и тяжело поводя боками.

– Ну что, раз добежала, заходи, – разрешил комендант.

Собака неуверенно сделала несколько шагов, чуть припадая на переднюю лапу.

– Что это с ней? – заволновался мэтр Дик. – С утра не хромала, нужно будет посмотреть.

– Что это? – мрачно спросил сержант Санти.

– Златка. Подружка для Волчка.

– Больно неказистая. В деревне и получше можно найти.

– Зато умная.

– А это что за чудище еще? – сержант ткнул пальцем в солового.

– Ты ж коня просил.

– Можно было обычного мула. Этот нас обожрет.

– Санти, ты чем-то недоволен?

Сержант замялся, похлопал нового коня по крутому крупу.

– Да я-то доволен. Только неправильно как-то.

Подоспел Жан, всех лошадей одарил куском яблока. И Грома тоже. Гром снисходительно принял подношение.

– Можно забирать лошадок? Умаялись, поди. Смотри, как запылились да исхудали.

– Когда б они исхудать успели? – поразился Рин.

– Да как же! Смотрите-ка, гнедой еле дышит, у Мурки ребра торчат, а у Громушки бока запали.

– Так, хватит, – господин комендант никак не мог решить, психануть ему или рассмеяться, – Жан, забирай лошадей. Санти, разгружайте телеги. Вот этот бочонок в мою комнату. Эмиль, где Анри? Анри, покорми Златку и устрой где-нибудь.

– А откуда она? – звонко спросил мальчик.

– Из города за нами бежала.

– Укусит же ребенка! – всполошился Эмиль.

– Не укусит.

– А в этой бочке что?

– Соленая треска.

– Она же дорогая, сволочь! Куда ее?

– На кухню, куда еще?

– В погреб, может. Эмиль, куда?

– Овес и отруби на конюшню тащите.

– Почему на конюшню? Мэтр Дик, я думал отруби тоже на кухню.

– Обойдешься. Нам лошадей кормить надо.

– Конечно, – засуетился Жан, – главное лошадок накормить. А вы как-нибудь уж перебьетесь.

– Тебе лошади дороже друзей?!

– С ума сошел? Сколько стоит лошадь!

– А я?

– А твоя жизнь бесплатная.

У Рина иссякли остатки терпения.

– Так, хватит! – крикнул он. – Если не заткнетесь, начну убивать. Всех. Лично.

Воцарилось удивленное молчание. Даже Гром перестал хлестать себя хвостом по бокам.

– Анри, – уже тише проговорил комендант, – устрой псину и приходи в мой кабинет. Знаешь где он?

– Да, – пискнул мальчик.

Рин кивнул и поспешил уйти, иначе в самом деле прибил

бы кого-нибудь. За его спиной несколько секунд царило молчание, затем шум поднялся с новой силой. Рин поморщился и ускорил шаг.

***

Анри, видимо, устраивал не только Златку, но еще и всех лошадей. И кур, если бы они были. Кстати, нужно уже послать кого-то за курами. Интересно, курятник построили, или пока начальства не было, все дурака валяли?

Рин съел пару марципанов. Подумал, что нужно экономнее расходовать сладости, неизвестно, когда еще удастся попасть в город. И съел еще три.

Было холодно. Жаровня стояла остывшая и всеми забытая. Рин плотнее закутался в плащ, лисий мех щекотал щеки. Нацедил в кружку немного пойла из бочонка. Сейчас они там придут в себя от волнения, и притащат горячие угли – во всяком случае хотелось в это верить.

Наконец прибежал Анри.

– Новый конь такой огромный, как дом! – с восторгом начал он. – Мне Жан разрешил проехать на нем. Совсем немного, только по двору.

Жаль было омрачать его радость.

– Читай, это о тебе, – Рин взял со стола первую попавшуюся бумагу.

Мальчик долго вчитывался, хмуря брови и шевеля губами

от усердия.

– Но тут нет ничего про меня. Тут про сено только, – недоуменно сказал он.

– Значит, ты все-таки грамотный.

– Отец Петр меня учил.

– Долго?

– Ну да, долго. Пока не умер.

– Раймонд Белузье твой отец?

Анри заметался, попытался выскочить за дверь. Рин едва успел его поймать.

– Успокойся. Я не собираюсь тебя убивать.

– Правда?

– Конечно. Если бы хотел, давно бы уже убил.

Этот довод вполне убедил Анри, он тут же успокоился.

Рин протянул ему мешочек с конфетами.

– Никому не говори, что ты Белузье. И не попадайся на глаза чужим.

– Я так всегда и делал!

– Молодец. Можешь идти.

– Конфеты можно взять?

– Конечно. Это тебе.

– Спасибо! А мне можно будет покататься на новом коне?

– У Жана спроси.

– А ему можно сказать, что вы разрешили?

– Скажи.

– Спасибо!

Анри убежал, кажется, совершенно счастливый.

Рин подумал, налил в щербатую кружку еще немного пойла. Собственно, можно возвращаться в Лавиньель. Он разобрался с делами в Холодной Башне и нашел живого Белузье. Может, уже завтра уехать?

***

Утром у ворот творилось что-то странное. Калитка была открыта. Совершенно незнакомый мальчик десяти лет стоял и с интересом разглядывал все вокруг. Один стражник бросил свой пост, прислонил алебарду к стене и куда-то убежал.

– Калитку запри, – сквозь зубы приказал Рин, приблизившись, – что происходит?

– Марика рожает, – сообщил мальчик. – еще вчера начала. Да не получается у нее. Бабка меня послала за мужем ее. Чтобы проститься успел. Потому как не протянет долго.

– Матье уже побежал за Пейтоном, – сообщил второй стражник. Потом посмотрел на алебарду, прислоненную к стене, и опустил глаза.

– Простите.

Рин давно понял, что с таким гарнизоном, если дело дойдет до чего-то серьезного, долго не выстоять. Он выругался про себя и потом оглянулся на толпу собравшихся солдат.

– Жан, – приказал он, – немедленно запрягай Мурку. Айван, беги за мэтром Диком. Быстро!

В это время прибежал Пейтон и стражник. Стражник искоса взглянул на коменданта и стал осторожно продвигаться в сторону оставленного оружия.

– Господин комендант!– Пейтон едва перевел дыхание. – Можно я побегу?

– Подожди.

– Но, господин комендант! А если я не успею?

– Успеешь.

– Но как же она там. Марика!

Тут почти одновременно прибыл Жан – он привел к воротам Мурку, запряженную в телегу – и прибежал лекарь.

– Вот теперь можно, – разрешил Рин, – грузитесь. Парня не забудьте.

– Господин комендант, а если я…

– Что, если ты? Лошадь не загони.

Рин посмотрел вслед удаляющейся телеге.

– Не, не загонит, – отозвался Жан, – Мурка кобыла сильная. Скорее колесо у телеги отвалится.

– Отвалится? – грозно переспросил Рин.

– Да не. Вроде не должно.

– Санти!

– Что? – тут же отозвался сержант.

– Пусть запрягают солового, и отправляй людей уже за курами. И что там нужно по хозяйству.

– Нужно Эмиля спросить.

– Спроси. И чтоб сегодня уже поехали.

Утро выдалось бурным и не слишком радостным. Рин вздохнул и отправился на кухню пить свой травяной отвар.

***

Мэтр Дик вернулся, когда почти стемнело. Солнце на закате было алого цвета и напоминало зрачок хищной птицы. Рин сидел в своем кабинете и бесцельно смотрел в окно, появление лекаря отвлекло его от ничегонеделанья.

– Что там? – спросил он, подперев голову рукой.

– Девочка. Все хорошо, все живы.

– Ну и хорошо.

– Пейтону я разрешил остаться до утра, если вы не против.

– Я не против.

– И, если позволите, завтра я бы их навестил, на всякий случай.

– Позволю.

– Тогда я пойду?

– Пора сову выпускать? – слегка оживился комендант.

– Да она уже сама улетела.

– Ладно, идите. У вас был трудный день.

– А у вас, господин комендант?

– А у меня еще хуже, как обычно.

***

– Эй, ты там, на воротах! Давай, открывай!

– С чего бы? Мы никого не ждем.

– Подарок вашему коменданту от сиятельного графа Коншевана.

– И что теперь?

– Пойди и спроси своего коменданта, что теперь.

– Господин комендант, слава богу, еще изволит спать!

– Как? Уже полдень!

– Неа. Полдень чуток позже будет.

– И что мне тут, до вечера стоять?

– Да и постоишь, чего уж.

– Вот ты сучье вымя!

– Не ори. А то твой мерин жеребиться начнет. Ща пошлю кого-нибудь за сержантом, может, он тебе ласковое слово скажет.

Рин слушал эту перебранку почти с самого начала. Она его забавляла.

– Сколько там человек? – спросил он.

– Двоих видно. Один лошадьми правит, другой в телеге при товаре, – ответил стражник, – но у них там большая бочка. А что уж в ней – неизвестно.

– Ладно, впускай. Но пусть ребята будут готовы на всякий случай.

Ворота открывали как-то особенно долго, со вздохами и причитаниями, продолжая разыгрывать представление. Наконец во двор крепости вкатилась телега, запряженная па-

рой гнедых.

– Для господина коменданта, – мрачно сообщил возница, – от графа Коншевана.

– И что там? – спросил Рин.

– Вино.

Бочку освободили от веревок и аккуратно спустили на землю. Санти постучал по ней костяшками пальцев. По звуку выходило, что и правда вино.

– И еще птиц не забудьте.

– Каких еще птиц?

При виде пары почтовых голубей в клетке Рин улыбнулся.

– Останетесь у нас передохнуть до завтра? – любезно предложил он.

– Нет. С вашего дозволения мы уж как-нибудь поедем уже.

Комендант милостиво кивнул.

– Ты, принеси кружку, – Рин не глядя ткнул в кого-то пальцем, когда пустая телега скрылась за воротами Холодной Башни.

Кружка появилась подозрительно быстро, будто ее заранее припасли с надеждой на что-то.

Из бочки нацедили немного вина. Рин разочарованно вздохнул. Граф Коншеван предпочитал красные вина и считал, что все вокруг обязаны разделять его вкус.

– Бочку на кухню, – приказал Рин, – раздать всем сегодня на ужин. Анри где?

– Я здесь!

– Пристрой куда-нибудь птиц. Будешь смотреть за ними.

***

Эмиль торжественно пронес сковороду, на которой шкворчали три жаренных яйца, и водрузил ее перед комендантом. Замер рядом в ожидании чего-то. Все остальные, кто явился к завтраку, тоже не сводили глаз с коменданта.

Рин решил, что его хотят отравить.

– Что это? – спросил он и почувствовал, как голос предательски дрогнул.

– Яичница, господин комендант.

– Это я вижу.

– Так яйца от кур.

– Ясно, что не от лебедей.

– Так от наших кур! Первые яйца. Нестись начали.

Эмиль расплылся в улыбке.

Жизнь в Холодной Башне начинала походить на человеческую. И, съев до крошки то, что ему принесли, Рин решил, что имеет право на маленькое удовольствие лично для себя.

День одарил золотым солнечным светом и синим небом. Если все пойдет дальше так, как планируется, через день в городе его будет ждать леди Агнесс.

Рин шел седлать Грома. Жан и Пейтон, завидев коменданта, попытались что-то затолкать вглубь конюшни. Когда это не удалось, попробовали заслонить спинами.

– Пейтон, – грозно спросил комендант, – ты опять кого-то приволок?

– Да конягу, – покаянно ответил тот.

– Коня? Где ты его взял?

– Да на дороге лежал.

– Что делал?

– Бросили его. Я тоже сперва подумал, что дохлый. Ан нет. Живой еще.

– Ты теперь всех убогих будешь в крепость тащить? Нука, покажи.

– Да мы его почистим сперва, накормим, тогда уж…

– Подвинься.

Пейтон опустил голову, шагнул в сторону.

То, что увидел Рин, коня мало напоминало. Нечто на дрожащих ногах, с выпирающим крестцом и ребрами. Один бок, хвост и грива были облеплены грязью.

– Ничего, – Жан осторожно погладил нос доходяги, – почистим, откормим. Отличный конек получится.

Рин отломил от лепешки, которую нес Грому, кусок и протянул найденышу. Тот отнесся к еде совершенно равнодушно – скорее всего просто не поверил. Пришлось заталкивать хлеб ему в зубы.

– Сдохнет.

– Не сдохнет! – хором заверили Жан и Пейтон.

– Ну и черт с вами, оставляйте, – у Рина было слишком хорошее настроение, чтобы спорить, – Жан, приведи Грома.

Подошел Санти. Хмуро посмотрел на бьющего копытом жеребца.

– Вы прогуляться решили, господин комендант? К вечеру вернетесь или раньше?

– Я в город. Буду через три дня. Или четыре.

– Как, в город? А с вами кто?

– Никто.

– Как, никто?! Возьмите хоть Пейтона с собой.

– Пейтону сейчас лучше далеко не отлучаться.

– Тогда Пауля?

– Нет.

– У нас пятьдесят шесть человек. Кого-то да можно выбрать.

– Санти, перестань, – мэтр Дик аккуратно взял его под руку и попытался отвести в сторону.

Рин уже смирился с тем, что если в крепости случалось хоть что-то, сразу собиралась толпа. Сейчас еще и Эмиль с Анри появятся, как будто им заняться нечем. Кстати, как там занятия Анри и Орвила? Надо бы узнать. Но это после, когда вернется.

– Я выполняю свой долг! – сержант попытался отбиться от лекаря. – Я обязан заботиться о господине коменданте. Поэтому необходимо выбрать сопровождающего.

– Санти, позавчера комендант выпустил одного голубя.

– И правильно сделал. Не нужны эти птицы, пользы от них нет. Только зерно жрут и гадят.

– Ладно, хватит. Я остановлюсь в «Щипаном кролике», как и в первый раз. Надеюсь, за время моего отсутствия здесь ничего не случится.

Из-за угла конюшни показался Гаро с двумя ведрами. Заметив толпу, решил обойти ее подальше.

– Гаро, – позвал Рин, – подойди.

Тот оглянулся, поставил ведра на землю, сделал пару шагов.

– Ближе подойди.

– С вашего дозволения, господин комендант, лучше я здесь постою.

– Тогда пойди вымойся. Сержант поставит тебя на нормальную работу. Санти, получится?

– Чего ж не получится? Пусть идет к ребятам на северную стену. Лук-то держать, небось, не разучился.

– Что, правда? – изумился Гаро.

– Правда, поторопись. У господина коменданта хорошее настроение, – буркнул Санти.

Рин повел Грома к воротам, щурясь на солнечные лучи. Если смотреть на них из-под полуопущенных век, то на ресницах играет радуга. Удивительно теплый день для конца сентября. Удивительно теплый день для Холодной Башни.

Это хороший знак.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Рассказ для марафона #меломпоасфальту_БЧП @fellow_writers.

От @luba.writer мне достались картины Рене Магритт "Сын человеческий" и Караваджо "Ужин в Эммаусе". И вот

что из этого получилось.

Зеленое яблоко

Я ел кислое зеленое яблоко. Не то, чтобы это занятие вдохновляло, но я продолжал откусывать просто из принципа.

И еще это яблоко помогало укрыться от человека, который стоял напротив. Он чувствовал себя победителем. Лично мне разговор не нравился. Но я знал, что этого не избежать и успел подготовиться.

… Мы встретились с ним в каком-то ресторане. Ну как в ресторане. По мне так это обычный полутемный кабак, с таким себе меню. Но водка и кое-какая закуска здесь имелись, так что ладно. Не буду придираться.

Человек напротив был моим партнером по бизнесу. Звали его Олег, Олег Евгеньевич. Я его ненавидел.

У него имелась дурная привычка – он любил яблоки. Кто-то курит, кто-то пьет, кто-то гоняет по ночному городу на скоростных машинах. А он ест яблоки.

Извращенец.

Мы выпили по одной и закусили, чем бог послал. Цыпленком табака.

– Ко мне вчера приходила Светлана Сергеевна, – начал Олег.

– К тебе зашел главбух. Что в этом примечательного?

– Догадываешься, что она мне рассказала?

Догадываюсь. Последнее время ее явно что-то мучило. То ли совесть, то ли изжога.

– Наша милая Светочка, – улыбнулся я и отщипнул виноградину от кисти. Посмотрел ее на свет. Фруктовая тарелка – это тоже идея Олега, но тут она пришлась в тему.

– Зря только с ней спал, – заключил я и отправил виноградину в рот.

– Видимо, некачественно спал, раз она о ваших делишках решила рассказать.

– Видимо. Никогда точно не знаешь, что нужно женщине.

– И что ты скажешь?

– Я должен что-то сказать?

– Ну, – он слегка растерялся, – отрицать, обвинять, отпираться.

– Зачем? Ты же уверен, что все так и есть.

– Это правда?

– Да.

Олег налил себе водки и выпил, не дожидаясь меня.

– Значит так, – жестко сказал он, – ты выходишь из бизнеса. Переписываешь все на меня.

– А если нет?

– Идешь за хищения в особо крупных.

– Да ладно! Какие там особо крупные.

– Тогда просто за хищения.

– Где доказательства?

– Светлана предоставит.

– И пойдет за мной прицепом?

– Ей скидка выйдет. За деятельное раскаяние.

– Что получу я, если подпишу?

– Пятьсот тысяч.

– Пятьсот тысяч чего?

– Рублей, разумеется. И то это так, чтобы не возникало вопросов. Ты и так уже достаточно наворовал.

– Если бы не внезапный приступ правдивости у милой Светочки, ты бы и не заметил ничего.

– А налоговая?

– Что налоговая? Они бы тоже не заметили.

– До поры, до времени. Не собираюсь иметь из-за тебя проблемы.

– Ты честный.

– Да, я честный.

Кто-то со всей дури врезал мне по плечу – аж в глазах потемнело.

– О, Димка! Привет! Давненько не виделись!

Я обернулся. Рядом с нашим столом стоял лохматый обалдуй. Самое ужасное, что я действительно его знал.

– Привет, Андрюх, – кивнул я, – ты тут чего?

– Мы тут именины Катюхи отмечаем. Катюха – это моя жена.

– Когда это ты успел жениться?

– Да вот как дембельнулся, так и сразу.

– И наследники уже есть?

– Не, слава богу пока нет. Так что мы гуляем.

– Это кто? – недовольно спросил Олег.

– Это Андрей. Мы с ним вместе учились.

– Правда, недолго, – хохотнул Андрюха, – меня на третьем курсе из универа выперли, так что пришлось идти сапоги таскать.

Он, не церемонясь, ибо все светские условности были ему чужды, налил в мою рюмку сорокоградусной и выпил с удовольствием. Закусил оливкой.

– Идет по улице дембель, – начал вещать он, – а навстречу две бабки. И спрашивают: «Сынок, мы на вокзал правильно идем?» «Нет, бабульки, не правильно. Носок не тянете, строй не держите».

Андрюха захохотал и стащил еще одну оливку.

– Что вы такие грустные сидите? Пошли к нам! Компания веселая, враз настроение поднимется.

– У нас деловой разговор, – проскрипел Олег.

– Андрюх, – сказал я, – мы сейчас договорим, а потом уже к вам. Ладно?

– Ладно, – легко согласился он и отчалил к своей Катюхе и друзьям.

– Теперь не дадут поговорить, – Олег покосился на компанию в углу, – пошли отсюда. Найдем место потише.

Я разлил остатки из графина по рюмкам. Выпили молча, не чокаясь, как на поминках.

Пока Олег рассчитывался с официантом, я сцапал со сто-

ла яблоко. Услышал его разочарованный вздох. По дороге закинул это яблоко в угол и достал из кармана куртки точно такое же. Заранее припасенное.

Мы вышли на набережную. От реки поднимался вечерний туман. Я прислонился к невысокому парапету и откусил от яблока. За моей спиной плескалась река.

Олег встал напротив, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Завтра мы идем к нотариусу. И ты подписываешь все необходимые документы.

– И взамен получаю двадцать копеек на мороженое.

– Ты получаешь двадцать копеек и свободу. Это самое большее, что я могу предложить. Учитывая нашу дружбу.

– Ну да, – я криво улыбнулся и почувствовал, как от кислого сока сводит зубы, – дружбу.

– Не я же начал крысятничать.

Он отобрал у меня яблоко и впился в него зубами с той стороны, которую я тщательно избегал. Поморщился от горького вкуса и вышвырнул огрызок в реку. Послышался всплеск.

– Не забудь прийти завтра.

– Разумеется.

Олег развернулся и пошел прочь. Я смотрел ему в спину.

Разумеется, я приду завтра к нотариусу. Только подписывать мне ничего не придется – потому что Олег Евгеньевич не явится на встречу.

Потому что с этой минуты я единственный владелец нашего бизнеса.

Для марафона #меломпоасфальту_БЧП @fellow_writers.

От @luba.writer мне достались картины Ренуар "Зонтики" и Юшкевич "Келья".

Куда она вернется

– Я не хочу помидоры!

– А я не хочу маслины!

– Но вы же сами просили пиццу.

– Мы хотели пиццу с колбасой!

Две милые девчушки с бантиками сидели за соседним столиком и изводили мать.

За окном кафе лил дождь. Плыли зонты, скрывая лица прохожих.

– Ты бы хотел жить там, где всегда лето? – спросила Вероника.

Я посмотрел в свою чашку с черным кофе.

– Нет, не хотел бы.

– Почему?

– Скучно.

– Не скучнее, чем ты.

Она помешала ложечкой свой лавандовый капучино. Сердечко на пенке исчезло.

У Вероники были волосы цвета темной меди и шоколадные глаза. А еще высокая грудь и тонкая талия – настолько, что, казалось, она носит корсет. Но корсета никакого не было, мне это было известно абсолютно точно. Я забывал дышать, когда смотрел на нее.

– На самом деле есть только одно место на земле, где я бы

хотела побывать еще раз, – сказала она.

– Что за сказочное место?

Вероника показала фотографию. Озеро с каменистым берегом, и на фоне разгорающейся зари – деревянная часовенка.

– Я была там два года назад. Не представляешь, сколько там воздуха и света! А в озере бьют ключи, вода там всегда холодная. Нельзя далеко заплывать даже в самую жару. Мышцы сводит.

– Наверное, комаров полно.

– Хватает.

– И где это райское место?

Она показала на карте.

– Я теперь всегда хочу вернуться туда, – она вздохнула, – но жить я буду в Майами. Океан и пальмы, что может быть лучше?

– Все что угодно может быть лучше.

Например, этот дождь, серые зонты и размытые контуры домов. И горький черный кофе в чашке. И девушка рядом. От нее пахнет фиалками – почти незаметно. Почти неосязаемо.

– Тебя ждут в этом Майами?

– Девушку с приданым везде ждут.

– Не знал, что ты богатая невеста.

– Да я раньше тоже не знала. Смотри.

Вероника достала из сумки деревянную коробочку. Внут-

ри на потертом синем бархате лежал медальон, украшенный тусклыми камешками, бесцветными и зелеными. Вещь явно нуждалась в ювелирной чистке. Но даже теперь было понятно, что это золото, изумруды и бриллианты.

– Откуда такая роскошь?

– Неважно.

Она допила капучино.

– На самом деле я хотела попрощаться. Я уезжаю.

– Далеко?

– Далеко.

– В Майами?

Ее губы дрогнули в подобии улыбки.

– В Майами.

Что я должен был сказать?

– Счастливой дороги.

Она кивнула, подхватила сумку и ушла. Дождь принял ее в свои объятия.

Я должен был сказать, что не могу жить без нее. Чтобы она осталась – даже если не со мной, то хотя бы рядом. Чтобы я мог видеть ее хоть иногда. Хоть раз в неделю. Я должен был знать, что она где-то тут и у нас один город, один воздух и один дождь.

***

Я набрал ее номер, но телефон больше не отвечал.

Она сменила номер, удалилась из всех соцсетей. И в квартире, которую снимала, уже жили другие люди.

Видимо, Вероника покинула город сразу после нашей встречи.

Но оставалось еще одно место, где мы могли бы встретиться.

Июньские ночи светлые и короткие. К рассвету я выехал на берег озера. Небо горело золотым и алым, озаряя старую деревянную часовенку.

Я бросил машину, осторожно спустился по каменистому берегу. Умылся, чтобы прогнать усталость. Вода была такой холодной, что заломило скулы.

Я сунул руку в карман и достал золотой медальон. В тусклых камнях отразился утренний свет.

Вероника непременно будет здесь. Ведь теперь ей нужно меня найти.

Пройдет день, или два – и она придет.

Нужно только немного подождать.

Контора господина Шенки
Лягушачья кожа

Лягушачья кожа (цикл «Контора господина Шенки»)

Суперлвню от 28 июня 2021г. посвящается

Уже десять дней стояла жара. Я не мог спать и поэтому пил кофе. Я пил кофе и поэтому не мог спать. Два-три часа забытья на рассвете – единственное, что мне переподало в эти дни.

Зазвонил телефон.

– Прохлаждаешься? – спросил Андрей.

– Естественно.

Я лежал на кровати. Все окна в квартире были открыты, работал вентилятор. Толку от него не было никакого.

– Давай, собирайся. Через двадцать минут подъеду. Феликс хочет тебя видеть.

– Что, вот прям до конторы и довезешь?

– Не, только до метро, которое там по дороге будет. У меня дела в первом офисе.

– У всех дела.

– И у тебя сейчас будут.

Андрей дожидался рядом со своей синей KIA. На самом солнцепеке. Псих ненормальный.

– Смотри, – оптимистично заметил он, – скоро дождь бу-

дет.

– С чего ты взял?

– Лягушку раздавили.

Он ткнул пальцем куда-то под ноги. Действительно, на асфальте подсыхала клякса непонятного происхождения, которая по краям начала уже поджариваться.

– Откуда посреди города лягушка?

– Да из зоомагазина. Кто-то купил ужика покормить. Или ежика. Ежи лягушек едят?

– Понятия не имею.

– Ладно, поехали.

Минут через двадцать небо начало темнеть, и на лобовое стекло упали первые крупные капли.

– Ну, что скажешь? – торжествуя, поинтересовался Андрей.

– В прогнозе дождь не значился.

– Пофигу на прогноз. Лягушки никогда не врут.

Капли падали все чаще, постепенно превращаясь в один сплошной поток. Дворники метались по лобовому стеклу из последних сил.

– Ничего себе лягушка! Качественная.

– Слушай, как ты до метро-то доберешься? Я, конечно, подъеду как можно ближе. Но там метров пятьдесят полюбому останется.

– Не растаю, не сахарный.

Перспектива намокнуть меня не пугала. Да и чему там

мокнуть? Футболка и старые джинсы.

Я ошибся. После пробежки в двадцать шагов меня можно было выжимать. Оказавшись под крышей, я покрутил головой, стряхивая воду с волос. Перед носом оказался автомат с кофе. Может, взять стаканчик? Всего-то пятьдесят рублей. Не обязательно пить до дна, но несколько глотков вполне сделать можно.

Ну да, а то мне в организме кофеина не хватает.

Пока я так зависал, маленькие ручейки на полу стали собираться в обширные озера, которые дерзко просачивались сквозь распахнутые по случаю жары стеклянные двери на платформу.

Я пошел к турникетам посмотреть, что там происходит. Происходило то, что обычно бывает в начале фильма-катастрофы. Пока не страшно, но многообещающе.

Какой-то парень бежал по платформе, поднимая веселые фонтанчики брызг. Подъехал поезд, гостеприимно распахнул двери.

Интуиция вдруг начала вопить, что черт с ней, с работой. И с Феликсом. Вдруг в тоннеле накроет цунами. Или Ниагара. А я даже сделать ничего не смогу, потому что буду заперт под землей в железной коробке.

Или это не интуиция, а избыток кофеина?

Я решил переждать дождь в торговом центре, который невнятной серой громадой высился рядом с метро. Походил по первому этажу, подождал, пока перестанет течь с одеж-

ды. Было темно, как поздним осенним вечером. Все погодные сайты дружно сообщали, что в ближайшие два часа катаклизм не прекратится. Заняться было нечем, и я поплелся на третий этаж на фуд-корт. Хоть позавтракаю. Или пообедаю. Что там ближе по времени?

В стеклянную крышу лупил дождь. Неожиданно что-то прилетело – может, кусок балкона оторвало, или шифер с ближайшей стройки. Посыпались осколки, полилась вода. Я шагнул через несколько ступенек эскалатора и оказался в безопасности. Более-менее.

– Что, что там? – спросил парень за кассой Макдоналдса.

– Крышу чем-то пробило.

– У-у-у, значит, сейчас электричество нафиг вырубят.

– Скорее всего.

Я забрал свой гамбургер и кофе, и пошел искать свободный столик подальше ото всех.

Зазвонил телефон. Наверное, Феликс хочет поинтересоваться, где я до сих пор шляюсь.

– Да?

– Ты где?

Не Феликс. Голос женский и совершенно незнакомый.

– Вы ошиблись.

– Приходи скорее, мне страшно одной. Ты видишь, что за окном творится?

– Вы неправильно набрали номер.

– Можно подумать, я тебе первый раз звоню!

– Нет, все-таки…

– Ой, да пошел ты!

В трубке короткие гудки. Отлично поговорили!

Я взялся за гамбургер. И почему эти ребята вместо кофе коньяк не наливают? Хорошо ж бы было.

Что-то хрустнуло в вышине, и почти сразу раздался грохот и крики. Похоже, та штука, что разбила крышу, решила падать дальше. Через пару минут взвыла пожарная сирена. Сейчас всех выгонят. И куда идти? Под дождь?

Опять зазвонил телефон.

– Тебя еще долго ждать? – тот же женский голос. – Ты где?

– У метро, – честно признался я.

– Что ты там делаешь?

– Теперь уже не знаю.

– Вечно у тебя какие-то проблемы!

Частые гудки. Что ж, можно признать, что день нынче не задался.

Я вышел под серое небо. Где-то в отдалении сверкали молнии и гремел гром. Но дождь уже не пугал. Если вот сейчас пройти дворами, потом выбраться на проспект, то часа за три можно дойти до конторы.

И я пошел. Брести по щиколотку в воде было даже забавно. В любом случае это лучше, чем жара – хоть мозги остынут.

Третий звонок телефона даже не удивил.

– Ты вообще придешь? Сегодня придешь? – в уже знако-

мом голосе слышались затаенные слезы.

– Какой у вас адрес? – вздохнул я.

Она икнула от неожиданности.

– Ой! Улица Крипалова, дом двадцать четыре.

Прямо перед моим носом на стене дома висела сине-белая табличка. Улица Крипалова, дом двадцать.

– Я буду у вас через пять минут. Пустите?

– А, да. Пущу. Жду.

Появилась прекрасная возможность переждать дождь под крышей.

Ну, а почему нет?

***

У девушки, открывшей мне дверь, были длинные светлые волосы, бледная кожа и зеленые ногти на руках и ногах. Летом вполне популярный цвет. Некоторым даже нравится.

– Меня зовут Дима, – сообщил я, – вы мне звонили три раза.

– Альбина. – ответила она, – ой, идите в ванну скорее! А я попробую что-то из одежды найти.

Это было бы хорошо, но идея остаться голым в незнакомой квартире не вдохновляла.

– Я лучше здесь в коридоре посижу. За полотенце буду благодарен.

Альбина принесла табуретку и огромное банное полотенце. Пока я пытался собрать с себя воду, она убежала на кухню.

– Хотите кофе? – крикнула она оттуда.

– Лучше чай.

Или водки, чего уж.

Она долго чем-то гремела и в конце концов принесла чай. С мятой. С мятой! Терпеть не могу.

Альбина села напротив меня под вешалкой и аккуратно сложила руки на коленях.

– Вы простите, что я звонила. Случайно ваш номер набрала. Просто из головы. Но мне действительно страшно. За окном так грохочет, как будто конец света и вот-вот стекла не выдержат.

– Ничего, – мирно ответил я, – вполне могу подождать, пока дождь закончится.

– Может, вы есть хотите? У меня курица и салат.

– Нет. Есть точно не хочу.

Внезапно погасла лампочка на потолке.

– Вот! Я же говорила! – воскликнула девушка.

И в ту же секунду я почувствовал, как она прижимается ко мне – причем с совершенно определенной целью. Тут разночтений быть не могло.

Ее тело было прохладным, и близость должна была быть приятной. Но не была. Что-то во мне отрицало ее как сексуальный объект.

Я схватил ее за горло. Очень аккуратно схватил, чтобы ненароком что-нибудь не повредить. Тут же под моими пальцами шея начала надуваться и распухать, а глаза полезли из

орбит.

– Лягушка, – крикнул я, плохо понимая, что происходит, – где твоя кожа?

Тут же все прекратилось. Девушка опять стала девушкой. Она поправила домашние шортики и вновь села под вешалку, сложив руки на коленях.

– Откуда ты узнал, кто я? – спросила она.

– Догадался.

– Ты как-то спокойно к этому отнесся.

– Я еще и не такое видел.

Просто меня учили, что даже в двадцать первом веке, даже в крупнейшем мегаполисе, может произойти все, что угодно.

– Понимаешь, – Альбина потупилась, – когда несправедливо погибает моя сестра… мне нужно восполнить потерю. Я специально в город перебралась, думала, хоть здесь проблем не будет. И вот даже тут кто-то умудрился раздавить лягушку.

– Сожалею, но не могу помочь твоей беде.

– Я тебе совсем не нравлюсь?

– Дело не в тебе, дело во мне. Я просто не сплю с земноводными.

– Жаль.

– Хочешь, посмотрю щиток? Наверное, просто пробки выбило.

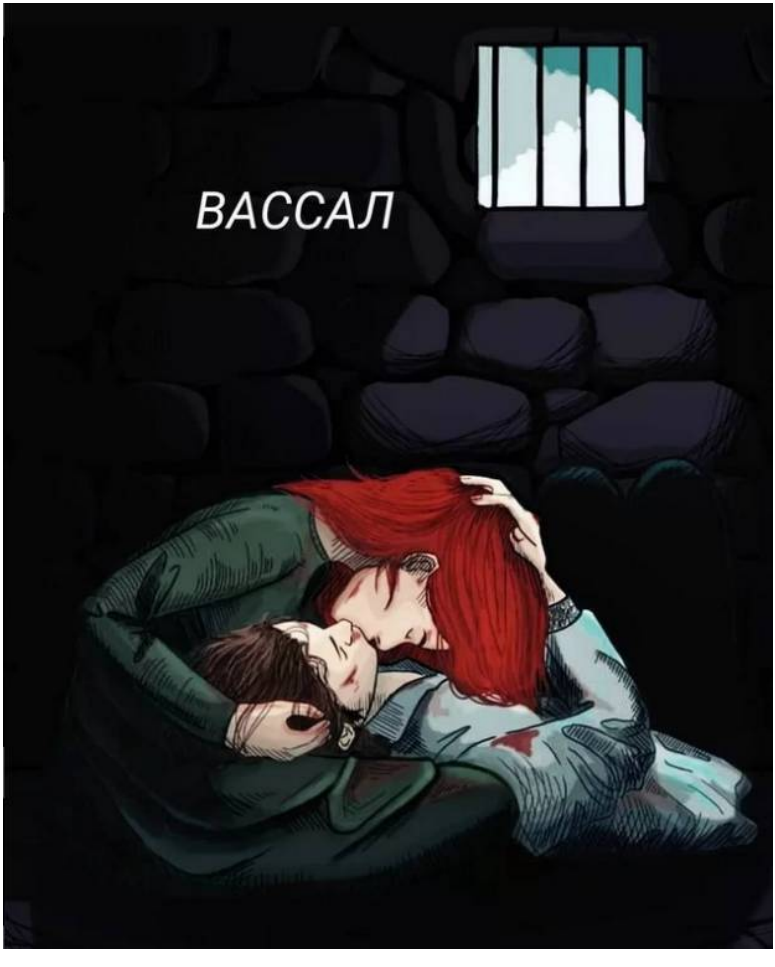
– Не надо. Я кого-нибудь из соседей попрошу.

– Я, наверное, пойду.

– Да, иди.

Когда я выбрался на улицу, дождь закончился. Нет, солнце, по счастью, не светило, тучи по-прежнему укрывали небо. Но сверху больше не лилось. Значит, появился шанс заполучить такси, когда доберусь до проспекта.

Интересно, что скажет Феликс, когда я все-таки окажусь сегодня в конторе?


ВАССАЛ

Вассал

Кир устало потер глаза.

Так, что теперь? Наверное, картошка, кочан капусты, морковь штуки три. Пачка макарон подешевле. Крупа какая-нибудь – только не гречка. Гречку он терпеть не мог.

И нужно мясо. Не говядина, не баранина. Даже не индейка. Видимо, курица. Никаких ручек-ножек, целая тушка, так дешевле. Черный хлеб. На неделю должно хватить или даже дней на десять.

И, пошло оно все нахрен, еще водка. На сухую сегодняшнюю новость не переварить.

Не каждый день становишься рабом.

Полноценным. Купленным.

Кира приняли на работу. Господин Субботин сам пожелал провести собеседование.

Кир слегка удивился, когда ему не предложили присесть, поэтому подошел непозволительно близко и оперся кончиками пальцев о край стола. Работа ему была, конечно, нужна, но не до такой уж степени.

Субботин посмотрел на складочки на переносице кандидата, появившиеся лишь на секунду. Это его позабавило.

Абсолютно ничем не примечательный планктон. Рост чуть выше среднего, темные волосы, серые глаза. Костюм и белая рубашка, но без галстука. Едва уловимый запах горь-

коватого парфюма.

Так себе улов. Но сойдет.

– Кир Станиславович, я рассмотрел ваше резюме. Вам нужна работа?

Обычно после такого вопроса на лицах соискателей читалось явное: «Нахрен я бы приперся сюда, если бы была не нужна». Но этот не отреагировал. Вообще никак.

Субботин перебросил ему через стол распечатанный документ. Кир начал читать, дошел до конца и вернулся опять к началу.

– Что это? – спросил он.

– Очевидно же. Я выкупил ваш долг у банка. Целиком и полностью. Теперь вы им ничего не должны.

– Сколько я должен вам?

– Там указана сумма.

– Проценты?

– Нет, – тут Субботин с трудом сдержал улыбку, – сумма фиксирована. Вместо процентов вы будете обязаны оказывать некоторые услуги. В нерабочее время.

– Услуги какого рода?

– Разного. Можно договориться, и из вашей зарплаты автоматически будут вычитать десять тысяч в счет долга.

– Десять тысяч? Я буду у вас в должниках сорок лет?

– Что такого?

– Столько не живут.

Кир хотел добавить «такие как я», но вовремя заткнулся.

– Что предлагаете вы?

– Мне нужен номер счета. Сам буду ежемесячно перечислять. Сколько смогу.

– В документе указано.

Кир аккуратно сложил лист пополам.

– Не забудьте завтра утром быть на рабочем месте.

– Я могу найти другую работу.

– Нет. Не можете. Жду завтра утром. Сейчас вы свободны.

Кир на мгновение задержался перед дверью, хотел что-то сказать, но передумал.

***

Факт того, что наступило утро нового дня, время девять-ноль-ноль, а он уже на работе, совершенно не портил настроения Михаилу. Ну утро, ну работа, ну осень, ну и что? Он поразглядывал спину новенького, который стоял у кофеварки.

– Салют! Тебя Кириллом зовут? – приветливо спросил он, хлопая новенького по плечу как раз в тот момент, когда тот забирал чашку, полную горячего напитка.

«Ой, не вовремя!»

Кир резко повернулся, при этом не разлив ни капли. Его глаза были серые, как асфальт в сухой солнечный день. И в них явно читалась готовность убивать. Нет, не желание – именно готовность.

Михаил отшатнулся, выставив перед собой руки ладонями вперед.

– Спокойно! Я твой коллега, сижу рядом с тобой. Мой стол аккурат через проход. Меня зовут Михаил. Можно Миша, Миха, без разницы.

– Микки?

– Можно и так, – легко согласился Михаил, – не обижусь. А ты Кирилл?

– Нет.

– Разве Кир не производное от него?

– Нет. Кир сам по себе. От греческого «господин».

– Ах, ваша светилось!

– Вашей милости будет вполне достаточно.

– Что?

– Ничего. Забудь.

– Ой, мальчики! Вы уже кофе пьете? Значит, я вовремя.

Взгляд Кира мгновенно изменился. Обрел ту степень человечности, которая бывает утром в рабочие будни.

– Привет, Кать! – Михаил сразу воспрял духом. – Познакомься, это Кир. Новый коллега и все такое.

Кир изобразил почти искреннюю улыбку.

Катерина вошла на кухню и поставила на стол коробку. От нее сладко пахло ванилью.

– Угощайтесь. Вчера испекла и что-то много получилось.

В коробке оказалось печенье в виде ракушек. Светлые и темные. Кир взял ближайшее – темное.

– Это что? – деловито спросил Миха.

– Мадленки. Светлые с «Адвокатом», темные с шокола-

дом и коньяком. Кир, бери и другое. Потом скажешь, какое из них больше понравилось.

– А я по два возьму. С одного не распробую, – заявил Миха.

– Да хоть по три. Тут много.

Кир, у которого на завтрак был только пустой чай, печенью искренне обрадовался. Даже подумал что здесь, может быть, все будет не так уж плохо.

***

Неделю его никто не трогал. Кир пытался вникнуть в свои обязанности, а шефу до него не было никакого дела.

Тот день начался, как обычный осенний день – солнце боролось с тучами и даже иногда побеждало. Кир налил кофе и грел пальцы, обхватив чашку. Он уже в пятый раз читал договор – вроде там все было нормально, но что-то ему не нравилось.

Катерина разговаривала по телефону, выясняя, почему кое-кто сегодня не пошел в школу. Миха читал новости и зевал.

Кто-то шел по проходу между столами к кабинету шефа. Ничего необычного, но именно сейчас это раздражало.

Если честно, раздражало вообще все. Даже диффенбахия на окне.

Кир недовольно вскинул голову и посмотрел на посетителя. Тот тоже замедлил шаг, оглянулся. Цветаев Эдвин Борисович, компаньон господина Субботина.

Глаза цвета зеленой пастели посмотрели на Кира внимательно и изумленно. Потом Цветаев усмехнулся и продолжил путь к кабинету.

Кир снял очки в тонкой оправе, медленно и аккуратно положил на стол. Потер глаза.

Бежать. Бежать как можно дальше и как можно быстрее.

«Новосибирск, – подумал он, – или Челябинск. Не Москва, конечно, но затеряться можно. Сделал один паспорт, смогу и другой сделать, черт с ним!»

Он встал и пошел на кухню. Сердце колотилось так, что о кофе не хотелось и думать. Кир бросил пакетик зеленого чая в чашку, залил кипятком.

Вспомнилось, как этот самый Эдвин вгонял раскаленное железо ему в ладонь. Кир посмотрел на свою левую руку. Шрам не слишком заметный, никто не обратит внимания.

Он забрал чашку с чаем и отправился в очередной раз перечитывать договор.

***

Было шесть часов вечера. Небо тонуло в темном мрачном бархате, и только на самом краю светилось тонкой полоской синего атласа.

«Красиво», – устало подумал Кир.

Они вместе с Михаилом сошли с крыльца и направились к автомобильной стоянке.

– Кир! – резкий, слишком хорошо знакомый голос.

Господин Цветаев изволил открыть дверцу машины и по-

ставить одну ногу на землю.

– Ваша милость уделит мне пару минут своего драгоценного времени?

Тут же молодой черноусый парень выскочил с места водителя и открыл дверцу у заднего сидения.

Кир сделал полшага назад. За его плечом стоял ничего не понимающий Михаил, поэтому бежать не было никакой возможности. Хоть и хотелось.

– В машину я не сяду.

– И тем не менее, поговорить придется, – в голосе Цветаева послышалось раздражение, – ладно, вниз по улице, через три квартала, вроде бы есть какая-то забегаловка. Поговорим там. Жду.

Дверь захлопнулась. Черноусый обежал машину и сел на место водителя. Заурчал мотор, красивая гладкая машина плавно выбралась с парковки. Кир нервно вздохнул.

– Ты что, как не родной, собираешься идти туда пешком? – спросил Миха.

– Да. А что?

– Это же «Костер», он не для простых смертных. Давай я тебя прям к крыльцу подкачу.

Разумеется, господин Цветаев, граф, прости господи, де Шемпле, уже ждал его.

Зал был освещен матовым рассеянным светом, столы покрыты скатертями горчичного и мятного цвета. Белые салфетки. Шкафы с книгами – потертые корешки едва видне-

лись в полумраке.

Они сели за стол с горчичной скатертью.

– Можешь взять что хочешь, – усмехнулся Цветаев, – ты выглядишь каким-то недокормленным.

Кир хотел взять стакан воды. Потом вспомнил, что в подобном заведении вода может стоить дороже, чем кофе. И заказал эспрессо.

Граф же взял для начала камчатского краба с корном, карпаччо из гребешков и белое вино. Вино было налито в два бокала. Прохладное и манящее.

Цветаев поднял бокал, сделал долгий глоток.

Кир к своему не притронулся. Хотя и хотелось. Очень.

Он положил руки на стол и дождался, когда принесут кофе. Как ни странно, маленькую чашечку официант нес, будто последний трюфель в этом сезоне.

На всякий случай Кир посмотрел меню. Все правильно, эспрессо двести десять рублей. Это, между прочим, почти семь килограмм картошки.

Кофе оказался неплохой, но ничего выдающегося, зато чашечка было хороша. Тонкая, лёгкая настолько, что казалось, если взять ее за ручку, она не выдержит веса напитка и сломается.

– Что же, мой мальчик, я рад, что мы опять встретились. Как ты здесь оказался?

– Случайно.

– Ведьма, не так ли?

– Разумеется. Не сам же я…

– Чудесно. Я рад, что ты остался жив. Ты мне сейчас нужен.

– Я не…

Чашечка была на три глотка. Кир сделал второй.

– Будем встречаться раз в неделю. Будешь докладывать все о своем шефе. Если что-то срочное, можешь позвонить мне. Но только в крайнем случае и если это действительно срочно.

– Что?

– Ну, мало ли что произойдет.

– Я не собираюсь.

– Разве? А все твои клятвы? Полагаешь, они больше не действуют?

Это было как раз то, что беспокоило Кира. Действуют ли клятвы теперь? Если перед тобой твой сюзерен, какая разница, тот мир или этот?

Вопрос теологический, а в этом он никогда силен не был. Поэтому не стоит умничать.

Кир допил кофе, поднялся из-за стола, бросил на стол три сотенные бумажки.

– Я подумаю, – произнес он.

– Думай быстрее, – равнодушно ответил Цветаев.

***

Кир вышел на крыльцо и глубоко вздохнул. Осенний вечер без звезд. Нужно идти на метро и домой, нафиг. Неуют-

но и холодно. Кир еще раз вздохнул и пошел прочь.

Какая-то машина начала резко сигналить и мигать фарами. Какого черта?

– Куда ты собрался?

– Миха? Что ты тут делаешь?

– Тебя жду.

– Зачем?

– На всякий случай. Мало ли что у вас там. Садись в машину.

Кир даже не стал ничего спрашивать. Сел. В салоне было тепло и пахло чем-то синтетически-цитрусовым.

Миха завел машину и они поехали. Куда-то. Мимо окон плыли огни. Так, стоп!

– Куда мы едем?

– Ко мне. Или, – тут Миха заволновался, – тебя дома кто-то ждет? Жена там или хомячок?

Это было почти смешно.

– Никто меня не ждет.

– Ну и замечательно! Только учти, спать тебе придется на диване.

– Диван меня не слишком пугает.

– Отлично!

Ничего отличного в этом Кир не наблюдал, но выпендриваться тоже не хотелось. Одну ночь он переживет, ничего страшного. К тому же, у него никогда не было друзей. Тот же самый Уве, которого он знал с самого детства, легко под-

носил каленое железо, которым жгли его тело.

А Миха? По крайней мере он ждал, пока закончится разговор с Цветаевым, хотя был не обязан. Хотя мог распрощаться еще там, на офисной парковке.

Захотелось курить. Сильно.

В карманах было пусто. Полпачки «Житана» остались дома, а новые он не покупал. Про «Житан» можно забыть на ближайшие десять лет. Но что делать, если даже «Беломор» стоит пятьдесят пять рублей? Одна пачка на месяц. Сдохнуть можно.

Кстати, может, действительно сдохнуть?

– Сигареты в бардачке, – откликнулся Миха, – кури на здоровье. Кстати, борщ и котлеты на ужин тебя устроят?

– Твоя жена не будет против моего визита?

– Моя кто?

– Та, что готовит борщ и котлеты.

Миха счастливо рассмеялся.

– Слава богу, я один живу. А готовит моя маменька. Она проживает в этом же доме, но через два подъезда. Носит еду. Считает, что я испорчу себе желудок и все остальное, если буду питаться самостоятельно.

***

Это оказалась старая пятиэтажка в таком же старом, заросшем деревьями дворе. Тихо, будто за городом. Иногда только с легким шорохом с высокой ветки падал желтый листок.

– Этот барак скоро должны снести, – извиняющимся тоном сказал Михаил, – дадут квартиру в новом нормальном доме. Осталось немного потерпеть.

Они поднялись на третий этаж.

– Прошу!

Миха открыл дверь квартиры, сделал пару шагов вперед и включил свет.

И тут же на него ринулось что-то белое, размером с хорошо откормленного фокстерьера. Оно врезалось под подбородок и попыталось растечься по груди. Хозяин квартиры взмахнул руками, чуть не потеряв равновесие от неожиданности, попятился и наткнулся на Кира.

Кир чиркнул зажигалкой, ткнул огнем в белесое нечто. Запахло паленными перьями, существо с обиженным всхлипом умчалось на лестницу. Кир захлопнул дверь.

– Фига себе! – потрясенно произнес Миха. – Что это было?

– Слезник.

– Кто?

– Слезник. Обычно приходит к рыдающим детям и девушкам. Безобидная тварь.

– А у меня он что забыл?

Где-то за стеной послышался плач ребенка.

– Видимо, немного ошибся.

– Блин. В этом доме чего только не бывает. Не обращай внимания, пошли на кухню. Жрать охота.Ты что будешь,

борщ или котлеты?

– Ничего, я не голоден, – ответил Кир, который не ел со вчерашнего вечера.

– Угу. Можешь пока руки помыть. Полотенце возьми, которое в полосочку.

Когда Кир появился на кухне, на плите уже стояла большая желтая кастрюля, и что-то грелось в микроволновке.

– Что предпочитаешь, виски или водку?

– Виски к борщу? – изумился гость.

– А что? Многие бы не отказались.

– Ну, если выбора нет, то можно и виски. На безрыбье…

– Ха! – Миха достал из морозилки заиндевевшую бутылку. – У меня еще соленые огурцы есть и помидоры. И черемша.

«Я вообще есть не собирался!» – хотел заорать Кир. Но тут ему под нос пихнули полную тарелку дымящегося варева. Он вдохнул аромат и утратил волю. Полностью.

– Сметану клади.

– Пошел ты к черту.

– Ага.

Миха наполнил рюмки, которые тотчас запотели. Они выпили и принялись за еду. И Кир смог остановиться, только когда тарелка опустела. Но тут на смену борщу пришла громадная котлета, размером с ладонь.

«Так, – машинально подумал Кир, – этой еды мне хватит минимум на сутки»

Где-то хлопнула дверь, над потолком раздались шаги. Еще раз хлопнула дверь, на этот раз, скорее всего, холодильника.

– О, Ленка пришла!

Миха снова наполнил рюмки и отсалютовал потолку.

– Потрясающе так жить, – почти прошептал Кир.

– Да ладно, все привыкли. Вот когда там старая бабка жила, было гораздо хуже. Вечно она шаркала туда-сюда, да еще клюкой стучала. Померла полгода назад, Ленка недавно вселилась. Родственница какая-то.

– Ей повезло.

– Не такая она уж и плохая. Когда появилась, напекла пирогов и ходила, всех соседей угощала. Мне с капустой понравились. И с яблоками. К тому же она симпатичная – мордашка свеженькая, и коса в мою руку толщиной. Еще котлету будешь?

– Нет, пожалуй.

– Тогда пьем чай и идем спать.

У Кира и так глаза слипались. Кажется, он опьянел – не столько от водки, сколько от еды, горячей и сытной.

***

Позвонили в дверь. Михаил плескался в душе, поэтому открывать пошел Кир.

На пороге стояла светловолосая девушка в пушистом коротком халатике. Коса, перекинутая через плечо, действительно впечатляла.

– А где Миша? – растерянно спросила она.

– Миша занят. Что вы хотели?

– Немножко соли. Просто…

Кир шагнул вперед, прикрыв за собой дверь.

– Бабкина родственница, значит? Или тысячелетняя ведьма?

Девушка слабо вскрикнула, прикрыла рот ладошкой, взбежала по лестнице на один пролет и прижалась к стене. Кир последовал за ней.

– Ты Охотник? Охотник? Что тебе надо?

– Мне нужно, чтобы ты оставила моего друга в покое.

– Я ничего плохого не делаю.

– Тебе сколько лет? Триста? Четыреста?

– А что ты мне сделаешь? На костер отправишь?

– Достаточно в твоем прошлом слегка покопаться. Уточнить, где родилась, жила, училась и каким боком ты родственница той бабке. Слезник твой?

Она слабо кивнула.

– Больше не лезь к Мике.

Кир вернулся в квартиру и запер дверь. Почти неслышно щелкнул замок.

***

Елена взбежала по лестнице, захлопнула за собой дверь. Заперлась на два замка, задвинула щеколду и еще цепочку накинула. Руки дрожали, из глаз лились слезы, и с этим ничего нельзя было поделать.

Она давно так не плакала. С позапрошлой жизни, навер-

ное. Когда утонул Федор.

Федор, сын кузнеца. Такой красивый, такой сильный. Все внутри замирало, когда он ее обнимал, и она уже представляла, какими будут их дети. Русоволосые и голубоглазые. Сын такой же сильный, а дочь такая же красивая.

И еще долгая, долгая, долгая счастливая жизнь.

Но тут Федор женился. Не на ней.

На деревенской девке, белотелой Глашке.

Елена выпросила, вымолила последнее свидание. У реки, под старой ивой.

– Как бы я взял тебя в жены? – искренне удивился сын кузнеца. – С тобой же нельзя в церкви венчаться. А обманывать Глафиру, путаясь на стороне, я не стану. Не по-божески это.

Сильный был Федор. Из любой стремнины мог выплыть. А вот из тихой заводи у старой ивы так и не выбрался – связывающее заклинание не дало.

Елена забралась на кровать, завернулась в одеяло, свернулась клубочком. Старалась всхлипывать тихо, чтобы там, внизу, не услышали.

Откуда-то явился слезник, сунул голову ей под руку. Завозился, заворочался. Она погладила белую шерстку, больше похожую на лебяжий пух.

– Откуда только взялся этот Охотник? Отродясь их здесь не было. И тебе шкурку подпалил. Вот за что? Я же не делала ничего плохого. Совсем ничего.

***

Диван был старый, со скрипучими пружинами. Завернувшись в одеяло, Кир старался не шевелиться, чтобы не потревожить Михаила в соседней комнате.

Прямо напротив было окно – слава всевышнему, шторы никто не закрывал. За стеклом под осенним ветром метались ветки деревьев, почти лишенные листьев. Слышно, как вдалеке едут машины, иногда по потолку пробегал отсвет фар. Было тепло и уютно – гораздо уютнее, чем в его пустой квартире. Кир тихо вздохнул и закрыл глаза.

… Он родился пятым ребенком у барона де Виет. И четвертым сыном. Никому не нужным. На него не возлагали надежд.

Пока была жива мать, возможно, его даже любили. Но она умерла через два года, подарив миру сестренку Климентину.

Отцу младший сын был неинтересен, он предпочитал заниматься со старшими. Поэтому, едва Киру исполнилось семь лет, его отдали в пажи к графу де Шемпле.

– Отец, я боюсь, – прошептал мальчик, пока они с бароном ждали графа в полутемном зале, – можно вернуться домой?

– Ты должен быть смелым и сильным, как твои братья, – довольно прохладно ответил отец.

Потом все же растрепал непослушные темные волосы сына и поцеловал в макушку. И вот таким, растрепанным и испуганным, в первый раз его увидел господин граф.

Уво, сын безземельного рыцаря, стал ему, наверное, другом. Особой уверенности у Кира не было. Во всяком случае они спали в одной комнате, учились вместе, играли вместе. И наказывали их за шалости тоже вместе, но по-разному.

Уво обычно перепадала порка.

Баронского сына, хоть и четвертого, пороть никто не собирался. Его запирали на ночь в темнице.

– Не обидно, что с тобой так? – спросил Кир друга.

– Вот уж нет! – весело отозвался Уво. – Уж лучше несколько минут потерпеть, чем сидеть всю ночь в темноте с крысами.

В темнице было действительно страшно. Страшно и холодно. Но его учитель, бывший Охотник, приходил к нему.

Не приносил ни еды, ни теплого одеяла. Просто садился по ту сторону решетки и всю ночь был рядом. Рассказывал о ведьмах и драконах, о том, чего боятся оборотни и как поладить с обычным домовым.

В итоге к четырнадцати годам Кир знал много. Пожалуй, даже гораздо больше того, что ему следовало знать.

В четырнадцать, как и положено, он стал оруженосцем графа.

А старый Охотник исчез. Кир до сих пор надеялся, что тот просто ушел, не попрощавшись. И что сиятельный граф де Шемпле не имеет к этому никакого отношения.

***

Под конец рабочего дня Субботин вызвал Кира к себе.

– Возьмешь пакет, – приказал шеф, – отвезешь на Юго-Западную. Академия народного хозяйства. У проходной отдашь женщине в красном пальто. Ровно в восемь вечера.

Понятно, пришло время платить проценты. Те самые непонятные услуги.

Кир взял пакет – самый обычный, черный, непрозрачный.

– Он шуршит.

– Да хоть тикает – тебя это не касается. Ясно?

Нужно отказаться. Прямо сейчас. Ну что с ним шеф сделает? Да ничего, даже не уволит. А если и уволит, подумаешь, какая потеря.

– Ясно, – Кир забрал пакет и пошел на свое рабочее место.

Когда выбрался из метро, ветер вовсю гулял над землей.

«Еще немного потерпеть, и буду дома».

Он зашагал в сторону Синего Зуба. Двадцатидвухэтажное заброшенное здание. Днем зеркально-голубое, сейчас оно высилось слепой, темной громадиной. И до него было далеко, и все время в горку.

Наконец Кир добрался до проходной, там было более-менее светло. Были люди. И среди них женщина в красном пальто и с недовольно поджатыми губами.

– Сколько можно ждать! – возмутилась она.

Кир не опоздал – он пришел на пару минут раньше назначенного времени. Но возражать не стал, молча отдал пакет. Все, теперь можно идти домой. Хотелось горячего чаю.

До автобусной остановки было еще дальше, чем до метро.

Но на метро пришлось бы ехать час, а на автобусе всего двадцать минут.

Звезд на небе не было, их сожрали тучи.

Кир поднял воротник куртки и поглубже засунул руки в карманы. Нужно покупать шапку и перчатки. И свитер хорошо бы. И большой кусок жирной свинины, чтобы пожарить и съесть. Что там сегодня на ужин? Тушеная капуста, кажется. Ладно, сойдет, главное разогреть посильнее. А потом спать.

Автобусов не было. Вообще. Даже тех, которые не нужны.

Прождав четверть часа, он уже решил, что на метро было бы ничуть не хуже. И главное, в тепле. Но теперь поздно было что-то менять.

Наконец появился вожделенный семьсот пятьдесят второй автобус. Чудо чудесное, в нем даже были свободные места.

… Автобус качнуло на повороте. Кир вздрогнул и открыл глаза, – за окном было совсем не то, что он ожидал увидеть. Свою остановку он проспал и плюс еще две следующие. Он чуть не взвыл от досады. Пнул ни в чем не повинное сидение и выскочил на улицу. Ветер, кажется, стал еще сильнее.

Ладно, если идти дворами можно срезать путь.

Эти пятиэтажки были готовы под снос. На подъездах замки, на первых этажах окна закрыты железом, остальные выбиты. За углом кто-то копошился. Мало ли. Бомжи пытаются пролезть внутрь на ночлег.

Кир уже прошел мимо, когда послышался слабый жен-

ский вскрик, сразу заглохший. Будто кто-то ладонью зажал рот.

Вполне возможно, что там просто хорошо проводят время, причем по обоюдному согласию. Можно совершенно спокойно идти своей дорогой. И совесть не будет мучить.

Хотя…

Он свернул за дом. Три фигуры, довольно плохо различимые в темноте. Женщина прижата к стене.

Разбираться в происходящем не было никакого желания – зато была огромная потребность выместить на ком-нибудь дурное настроение.

Кир приблизился. На него не обратили внимания. Ну и зря.

Один получил удар по почкам, другого он схватил за плечо, развернул к себе и врезал кулаком в лицо. Кажется, в боксе это называется джеб. Хотя какая разница.

«Что, и все? – Кир разочарованно взглянул на два поверженных тела. – Подумаешь, слегка погладил».

Он повернулся к женщине.

– Все хорошо?

Она несколько раз поспешно кивнула.

– Вы рядом живете? Вас проводить?

На этот раз она отрицательно покачала головой. И стала осторожно, по стене, отходить в сторону. Когда ей удалось отойти шагов на десять, бросилась бежать к дороге, где свет и люди – видимо, спаситель ей показался не менее страшным,

чем обидчики.

Кир, хмурясь, смотрел ей вслед. Он вспомнил другую женщину, которая так же бежала от него.

Передернул плечами, оглянулся в поисках тех двоих. Хотелось еще их попинать, отвести душу. Но они успели благополучно отползти в темноту.

Неудачный выдался сегодня день.

А ведь так хорошо начинался. С яичницы с помидором и сосиской и чая с лимоном.

Кир поддел ногой ворох опавших листьев и пошел к дому.

***

Миланика.

Если медленно отвести взгляд от монитора и начать покусывать колпачок грошовой ручки, все подумают, что ты столкнулась с какой-то сложной проблемой. Может быть думаешь, что приготовить на ужин. А вовсе не пялишься на новенького.

Он пришел к нам совсем недавно, еще и месяца не прошло.

У него бледное лицо и тонкие, будто нарисованные губы. И еще смешная и трогательная челка, которая постоянно падает на глаза. И вот это движение руки, когда он отбрасывает ее.

А еще он такой стройный! Не худой, как Виталька из рекламного, а именно стройный. Есть в нем что-то инопланетное. Наверное, так и должны выглядеть принцы, правда?

И имя у него необычное, но мне ли говорить об имени? Миланика. Мила – Ника. Милая победа. Но нет никаких побед, совсем никаких. Даже от несчастных трех килограмм никак не могу избавиться – они грозятся скоро перейти в наступление и превратиться в четыре. А то и в пять.

Давно бы сменила имя, но оно нравится папе. Не хочу огорчать папу, у него и так много причин для разочарования.

Новенький общается только с Мишкой и этой клушей Катькой, которая закармливает всех своим печеньем. Я из принципа перестала есть этот калорийный ужас. Думаете, хоть кто-то обратил на это внимание? Правильно, Мишка обратил. Теперь он с чистой совестью забирает себе двойную порцию.

Однажды мы говорили с новеньким на кухне. Я видела, как он отправился за кофе и пошла следом.

Мне хотелось стоять рядом, пока он будет ждать свой напиток и вдыхать, надеюсь незаметно, его запах. Что-то вроде полыни и меда. Или вереска. Хотя я не знаю, как пахнет вереск.

– Привет! – сказала я.

– Доброе утро, – ответил он и пропустил меня вперед к кофеварке.

Вот и поговорили.

***

Он увидел ее в метро.

На самом деле ему хотелось есть и спать и все девушки

на свете казались лишними. Но в этой что-то было. Может, поворот головы, может, легкий жест кистью. Вспомнилось, как одна девушка убегала от него, спасая свою жизнь.

Она или не она?

У той, первой, были длинные рыжие волосы, настолько спутанные, что их легче было отрезать, чем расчесать. А у этой короткие, до середины шеи. Отливают бронзой.

И еще он помнил глаза – прозрачный, золотисто-медовый янтарь. Оди единственный взгляд, который поставил точку в его жизни. С тех пор Кир ненавидел янтарь.

Вагон мерно покачивался. До конца ветки оставалось не так уж и много. Кир захотел узнать, где она живет.

Оказалось, совсем рядом, на следующей станции после его.

Кир замешкался, пропуская вперед семейство с двумя веселыми карапузами. Потом еще потерял время на платформе, не зная куда идти.

Он уже решил, что потерял рыжую, но все же решил на всякий случай подняться на поверхность.

Она стояла у самого выхода, не решаясь ступить под мелкий осенний дождь.

Он остановился рядом, посмотрел, как расплываются в лужах частые круги.

– Вас проводить? – спросил Кир почти незаинтересованно.

– У вас есть зонт? – не менее равнодушно отозвалась ры-

жая.

Кир стащил с себя куртку.

– Вы замерзнете.

– Вы далеко живете?

– Нет.

– Тогда не замерзну.

Он поднял куртку над головой рыжей, и они почти побежали по мокрой осенней дороге.

Кир проводил ее до подъезда. Она набрала код на электронном замке и открыла дверь.

– Спасибо, – сказала она.

– Может быть проводить вас до квартиры?

– Думаю, не стоит. В лифте вряд ли будет дождь.

И рыжая скрылась за дверью.

Кир надел куртку и передернул плечами, потому что все-таки успел замерзнуть и намокнуть.

Так она или не она?

Буквально в ста шагах от подъезда был цветочный магазин. Кир купил розу янтарного цвета, с пурпурной каймой, старясь изо всех сил не переводить ее цену в картошку и макароны.

Код на двери он запомнил, – когда набираешь цифры, вначале идет номер квартиры, потом все остальное. Он поднялся на четвертый этаж и пристроил розу на дверную ручку. Лепестки были бархатные и нежные, совсем как губы *той*.

***

Во дворе его чуть не сбил светло-серый BMW. Окно поехало вниз.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – зло спросил Субботин.

– Живу я здесь, – огрызнулся Кир.

Кажется, его роза сейчас будет крайне неуместна. Крайне.

Вот черт.

С поклонением прекрасной даме у Кира всегда были проблемы. Он никак не мог найти ту, которой действительно стоило бы поклоняться. И посвящать стихи.

Однажды увидел на кухне девушку. Голубоглазую, тоненькую, как веточка, с льняными волосами, убранными под платок.

Мое небо
Печаль моя
Легкий ветер, зовущий к счастью.
Твои губы крылом мотылька
Чуть коснутся во сне
Нечаянно.

Граф де Шемпле, узнав об этом, объяснил своему оруженосцу, что прекрасные дамы бывают только благородного происхождения. А служанки годятся для совершенно другой любви. Скоро Кир смог убедиться в этом, невовремя сунувшись в кладовую возле кухни.

С тех пор ему стало абсолютно все равно. На турнирах

оруженосцев он посвящал свои победы кому попало. Не было никакой разницы, чья рука возложит на него скромный венок.

Уве этого не понимал. Преисполненный восхищения, он пытался воспеть в силу своих способностей Лириту, воспитанницу графа.

На самом деле она была дочерью троюродной сестры графини. И какое-то время предполагалось, что граф отдаст ее за Кира. Но вскоре нашлась более подходящая партия, и Лирита покинула замок. Кира это нисколько не огорчило. Он даже сам себе удивился.

Зато Уве еще целую неделю вздыхал по «губам твоим, цвета вишневой зари, волосам, легче белого облака». А потом переключил свое обожание на дочь кастеляна.

***

– Метро «Библиотека имени Ленина». Четвертый вагон в сторону центра. В девятнадцать сорок. Мужчина в синей куртке с красным рюкзаком. Передашь.

Субботин выложил на стол сверток размером с книгу. Сегодня шеф был особенно раздражен. Неужели вчера он действительно направлялся к рыжей? И чужая роза его огорчила.

– Все понял? Иди.

Кир забрал сверток и молча покинул кабинет.

По крайней мере в этот раз не придется бегать по холоду. Ни перчаток, ни шапки он так до сих пор и не купил. Скоро,

наверное, снег ляжет. Лучше бы он потратил деньги на шапку, а не на несчастный цветок.

Он не любил эту станцию метро. Слишком узкая платформа, слишком много хаотично мечущихся людей. Все время кажется, что тебя вот-вот столкнут под поезд.

Кир прибыл на место на пять минут раньше. Огляделся. Ну да, вон в условленном месте лохматый парень в синей куртке с рюкзаком. Сейчас придет поезд, и когда после него толпа на минуту схлынет, можно будет подойти.

Из тоннеля потянуло ветром, светильники над головой заколыхались. Люди подались вперед. Парень, наоборот, хотел отступить назад. Кир видел, как он сделал шаг. А потом чья-то рука быстро и сильно толкнула его в спину, и он свалился на рельсы, прямо под колеса, отчаянно взмахнув руками, будто хотел зацепиться за воздух.

Что после этого началось! Визжали тормоза, визжали люди. Кто-то шарахнулся назад, кто-то лез вперед, надеясь что-то увидеть. Совсем рядом женщина, зажмурив глаза и заткнув уши, монотонно выводила «а-а-а» на самых высоких тонах.

Кир стоял, прижавшись к стене перехода, и наблюдал за всем этим. Если оставаться тут и дальше, легко можно получить нож под ребра. Никто и не заметит. Ведь не зря же сбросили того парня – может, и до него теперь докопаются.

Кир поднялся по лестнице, перешел на «Арбатскую». Доехал до «Парка Победы» и пересел на свою ветку. Остава-

лось надеяться, что сверток в его сумке не взорвется.

Утром Кир выложил сверток на стол Субботина.

– Это еще что? – резко спросил шеф.

– Если вы посмотрите новости, то узнаете, что вчера в девятнадцать тридцать пять на «Библиотеке» один человек упал с платформы прямо под прибывающий поезд.

– Упал?

– Столкнули.

– Ты столкнул?

– Нет.

– Ладно. Иди, работай. У тебя там, кажется, с сертификатами проблемы?

***

Было холодно, ветер гонял по асфальту давно опавшие листья. Кир поднял воротник куртки и засунул руки в карманы. Чем скорее он доберется до метро, тем скорее окажется в тепле. Он почти мечтал о толпе в душном вагоне. Стоять, держась за поручень, и дремать с открытыми глазами.

Неожиданно к нему подошла, почти подбежала девушка в лиловой шубке.

– Хорошо, что я встретила тебя! – почти пропела она.

Девушка была знакома – особенно ее чересчур светлые волосы. Скорее всего они работают вместе. Кир отчаянно попытался вспомнить ее имя.

Она протянула ему стаканчик кофе – второй такой же был в ее руке.

– Вон там, в вагончике, – девушка неопределенно махнула рукой в сторону, – акция. Платишь за один кофе, а тебе дают два. А куда мне два? Но не пропадать же добру. Папа всегда так говорит. Поэтому угощайся!

Кир, который выпил за день не меньше литра кофе, сейчас меньше всего хотел его, но деваться было некуда. Он обреченно взял стаканчик. Как же зовут девушку? Милана? Милена? Мильгара?

– Спасибо, – сказал он, – вы очень добры.

– Мы сейчас вместе пьем кофе, – рассмеялась она, – под ночным небом, в свете фонарей. Ты вполне можешь говорить мне «ты». К тому же мы работаем вместе уже почти месяц!

– Разумеется.

– Тебя зовут Кир. Очень редкое имя! А меня Миланика, тоже не часто встречается. Поэтому можно просто Мила.

Кир сделал глоток. Так себе кофе, зато горячий. Нужно что-то ответить. Что?

– Я знаю, как вас… тебя зовут, – соврал он и улыбнулся, не разжимая губ, – хорошо, что кофе черный, без молока и сахара. Не люблю сладкое.

– Ты же ешь печенье?

– Печенье же не пьют.

– Значит и шампанское ты не пьешь?

«Я пью водку!» – хотелось огрызнуться ему. Но он вежливо продолжил разговор.

– Почему? Ведь есть же брют.

Девушка о чем-то задумалась.

Кир с тоской посмотрел на небо, потом в ту сторону, где должно быть метро. Не надеется ли эта Миланика, что он сейчас бросит все и пойдет ее провожать. А потом будет пить с ней сладкую алкогольную газировку?

– Ну ладно, – бодро сказала девушка, – мне нужно уже бежать. Спасибо, что выручил. До завтра!

– До завтра, – Кир проводил взглядом лиловую шубку, которая заторопилась к метро.

Выждал на всякий случай минут десять, чтобы случайно с ней не столкнуться еще раз. Потом с чистой совестью выбросил стаканчик с кофе в ближайшую урну.

Поднявшись по очередной лестнице, Кир остановился перед стеклянными дверьми у выхода из метро. Застегнул куртку и поднял воротник. Еще десять минут и он будет дома. Хорошо бы зайти и купить хлеба, но, с другой стороны, можно обойтись позавчерашней горбушкой.

– Охотник?

Милая девушка в белой шапочке со смешным розовым помпоном подошла к нему. На плече лежала длинная светлая коса. Только по этой косе он ее и узнал.

– Ведьма?

Она рассмеялась. Смех ее был легкий и звонкий, – сейчас она его нисколько не боялась.

– Нужно поговорить.

– Откуда знаешь, где я живу?

– Я же ведьма! – она на миг оскалила зубы, потом стала серьезной. – Спросила у Мишки. Он не знал, назвал только метро, ну и во сколько у тебя заканчивается работа. Это совсем не секрет. Я все рассчитала, но ты сегодня явно задержался. Почти полчаса тебя жду.

Задержался, потому что пил кофе с этой Миленой. Нет, Милдред. Снова нет. Миланикой, возможно.

Кир вздохнул. Поговорить, конечно, надо. Можно пойти в кафе и выпить очередную, мать ее, чашку кофе. С другой стороны, если кому-нибудь приспичит, он без труда может узнать адрес. Ужасно хотелось есть. Что плохого случится, если тысячелетняя ведьма окажется в его квартире?

– От тебя пахнет странными цветами. Лилией и еще чем-то. Ты был с девушкой, поэтому и задержался?

– Не твое дело, – огрызнулся Кир, – пошли.

– Куда?

– Ко мне домой. Боишься, ведьма?

– Вовсе нет.

– Тогда пошли.

– И ты тут живешь?

– Почему нет?

– Тут с одной стороны железная дорога, с другой шоссе.

– И что? Зато лес рядом. Железная дорога меня не пугает. И, главное, квартиры дешевые. Извини, тапочек для тебя нет, можешь остаться в сапогах, если хочешь.

– Ничего, я догадывалась, что меня здесь не ждут.

Елена достала из сумки пакет с тапочками в виде розовых зайцев.

– Тогда идем на кухню, – хмыкнул Кир, – я жрать хочу.

Он достал из холодильника кастрюлю и водрузил на плиту. Елена заглянула под крышку.

– Что это?

– Бульон из куриных горлышек. Сейчас закипит, можно будет заправить лапшой.

– Почему горлышки? Почему не нормальная курица?

Кир пожал плечами.

– Дешево. Бульон отличный. Еще лучше было бы из куриных лапок, но где их взять?

– Ты умеешь готовить? Серьезно? Я думала, ты питаешься пельменями и Дошираком.

– Это слишком дорого. Не могу себе позволить.

– Почему?

– Потому что у меня долги. А готовить меня учили, чтобы не голодать в походах. Я бы и белок мог приготовить. Здесь они непуганные, а мясо у них вкусное.

– Если обидишь белочку, тебя на месте линчуют.

– Вот поэтому я и ем куриные горлышки. Обычно их для собак покупают. Будь добра, завари лапшу, а я пойду хотя бы умоюсь.

– В чем проблема, Охотник. Будь как дома!

Через пятнадцать минут, пока Кир быстро принял душ и переоделся, суп был готов. А несчастная горбушка хлеба

превратилась в золотистые крутоны. Стол был накрыт – тарелки, салфетки, рюмки.

– Ты собралась пить водку?

– Почему водку?

– Потому что шампанского у меня нет.

– Ну и не надо. У меня есть коньяк.

– Ты привезла тапочки и коньяк? Какая предусмотрительность!

– Я же все-таки ведьма. Я знала, что может понадобиться!

– Хорошо, давай коньяк.

Кир устало потер глаза, открыл бутылку. Наполнил рюмки. Янтарный напиток, искрящийся даже в обычном стекле.

Кир не любил янтарь. Почти ненавидел.

– О чем ты хотела спросить?

– Ты следишь за мной, Охотник?

– Я не Охотник.

– Тогда как ты мог опознать тысячелетнюю ведьму?

– Моим воспитателем был Охотник. Он научил.

– Все равно. Ты следишь за мной?

– Нет, зачем мне это?

– Чтобы я не обидела твоего драгоценного друга.

– Я не слежу ни за тобой, ни за Михаилом.

– Тогда кто?

– Ты уверена, что вообще есть этот кто-то?

– Уверена. Почти. Мне все время кажется, что что-то не так. И слезник предупреждает.

Несколько минут Кир с наслаждением ел горячий суп. Потом опять наполнил коньяком рюмки.

– Ты уверена, что никому не перебегала дорогу?

– Уверена! Я почти не пользуюсь даром.

– А в обычной жизни? Может, чей-то муж, или по работе. Ты же работаешь где-то?

– Исключено! Если это те курицы, я бы давно знала.

– Тогда, наверное, у меня плохие новости. Граф де Шемпле в городе.

– Граф? Кто такой?

– Он ненавидит ведьм и колдунов, уничтожает везде, где встретит. Наверное, в нашем мире ему стало скучно и он решил переключиться на этот.

– Что значит «в нашем мире»?

– Это значит, что граф не из этого мира. Впрочем, я тоже.

– Космос? Инопланетяне?

– Побойся бога, ведьма! Какой космос? Просто соседний мир.

– Не называй меня ведьмой.

– А как тебя называть?

– Вот уже триста пятьдесят лет меня зовут Елена.

– Хорошо. Лена.

– А как называть тебя?

– Мне без разницы.

– Но имя у тебя есть?

– Кир.

– Кир, как мне избавиться от графа?

– Уехать. Далеко, как можно дальше. Затеряйся. В этом городе он тебя найдет.

– А ты почему не уедешь?

– Не могу. Сказал же, у меня долги.

Лена повозила салфеткой по столу.

– Не хочу уезжать. Тут так хорошо все устроилось.

Кир пожал плечами.

– Твое дело.

– А ты бы мог поехать со мной?

– Мог бы. После того, как выплачу долг.

– Это так важно?

– Я привык к тому, что долги нужно отдавать. Всегда.

– Какой принципиальный Охотник!

– Я не Охотник, ведьма.

– Можно остаться у тебя ночевать?

– Можно. Только учти, у меня нет дополнительного дивана. Собственно, и кровати нет. Так что придется нам вместе спать на полу.

– Как, на полу?

– Пойди, посмотри.

Лена действительно вскочила, побежала в комнату, зажгла свет.

Комната была почти пустой. Имелся шкаф, два стула и матрас на полу. И больше ничего. На матрасе, разумеется, имелись подушки, одеяло и постельное белье. Рядом на полу

стоял будильник.

– Ты так и живешь?

– Меня все устраивает.

– Но почему?

Кир едва сдержался, чтоб не выругаться.

– Повторяю еще раз. У меня долги. Пока не выплачу – лучше не будет. Если что-то не нравится, давай закажу тебе такси.

– Нет, нет. Мне все нравится. Бывало и хуже. Просто давно не встречала таких аскетов.

– Я не аскет.

– Я вымою посуду, если ты не против.

– Да ради бога!

***

Ночью было жарко. Кир даже удивился. Потом сообразил, что это Лена дышит ему между лопаток. Было горячо и щекотно, Кир невольно поежился.

На ночь она расплела косу, и ее волосы разметались по подушкам. Подушке Кира тоже досталось.

У нее были странные духи. Почти сладкие и почти терпкие, как лесная ягода. Или это не духи, а природный запах ведьмы?

Он повернулся, левой рукой зарылся в ее волосы, правой обнял за плечи. Очень целомудренно. Хотя почти задел грудь. Но не задел же.

Гостья что-то пробормотала сквозь сон, придвинулась

ближе. Ее нога оказалась между его ног.

Кир поцеловал ее в висок. Опять целомудренно.

– Что тянешь, – рассердилась ведьма, – давай уже. Утром рано вставать, а еще поспать нужно.

***

Киру исполнился двадцать один год. Почти исполнился, несколько месяцев значения не имели.

Был июль. Жара, пыль, жажда. Отвратительные насекомые так и липли к потному телу.

У графа де Шампле случилось недопонимание с соседом. Недопонимание вылилось в войну. Ну, так себе войну – небольшую заварушку. Хотя убитые и раненые были и на той, и на другой стороне.

Пока Кир прикрывал щитом графа, в него самого вонзились две стрелы – в руку и в бедро. Обе на излете. Особого вреда не принесли, но удовольствия от этого тоже было мало.

Когда все закончилось, когда Эдвин де Шемпле убедился в своей победе, он решил, что его оруженосец наконец-то достоин стать рыцарем. Победа требовала широкого жеста.

Кир, пытаясь не обращать внимания на боль, преклонил колено.

Граф легко ударил его мечом по плечу, произнес все необходимые слова.

Кир принес все необходимые клятвы. В родном замке его никто не ждал, поэтому он остался при графе.

Отец изредка присылал письма, в которых сообщал, что

он гордится успехами сына, и чтобы тот и впредь не смел позорить имя де Веетов. Собственно, имя – единственное, что у него было.

Кир решил отправиться в очередной Крестовый поход, добыть там достаточно денег, чтобы купить немного земли и выстроить дом. После этого уже можно было жениться и обзаводиться детьми. Граф посчитал этот план вполне разумным, и дал свое дозволение.

А потом случилась та самая весна.

Черная.

Горькая.

В замке Веетов случился пожар. Так бывает. Два средних брата пытались выбраться из башни, но под ними рухнула лестница. Оба погибли в огне.

Затем, не прошло и месяца, умер старший брат. Наследник. Он все жаловался на боль в животе и на онемение ноги. Решили, что это яд. Хотя сейчас, если смотреть на случившееся, имея знания этого мира, Кир предположил, что это был аппендицит. Хотя какая разница. Аппендицит или яд, все равно умер.

Киру пришлось вернуться домой.

Старый барон воспринял его прибытие равнодушно. Кажется, он даже забыл, что у него есть еще один сын. Четвертый. Ненужный.

Теперь единственный.

Кир не знал, что ему делать. В родном доме он себя чув-

ствовал хуже, чем в гостях. Быть может, только старшая сестра Филиппа помнила маленького мальчика, слишком робкого и серьезного.

Зато челядь вздохнула с облегчением. Есть наследник, значит все хорошо, жизнь продолжается.

Старый барон ненадолго пережил своих сыновей и умер в самом начале лета.

Так, совершенно неожиданно для всех, и в первую очередь для себя, Кир унаследовал титул, земли и все прочие заботы. Никто никогда не готовил его к этому.

***

– Ты опоздал!

– Не опоздал. Пришел на минуту раньше.

Кир и Миха были на кухне. Миха пытался зарядить кофеварку зернами и заправить водой. Кир наблюдал за его стараниями.

На самом деле он, конечно, проспал. И Ленка. Не успели даже чаю выпить —наскоро умылись, оделись, побежали к метро. Ведьма даже не стала заплетать косу. Пока бежали, Киру несколько раз прилетели в лицо ее волосы. Удивительно, это ни капли его не раздражало.

– Кофе скоро будет?

– Ща будет, – Миха начал нажимать на кнопки, – кстати, тебя Ленка искала.

– Какая Ленка?

Та самая Ленка, которую он поцеловал полчаса назад, ко-

гда они расходились по разным веткам метро. Поцеловал в нос. Очень целомудренно. Она зажмурилась и улыбнулась.

***

Миланика

Какая Ленка?!

Я стояла на пороге кухни, держа чашку с ежиками. На ежиках шапки и варежки. Они играют в снежки.

– Какая Ленка? – спросил новенький.

– Та самая, что живет в моем доме. Помнишь, я тебе говорил?

Мишка, сводник, зачем ты так?

– И что ты ей сказал?

– Она адрес хотела, но я ж не знаю. Только метро, и то неточно.

– В следующий раз дай ей мой телефон.

– Блин, точно! Что я сразу не додумался?

Мишка, сволочь, был тут лишним. Я надеялась, что после вчерашнего вечера мы с новеньким перекинемся парой фраз. Не просто «доброе утро», а может быть что-то похожее на разговор. Например «Холодно сегодня!», «Да, ветер и температура упала», «Я пока бежала на работу, совсем замерзла!», «Бедняжка! Иди ко мне, я тебя согрею».

Ну, или почти так. А вечером мы бы вместе могли дойти до метро. Или вместе пойти на обед. Хотя он же не обедает.

На кухню ворвалась Лариска из бухгалтерии.

– У, Кир, как удачно! Зайди потом к нам. Ты же не полный

месяц работаешь? Нужно кое-что уточнить, чтобы премию начислить.

Бабе четвертый десяток, а она все стрижется под мальчика и таскает джинсы. Не пробовала юбки носить?

– О, премия! – оживился Михаил. – А я? Мне когда зайти?

– А ты зачем нужен? Ты тут почти год. С тобой и так все понятно.

Ну почему все так?

Кир налил себе кофе, пошел к двери и наконец увидел меня.

– Доброе утро, – сказал он.

– О, Мила! – это уже Мишка. – Чего стоишь в дверях, как не родная. Проходи, кофе готов! Или тебе чаю? Зеленого? Чайник только вскипел.

Почему чай? Если все с утра пьют кофе, почему мне предлагают чай? Зеленый. Хорошо, не кефир.

Папа всегда говорил, что мужчина должен первый показать свою заинтересованность в отношениях. Но что делать, если Кир такой нерешительный и… старомодный? Придется все делать самой.

И, может быть, мне нужна юбка покороче?

***

Премия? Черт возьми, премия? Может быть, хватит на теплые перчатки и на эклеры для Ленки.

Субботин вызвал его в конце рабочего дня, когда уже все собирались домой.

– Ты верхом ездить умеешь? – сухо спросил он.

– На лошади? – на всякий случай уточнил Кир.

– На лошади! – насмешливо согласился Субботин.

– Немного.

– Хорошо. Тогда будь завтра в девять утра у метро «Коммунарка». Я тебя там подберу.

На метро это полтора часа. Если на автобусе и метро, скорее всего, столько же. Завтра суббота. Кир надеялся спать до полудня, а то и дольше.

С другой стороны, ему же светит премия – да хоть лишняя тысяча, уже хорошо. Ладно, прокатится он верхом. В конце концов пирожные для Ленки важнее.

***

Кир проснулся от мерзкого пиликанья будильника. Шесть утра. Темень.

В доме напротив светилось только одно окно. У кого-то бессонница или приходится вставать на работу даже в субботу?

Полчаса хватило на то, чтобы умыться, одеться и выпить пустой чай. В итоге на «Коммунарке» он был за десять минут до назначенного времени. Небо розовело, окутанное легким туманом, на западе гасли последние запоздавшие звезды.

Было удивительно тихо. Даже проезжающие мимо машины, казалось, тонули в мягком слое ваты. Нежный рассвет как будто целовал чьи-то замерзшие пальцы, согревая их робким дыханием.

– Тебя долго ждать?

Светло-серый мерседес притормозил у обочины. Кир аккуратно обошел его, сел на заднее сидение. Почти четверть часа ехали молча.

– Светлана, – наконец произнес шеф, – знакомься. Это мой сотрудник Кир. Ты о нем говорила.

С переднего пассажирского сидения показалась рыжая головка.

– Очень приятно, – произнес знакомый, слегка хрипловатый голос, – кажется, это вы спасли меня в тех дворах, когда на меня напали.

– Правда? – удивленно ответил Кир. – Я даже не успел рассмотреть вас. Если это были вы, Светлана.

– Светлана, – с напором продолжал Субботин, – настаивала, чтобы ты сопровождал нас сегодня на конной прогулке. Не знаю зачем.

– На всякий случай, – мягко заметила девушка, чуть коснувшись руки, сжимавшей руль, – раз спас однажды, спасет и в другой раз.

– Ты чего-то боишься?

– Нет. Вовсе нет. Ты же не против?

– Я не против.

– Пожалуйста!

– Я не против! Надеюсь, он хотя бы удержится в седле какое-то время.

Ехали еще довольно долго в полной тишине. Киру хоте-

лось закурить, но он не решился даже спросить.

Показалась конюшня. Явно частная – светлые домики под декоративной красной черепицей.

В загоне у самого въезда неспешно прогуливалась соловая кобыла с жеребенком. Жеребенок был тонконогий, неуклюжий, с высоким крупом. Со временем, возможно, из него бы получился неплохой скакун.

У конюшни их уже дожидались две оседланные лошади. Ярко-рыжий буденовский мерин и молодая вороная кобыла с примесью арабских кровей.

Субботин недовольно скривился и сообщил конюху, что им нужна еще какая-нибудь кляча поспокойнее. Для, э-э-э… ну, вон того.

Пока Светлана ворковала с вороной красавицей, пока шеф прохаживался туда-сюда по песчаной дорожке, привели ту самую клячу.

Это оказался конь светло-гнедой масти лет семнадцати, с коротко постриженной гривой.

– Это Гришка, – сообщила девочка в резиновых сапогах и безразмерном пуховике, водружая на спину коню седло, – Гришка тихий и спокойный. Сильно не пинайте его, он все равно не поскачет. Он уже старенький.

Киру это не понравилось.

– Как на самом деле его зовут?

– Гришка, я же сказала.

– Не могут породистую лошадь так звать. Он же не в де-

ревне дрова возит. Я спрашиваю, как на самом деле его зовут.

– Это по документам, что ли? Гримион, Гамильтон или Грилазон, что-то типа того, какая разница. А вам зачем?

– Незачем. Все, стремена я сам подтяну. Спасибо.

Ему казалось уебищной привычка называть лошадей человеческими именами. Стасик, Гоша, Игорек. Совершенное неуважение к сильным красивым созданиям. Конь всегда и везде равноправный партнер. Может спасти, а может и погубить.

– Давай сегодня ты будешь Стрелкой, – Кир погладил тонкую белую проточину на морде, в самом деле чем-то напоминающую стрелу. Скормил коню пару кусков сахара, которые предусмотрительно захватил из офиса. Конь ткнулся носом в его плечо, шумно вздохнул – видимо, согласился.

– Ты скоро там? – рявкнул Субботин.

Вороная красотка даже вздрогнула от этого рыка. Молодая, нервная. Плохо.

– Да. Сейчас.

Кир проверил подпругу, подтянул стремена и сел в седло.

Про Рина, коменданта Холодной Башни, рассказывает Максимилиан, сын герцога Лавиньельского.

Помню, как появился у меня братик этот названный. Отец притащил из одной поездки полудохлого детеныша. Тощий, бледный, волосы кое-как обрезаны и торчат в разные стороны. Мне тогда пять лет было. А ему восемь.

Зато сейчас посмотрите на него. Красавцем не стал, зато патлы отрастил чуть ли не до задницы, не у каждой девки такие.

Матерится, как портовый грузчик – правда, не при отце. Пьет, как наемник, дорвавшийся до бесплатного. Путается со всякой швалью, набрал себе висельников в охрану. Те за него хоть в огонь, хоть в воду, хоть обратно на эшафот. Хорошо он их запугал.

Серьезного впечатления не производит, до тех пор, пока не станет поздно. С силушкой тоже так себе, но его хорошо выучили обращаться с мечом и ножом. Единственная возможность победить – навязать ему затяжной бой. Долго мечом махать он не сможет, поэтому сразу постарается убить.

Еще у этой сволочи длинноволосой красавица-жена, трое

детей и денег до черта. Подозреваю, что даже больше, чем у моего папаши.

Верен он только моему отцу. Ну и мне, отчасти. Поскольку когда-нибудь я тоже стану герцогом Лавиньельским. Вот тогда я на нем отыграюсь!

– Автор! О чем твоё бессмертное творение про Холодную Башню? В чем тайный смысл и каков посыл грядущему?

Автор нервно пьёт кофе с коньяком и отмалчивается. Потому что сказать-то нечего. Писал как писалось, и серебристо-белая шкура белеска там ничего не символизировала. Но отвечать что-то же надо.

Глубоко вздохнув, автор изрек:

– Когда у тебя есть деньги, тебе везде будут рады. Может, не сразу. Может, не все. Но рады.

Но мы-то знаем, что смысл произведения совсем в другом. В чем же?

– Автор, что ты не договариваешь?

Послесловие

К сожалению, много, очень много Юля так и не договорила. Жизнь ее оборвалась, а вместе с ней и жизнь Рина, который пришел в этот мир, еще когда Юля была подростком.

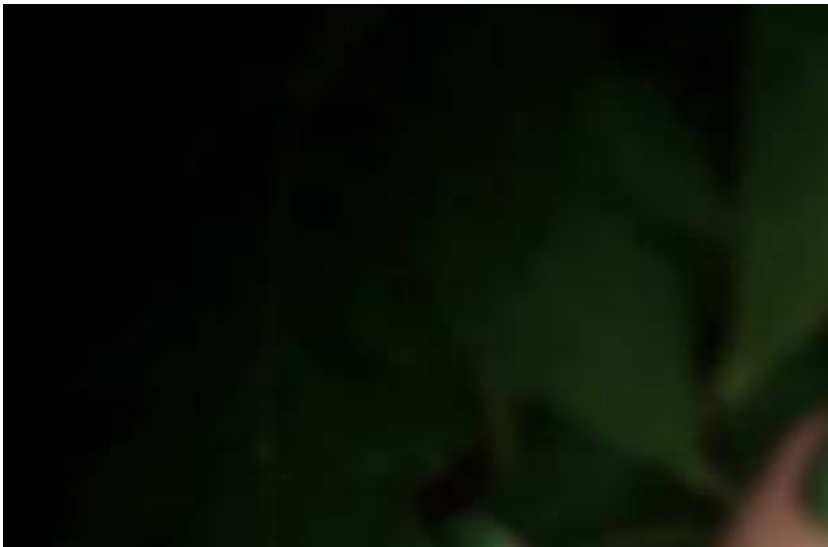
Последнее, что я слышала о нем от Юли: «Ринчик пусть в своей Башне сидит и под руку не попадается». Очень ей не понравилось, что ее любимец изменил жене с леди Агнесс :-

D

У Юли была традиция – начиная историю с новым персонажем, она заказывала себе кольцо с его именем и носила его, пока писала историю. А, закончив, снимала. Мне показалось символичным закончить этот сборник именно так.

Счастливой дороги, Юля!

Пусть Вселенная будет к тебе благосклонна.



КИР
КОНЕЦ
30.08.2019 - 2*.01.2020